

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН

С.В. ЖУКОВ, О.Б. РЕЗНИКОВА

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КИТАЙ:
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

**МОСКВА
ИМЭМО РАН
2009**

УДК 339.92
ББК 65.7 (54)
Жуко 86

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»
основана в 2009 году.

Жуко 86

С.В. Жуков, О.Б. Резникова. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации. М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 180 с.
ISBN 978-5-9535-0193-4

В монографии рассмотрены проблемы экономического, торгового, инвестиционного и транспортного взаимодействия Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана с КНР. Китай стремительно превращается в ведущую экономическую силу в регионе и решающим образом влияет на темпы, ритм и отраслевую структуру экономического роста пятерки центральноазиатских государств. Особое внимание в работе уделяется сближению Центральной Азии и Китая в сфере топливно–энергетического комплекса. Казахстан превратился в ключевую площадку в стратегии глобализации китайских нефтяных компаний, а Туркменистан призван сыграть важнейшую роль в обеспечении растущих потребностей КНР в природном газе. Детально проанализирован процесс продвижения в регион китайского экспорта, в том числе масштабных товарных потоков, нерегистрируемых постсоветской статистикой. Сделан вывод об ускоренном формировании экономической агломерации «Большая Центральная Азия», центром которой является Синьцзян–Уйгурский автономный район Китая.

Zhukov S.V., Reznikova O.B. Central Asia and China: Economic Interactions under Globalization.

The monograph discusses problems of economic, trade, investment and transport interactions between Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan and China. China is rapidly emerging as a leading economic power in the Central Asian region and critically influences rates, rhythm and structure of economic growth in the five Central Asian states. Special attention is paid to the ongoing Central Asia – China rapprochement in the energy sector. Kazakhstan has become a key ground base in the internationalization strategy of Chinese oil companies, while Turkmenistan is supposed to play an important role in serving China’s needs in natural gas. China’s export advancement into the region, including trade flows not registered in post-Soviet statistics is analyzed in detail. The book comes to the conclusion of emergence of “Big Central Asia” economic agglomeration with a center in Xinjiang Uyghur Autonomous Region.

ISBN 978-5-9535-0193-4

© С.В.Жуков, О.Б.Резникова, 2009
© ИМЭМО РАН, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Китай и Центральная Азия: асимметрии экономического взаимодействия.....	7
1.1. Панорама экономического роста в 1981-2008 гг.....	7
1.2. Масштабы экономического потенциала.....	8
1.3. Структура экономического роста.....	11
1.4. Главные экономические партнеры КНР в Центральной Азии.....	13
Глава 2. Синьцзян–Уйгурский автономный район (СУАР) в контексте ускоренного развития западных провинций КНР и формирования «большой Центральной Азии»..	15
2.1. Базовые характеристики Синьцзяна.....	15
2.2. Историко-экономические связи с Российской империей и СССР.....	17
2.3. Интеграция СУАР в общекитайское разделение труда: 1949-2008 гг.....	20
2.3.1. Место в общекитайской системе экономических координат.....	20
2.3.2. Факторы экономического роста.....	23
2.4. Синьцзян – экономическая столица формирующегося макрорегиона «большая Центральная Азия».....	29
2.5. Сопоставление динамики развития Синьцзяна и центральноазиатских республик в исторической перспективе.....	31
Глава 3. Взаимная торговля и прямые инвестиции.....	38
3.1. Официально регистрируемые торговые потоки.....	38
3.1.1. Казахстан – КНР.....	43
3.1.2. Узбекистан – КНР.....	47
3.1.3. Кыргызстан – КНР.....	49
3.1.4. Туркменистан – КНР.....	52
3.1.5. Таджикистан – КНР.....	53
3.2. Статистически нерегистрируемая торговля.....	54
3.2.1. Общая картина.....	54
3.2.2. Макроэкономическая значимость нерегистрируемой торговли.....	61
3.3. Прямые инвестиции.....	68
Глава 4. Транспортные коридоры.....	74
4.1. Ускоренное инфраструктурное строительство на Западе Китая и транспортный выход Китая в Центральную Азию.....	74
4.2. «Шелковый путь» XXI века.....	80
Глава 5. Центральная Азия – энергетический донор китайской экономики?.....	86
5.1. Нарастающая зависимость экономического роста Китая от импорта нефти и газа.....	86
5.2. Евразия – растущий поставщик нефти в КНР.....	90
5.3. Казахстан и Китай – естественные нефтяные партнеры.....	92
5.3.1. СУАР во внутрикитайском нефтяном раскладе.....	92
5.3.2. Взаимодополняемость Казахстана и СУАР в нефтяной сфере.....	93

5.4. Казахстан – плацдарм в стратегии глобализации китайских нефтяных компаний.....	96
5.5. Нефтяные проекты КНР в Узбекистане, Туркменистане и Кыргызстане....	102
5.6. КНР в глобальной конкуренции за центральноазиатский газ.....	106
5.6.1. СУАР в общекитайском газовом уравнении.....	106
5.6.2. Прорыв в Туркменистане.....	108
5.6.3. Экономика газовых проектов Китай – Центральная Азия.....	112
5.6.4. Центральная Азия как возможный газовый мост в Иран.....	114
5.7. Сотрудничество в ядерной энергетике.....	114
5.8. Потенциальные электростанции.....	117
Глава 6. Центральная Азия – КНР: сравнительная конкурентоспособность.....	119
6.1. Экономическое возвышение Китая и перспективы глобальной периферии..	119
6.2. Индикаторы сравнительной конкурентоспособности	121
6.3. Перспективы обрабатывающих комплексов в Казахстане и Узбекистане....	128
Глава 7. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – механизм реализации экономических интересов Китая.....	133
7.1 ШОС – первая китайская организация многосторонней дипломатии	133
7.2. ШОС и ЕврАзЭС как интеграционные торгово–экономические блоки.....	135
7.3. Формальное и неформальное экономическое взаимодействие между странами – членами ШОС.....	138
7.4. Действительные экономические интересы стран – участниц.....	148
Глава 8. Перспективы.....	159
Заключение.....	166
Литература.....	168

ВВЕДЕНИЕ

В середине 1990-х годов одна из главных улиц столицы Кыргызстана Бишкека – проспект имени Ленина – была переименована в проспект имени Дэн Сяопина. В марте 2006 г. Народный банк Казахстана и китайская процессинговая компания China's Union Party подписали договор об эквайринге. Договор предусматривает взаимное признание банковских карточек при проведении финансовых операций в магазинах, банковских терминалах и банкоматах на территории Казахстана и КНР. Первоначально карточки китайских банков начнут хождение на казахстанской территории, а на следующем этапе карточки казахских банков будут обслуживаться в Китае. Карточная система China's Union Pay только в КНР обслуживает более миллиарда банковских карт, включая около 60 миллионов кредитных карт.¹ Летом 2006 г. казахская компания кабельного телевидения Digital TV приступила к трансляции программ китайского канала ХJTV-3. Этот канал начал свою деятельность в 1985 г. и прежде был ориентирован на более чем полуторомиллионную аудиторию казахов, проживающих в Китае. Канал вещает на казахском языке 17 часов в сутки.² В феврале 2009 г. ассоциация софт-компаний Кыргызстана начала всерьез изучать возможности специализации на обслуживании китайского пространства Интернета.³

Эти и многие другие однопорядковые события являются символическим отражением тектонических перемен, происходящих в постсоветской Центральной Азии. КНР оказалась полностью готова к перекройке государственно-политической карты Евразии, вызванной распадом СССР. Естественно, что помимо России особое внимание Китай уделяет Центральной Азии, с тремя странами которой – Кыргызстаном, Казахстаном и Таджикистаном – он имеет общую границу. Уже в первую неделю 1992 г. КНР официально признала новые центральноазиатские государства и установила с ними дипломатические отношения.

Притом, что о политических и геополитических моментах китайской активности в регионе сказано и написано немало, экономические аспекты этой активности получили лишь самое поверхностное освещение в литературе. Между тем именно экономическое взаимодействие Китая с Центральной Азией и шире – Евразией, имеет принципиальное значение для будущего центральноазиатской пятерки. Если в ходе первого открытия Центральной Азии мировой конкуренции во второй половине – последней трети XIX века ослабленная Цинская империя смогла лишь политически и административно закрепить свой суверенитет в Синьцзяне, да и то, не без косвенного, хотя и преследующего другие цели военного участия России⁴, то в ходе нынешнего второго открытия региона глобализация восходящая мировая экономическая держава КНР оказалась здесь одним из главных действующих игроков. Принятое Китаем в апреле 2009 г. решение о выделении Казахстану кредита в размере 10 млрд. долл. для поддержки макроэкономической стабильности в казахской экономике, а также приобретение активов в местном энергетическом секторе не было неожиданным.⁵ Это лишь подтвердило ведущую роль КНР в регионе и, возможно,

---

¹ http://en.chinaunionpay.com/merchantService/faqs/file_4420480.html

² В РК будет транслироваться китайский телеканал на казахском языке// Панорама (Алматы), №22, 9 июня 2006.

³ Кыргызстан может стать страной, осуществляющей транзит интернет-трафика в Китай// <http://asiabc.kg/eng/news.aspx?NewID=6842>.

⁴ Политика Китая в регионе времен первой «большой игры» в Центральной Азии подробно рассмотрены в: Моисеев В.А. Из истории Илийского кризиса (занятия русскими войсками Кульджинского края в 1871 г.)// Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений. Барнаул, 1996, С.93-108; Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политического взаимодействия. М.: «Муравей», 2004, С.47-53.

⁵ Tang E. China, Kazakhstan Sign \$10 Billion Loan-for-Oil Agreements// <http://www.bloomberg.com/apss/news ?pid=newsarchive&sid=aRkoxDWplmJY> (16 April 2009).

сигнализирует о превращении Китая в крупнейшего кредитора центральноазиатских экономик.

В настоящей монографии рассматриваются вопросы торгового, инвестиционного, энергетического и транспортного взаимодействия КНР и Центральной Азии с учетом принципиальных различий в масштабах и структуре экономического потенциала партнеров, а также разной глобальной конкурентоспособности китайской и центральноазиатских экономик.

По нашему мнению, только глобальный контекст является релевантной рамкой анализа, позволяющей раскрыть и оценить содержание и направление процессов, набирающих силу в связке Китай – Центральная Азия. Восходящая мировая держава является одним из самых активных участников процесса реконфигурации центральноазиатского экономического пространства. Опираясь на свои рыночные и нерыночные конкурентные преимущества, а также умело используя глобальные и региональные механизмы сотрудничества, главным образом Всемирную Торговую Организацию и в возрастающей степени Шанхайскую Организацию Сотрудничества, КНР объективно направляет вектор экономической перестройки центральноазиатского региона в целях решения приоритетных проблем своего национального развития. Центральноазиатские, как и все евразийские экономики, сталкиваются с принципиальным вызовом – ни одна из них не в состоянии составить конкуренции Китаю в отраслях вне сырьевого сектора, что накладывает жесткие ограничения на перспективы и структуру их экономического роста.

При работе над книгой авторы использовали советы и предложения коллег. Особо хотелось бы отметить ценные замечания Карлыгаш Еженовой, Арыстана Есентугелова, Ильхома Каримова, Айгуль Кошербаевой, Мурата Лаумулина, Дины Малышевой, Василия Михеева, Бориса Румера, Алины Сагинбаевой, Александра Салицкого, Константина Сыроежкина, Марата Тазабекова, Эскендера и Эшрефа Трушиных.

Глава 1. Асимметрии экономического взаимодействия Центральной Азии и Китая

В 1980–1990–х годах в Евразии развернулось два мощных долговременных процесса, которые решающим образом влияют на экономическую реконфигурацию бывшего советского экономического пространства. С одной стороны внутренняя и внешняя либерализация экономики в КНР обнаружила, что этот азиатский гигант обладает серьезными конкурентными преимуществами, позволяющими ему воспользоваться глобализацией в интересах ускорения экономического и социального развития. В 1981–2008 гг. валовой внутренний продукт Китая рос среднегодовым темпом 9.95%. Столь высокие темпы роста на протяжении почти трех десятилетий подряд не имеют прецедентов в современной экономической истории. Еще более поразительно, что столь впечатляющую экономическую динамику демонстрирует страна с населением, превышающим один миллиард человек.

С другой стороны, параллельно стремительному подъему Китая наблюдается замедление, а затем коллапс экономического роста в экс-СССР. Глобализация взломала нерыночное советское пространство, и быстро обнаружилось, что большинство возникших на месте Советского Союза государств надолго закрепились на траектории экономической деградации и примитивизации.

Находясь в столь неравных экономических условиях, постсоветские и китайская экономика вступили в тесный экономический контакт. Изначально принципиально важно подчеркнуть, что речь идет о взаимодействии резко асимметричных экономических партнеров. В настоящей главе выделены три параметра этой асимметрии:

- сохраняющаяся разнонаправленность векторов экономического развития;
- несопоставимый масштаб экономических потенциалов;
- различные структуры экономического роста.

1.1. Панорама экономического роста в 1981-2008 гг.

Стремительный экономический рост и бурный социально-экономический прогресс с одной стороны и беспрецедентно глубокий для мирного времени производственный спад и тотальная примитивизация экономической структуры с другой – такова истинная система координат, в рамках которых развивается экономическое сотрудничество Китая и Центральной Азии.

Если взять усредненные показатели за последние 28 лет, то ежегодно китайская экономика росла на 8.7 процентных пункта быстрее экономики Казахстана, на 8.3 пункта – экономики Узбекистана, 8.4 пункта – экономики Туркменистана, 8.85 пункта – экономики Кыргызстана и 9.9. процентных пункта экономики Таджикистана (подсчитано по данным таблицы 1.1). В 1990–е годы, ставшие потерянными для всей центральноазиатской пятерки, валовой внутренний продукт Китая рос среднегодовым темпом 10.45%. Образно говоря, три последних десятилетия экономика КНР «бежала» на запредельных скоростях, в то время как центральноазиатские страны в лучшем случае «стояли» и даже «бежали» в обратном направлении. В Таджикистане экономический спад 1990–х годов оказался столь глубоким, что в 2008 г. страна только вышла на уровень производства, достигнутый в 1980 г.

Таблица 1.1.

Среднегодовые темпы роста стран Центральной Азии и КНР в 1981-2008 гг.

	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан	КНР	СУАР
	ВВП						
1981-1990	0.2	3.5	0.95	1.95	2.5	9.3	10.05
1991-2000	-2.5	-2.5	-4.7	-1.9	-1.85	10.45	8.9

2001-2008	7.2	3.7	7.1	5.5	5.3	10.1	10.2
1981-2008	1.25	1.1	0.05	1.55	1.65	9.95	10
ВВП на душу населения							
1981-1990	-0.5	1.55	-1.2	-0.35	-0.05	7.7	8.3
1991-2000	-1.65	-3.2	-5.6	-3.05	-3.0	9.3	7.65
2001-2008	6.6	2.85	5.9	4.3	4.05	9.45	8.3
1981-2008	1.05	-0.3	-1.9	-0.45	-0.35	8.75	8.05

Рассчитано по: данные национальной статистики; Former Soviet Republics. Output, Capital, Labor: 1973-1997. Electronic Data Base constructed by W.Easterly & S.Fisher and updated by M. De Broek & V.Koen. По Туркменистану и Узбекистану за 2008 г. – грубые авторские оценки.

Из-за высоких темпов демографического роста в Центральной Азии (исключая Казахстан) и наложившейся на них экономической катастрофы 1990-х годов, еще более заметны разрывы в динамике среднедушевых ВВП КНР и центральноазиатской пятерки. В 1981–2008 гг. только Казахстану удалось показать положительные темпы роста валового внутреннего продукта на душу населения. В 2008 г. среднедушевой ВВП в Таджикистане был ниже уровня 1980 г. на 42%, в Туркменистане – на 12%, Узбекистане – 9% и в Кыргызстане – на 8%. Среднедушевой ВВП Китая за тот же период увеличился в 10 раз, а Синьцзян–Уйгурского автономного района (СУАР) – почти в 9 раз. В Казахстане среднедушевой ВВП вырос всего на 34%.

Глобальный экономический кризис, инициированный в декабре 2007 г. спадом в экономике США, уже вызвал замедление темпов роста в КНР, но также и Казахстане и Туркменистане. Если повышательный сырьевой цикл середины 2000-х годов, который прямо и косвенно помог центральноазиатским экономикам выйти из трансформационного спада, сменился на понижительный сырьевой тренд, а тому есть немало объективных подтверждений, Центральная Азия может на долгий период времени войти в состояние вялотекущей экономической стагнации и даже новый виток производственного спада. Китай же, судя по всему, имеет больше шансов сохранить положительные и сравнительно высокие темпы экономического роста.

1.2. Масштабы экономического потенциала

Перейдем к основным абсолютным параметрам экономик Центральной Азии и КНР. Учитывая то обстоятельство, что непосредственно центральноазиатские страны взаимодействуют с Синьцзян–Уйгурским автономным районом будем использовать при анализе не только совокупные показатели по Китаю в целом, но и отдельно по Синьцзяну.

В таблице 1.2 представлены обобщенные индикаторы, характеризующие масштабы экономического потенциала рассматриваемых экономик. По населению КНР превосходит Центральную Азию в 22 раза (1325 млн. против 61 млн. человек). При этом СУАР по численности населения уступает только Узбекистану – 21 млн. против 27.8млн. человек. В то же время население СУАР примерно равно совокупному населению граничащих с автономным районом Казахстана и Кыргызстана.

По абсолютному размеру валового внутреннего продукта по текущим официальным курсам национальных валют КНР превосходит Центральную Азию в 25 раз (4326 млрд.

долл. против 171 млрд. долл.). Более того, совокупный ВВП Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана на 37% меньше валового регионального продукта СУАР. По стоимостному объему товарного экспорта Китай превосходит Центральную Азию в 16 раз, а импорта – в 20 раз.

Таблица 1.2.

Базовые экономические параметры стран Центральной Азии, КНР и СУАР в 2008 г.*

	Население		ВВП**		Экспорт, US\$ млрд.	Импорт, US\$ млрд.
	млн. человек	доля в населении региона, %.	US\$ млрд.	Доля в ВВП региона, %		
Казахстан	15.7	26	132.2	78	71.2	37.9
Кыргызстан	5.4	9	5.2	3	1.6	4.0
Таджикистан	6.9	11	5.1	3	1.4	3.3
Туркменистан	5.0	8	10.0	6	9	5
Узбекистан	27.8	46	18.0	11	6.9	6.0
Центральная Азия	60.7	100	170.6	100	90.1	56.2
КНР	1325		4326		1450	1150
- СУАР***	21		60.5			

* - По Туркменистану и Узбекистану за 2008 г. – грубые авторские оценки.

** - по официальному обменному курсу.

*** - Синьцзян – Уйгурский автономный район (СУАР).

Источники: национальная статистика и оценки авторов.

Колоссальный отрыв КНР от центральноазиатских партнеров по масштабам экономической активности – естественный результат экономического развития за три последние десятилетия. Еще в 1981 г. ВВП КНР был больше совокупного ВВП среднеазиатских республик и Казахстана всего в 2.6 раза при расчетах в долларах и условиях 2006 г., и в 2.9 раза по паритетам покупательной способности национальных валют 2004 г. (см. диаграммы 1.1 и 1.2). Мы намеренно используем в качестве базового года 2004 г. В этом году цены на нефть и природный газ еще не вышли на рекордные уровни 2005–2008 гг. Известно, что ВВП нефтеэкспортеров по ППС для тех лет, когда энергетические цены находятся на «избыточно» высоком уровне относительно долгосрочного среднего, получают «нефтяную прибавку». В те же годы, когда цены на энергоносители более приближены к долгосрочным средним уровням, эта прибавка исчезает.⁶

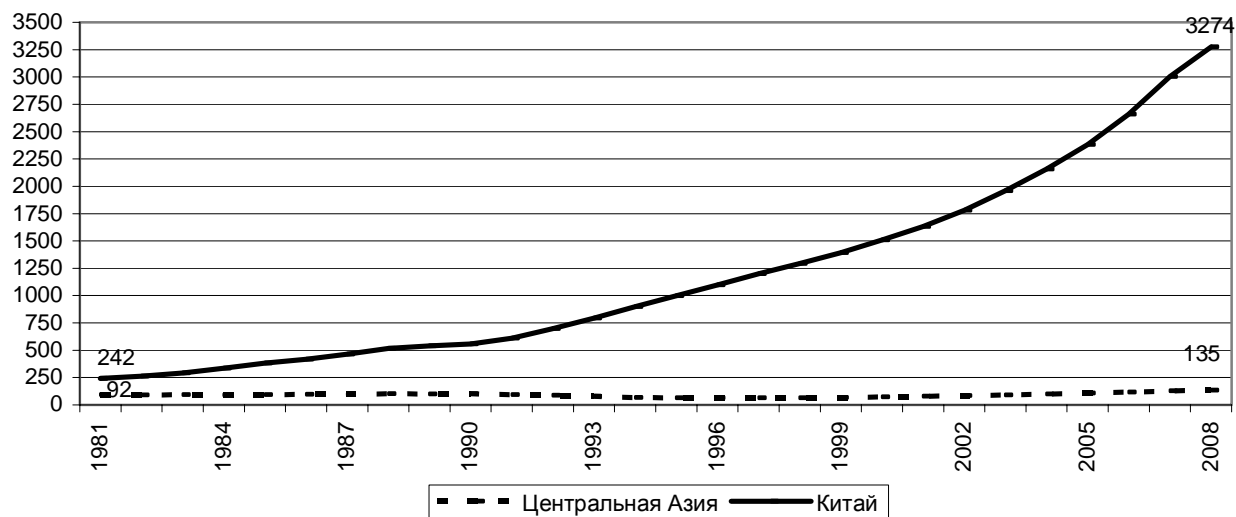
Менее трех десятков лет тому назад по уровню развития, измеряемому как показатель ВВП на душу населения, все центральноазиатские страны, но особенно Казахстан и Туркменистан, в разы превосходили Китай. Среднедушевой ВВП КНР уступал аналогичному показателю для центральноазиатской пятерки в целом более чем в десять раз при расчетах в долларах 2006 г. и примерно в 9 раз при использовании паритетов покупательной способности национальных валют (см. таблицу 1.3).

Однако уже к 2000 г., все центральноазиатские страны, кроме Казахстана и Туркменистана, заметно уступали КНР. В 2005–2008 гг. Китай по среднедушевому ВВП обошел взятую вместе пятерку центральноазиатских экономик. Все это означает, что асимметрия экономического сотрудничества КНР и Центральной Азии определяется не

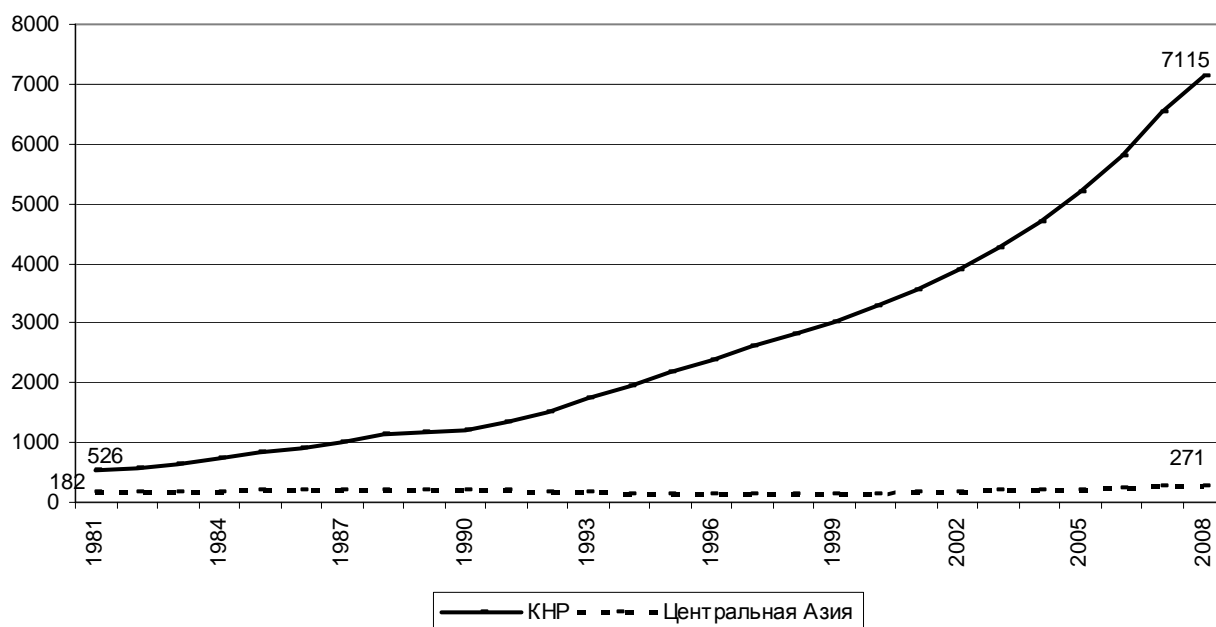
⁶ См., например: Consistency between GDP based on PPPS and National Accounts Time Series. Working Paper No 14, Statistical Commission and Economic Commission for Europe, Conference of European Statisticians. Joint Consultation on the European Comparison Programme, Geneva, 12-14 November 2001, PP.7-8.

только несопоставимыми масштабами взаимодействующих субъектов, но также и углубляющимися различиями в уровне развития. Если исключить нефтегазовых экспортеров – Казахстан и Туркменистан, Центральная Азия все заметнее отстает от Китая.

Диаграмма 1.1
Динамика абсолютного ВВП государств Центральной Азии и КНР,
млрд. долл. (в долларах 2006 г.)

Диаграмма 1.2
Динамика абсолютного ВВП государств Центральной Азии и КНР,
млрд. долл. (ППС 2004 г.)

Рассчитано и составлено по: национальная и международная статистика; Former Soviet Republics. Output, Capital, Labor: 1973-1997. Electronic Data Base constructed by W.Easterly & S.Fisher and updated by M. De Broek & V.Koen.

Таблица 1.3.

Среднедушевой ВВП стран Центральной Азии относительно Китая (показатель по КНР принят за 100%)*

	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан	Центральная Азия
в долларах 2006 г.						
1980	1751	336	398	2430	395	1020
1990	773	187	156	1097	187	441
2000	243	46	26	276	47	116
2005	252	34	25	220	38	107
2008	223	29	22	203	34	95
По ППС 2004 г.						
1980	1471	411	574	1150	508	893
1990	649	228	224	519	241	394
2000	204	56	37	131	61	104
2005	196	43	34	97	46	88
2008	189	36	32	97	44	84

* - По Туркменистану и Узбекистану за 2008 г. – грубые авторские оценки.

Рассчитано по: национальная и международная статистика; Former Soviet Republics. Output, Capital, Labor: 1973-1997. Electronic Data Base constructed by W.Easterly & S.Fisher and updated by M. De Broek & V.Koen.

Нам уже приходилось подробно высказываться по вопросу корректности расчетов по ППС при международных сопоставлениях⁷, поэтому ограничимся здесь двумя принципиальными констатациями. Во-первых, из-за того, что методика ППС налагает веса и ценовые уровни экономик развитых на экономики менее развитые, показатели последних автоматически подтягиваются вверх. Причем, чем ниже фактический уровень развития страны, тем более высокий коэффициент устанавливается для нее при пересчете показателей по текущему обменному курсу в ППС. Во-вторых, и это главное, идеология ППС на первое место ставит предложение, а не спрос. Притом, что для большинства развивающихся и всех так называемых «переходных» экономик расчеты ППС выполняются только для ВВП по конечному потреблению, данные расчеты абсолютно непригодны для формулирования целей краткосрочной макроэкономической политики и дают ложные ориентиры о масштабах рынков для компаний частного сектора.

1.3. Структура экономического роста

Одна из главных причин нарастающего отрыва КНР от стран Центральной Азии по абсолютным масштабам экономического потенциала – различия в структуре экономического роста. Китайская экономика находится в фазе ускоренной индустриализации, причем индустриализации ориентированной на внешний спрос. Опираясь на практически неограниченное предложение дешевой, но при этом качественной, рабочей силы, Китай взял на себя функции глобальной промышленной фабрики современного мира. В настоящее время китайские производители безоговорочно доминируют на рынках продукции низкого и в возрастающей степени среднего технологического уровня. В случае продолжения действующих тенденций Китай в ближайшие годы закрепится и на рынках высокотехнологичной продукции.

⁷ См.: Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах... сс.85-98.

В 1995–2006 гг. вклад обрабатывающей промышленности в производство совокупной добавленной стоимости в Китае вырос с 30.8% до 34.45%, а доля страны в мировой обрабатывающей промышленности поднялась с 5.12% до 10.62% (см. таблицу 1.4). Доля же Китая в совокупном мировом экспорте продукции обрабатывающей промышленности возросла с 3.3% до 12.4%. Есть определенные основания считать, что разворачивающийся мировой экономический кризис, укрепит глобальные конкурентные позиции китайской промышленности. При этом кризис также подтолкнет ускорение индустриализации внутреннего экономического пространства КНР.

Таблица 1.4.

Обрабатывающая промышленность в КНР, Казахстане, Узбекистане и России				
	КНР	Казахстан	Узбекистан	Россия
Доля обрабатывающей промышленности в ВВП (в долл. 2000 г.)				
1995	30.8	15.72	9.7	19.9
2000	32.12	16.49	8.26	19.6
2006	34.45	15.35	6.7	19.92
Добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности на душу населения, долл. 2000 г.				
1995	203.83	153.58	48.5	322.09
2000	307.23	192.84	45.63	349.57
2006	543.4	332.57	47.23	528.34
Доля в добавленной стоимости мировой обрабатывающей промышленности, % (в долл. 2000 г.)				
1995	5.12	0	0	1
2000	6.66	0	0	0.88
2006	10.62	0.11	0	1.09
Доля в мировом экспорте продукции обрабатывающей промышленности, %				
1995	3.28	0.11	0	...
2000	4.5	...	0	0.85
2006	12.42	0.19	0	1.58

Составлено по: база данных ЮНИДО – <http://www.unido.org>

Участие промышленных лидеров Центральной Азии – Казахстана и Узбекистана в мировом производстве и экспорте продукции обрабатывающей промышленности едва заметны. Кыргызстан же, Таджикистан и Туркменистан фактически не принимают участия в международном промышленном разделении труда.

Именно различия в структуре экономического роста объясняют гигантский и нарастающий отрыв Китая от постсоветских экономик по масштабам экономической деятельности. Два момента имеют принципиальное значение. Во-первых, в длительной исторической перспективе цены на готовую промышленную продукцию растут быстрее цен на сырьевые товары. Кстати, осознание этого обстоятельства стало фундаментом экономики развития, родоначальником которой считается аргентинский экономист Артур Пребиш. Данное положение, которое большинство специалистов в области экономического развития, считают аксиомой, означает, что в длительной временной перспективе сырьевые экономики (при стационарной добыче сырья) обречены сжиматься по объему относительно экономик, опирающихся на обрабатывающую промышленность.

Во-вторых, и это существенно важнее, только обрабатывающая промышленность обладает свойством углублять и расширять общественное разделение труда. Направляя свою продукцию для использования в других отраслях (так называемые «прямые межотраслевые

связи») и вместе с тем потребляя продукцию других отраслей (так называемые «обратные межотраслевые связи»), обрабатывающая промышленность имманентно формирует самоподдерживающийся и постоянно расширяющийся контур экономического роста. В конечном счете, индустриализация оборачивается существенным наращиванием экономической активности, причем не только в самом обрабатывающем секторе, но и экономике в целом. Сырьевые секторы таким замечательным свойством не обладают.

1.4. Главные экономические партнеры КНР в Центральной Азии

Наконец, еще один момент, который заметно влияет на асимметрию взаимодействия Центральной Азии с КНР, связан с резкой дифференциацией внутри самой центральноазиатской пятерки. Экономическая активность в регионе распределена крайне неравномерно. Несомненным экономическим лидером Центральной Азии является Казахстан. При этом, что на эту страну приходится всего четверть совокупного населения региона, доля Казахстана в совокупном центральноазиатском ВВП составляла в 2008 г. 78%, экспорте – 79% и импорте – 67% (см. таблицу 1.2). Причем концентрация региональной экономической активности в Казахстане в последние годы продолжала нарастать.

Неудивительно поэтому, что, говоря о взаимодействии Центральная Азия – Китай, речь, прежде всего, идет об экономическом сотрудничестве по линии Казахстан – КНР. В 2008 г. на Казахстан приходилось 82% всего товарооборота Китая с регионом. Казахстан к концу 2007г. оттянул на себя 97% всех накопленных прямых инвестиций из КНР в Центральную Азию (см. таблицу 1.5).

В основе столь резко выраженной асимметричности лежит неодинаковая наделенность центральноазиатских стран природными ресурсами. Как известно, все пять экономик позиционировались на мировом рынке в качестве экспортеров углеводородов, черных и цветных металлов, а также сельскохозяйственного сырья. Среди стран региона именно Казахстан наиболее богато наделен всеми этими ресурсами. Со своей стороны бурно индустриализирующийся Китай генерирует растущий спрос на всю группу сырьевых товаров, что и выводит Казахстан в приоритетные партнеры КНР в центральноазиатском регионе.

Таблица 1.5.

Экономическое взаимодействие Центральной Азии с КНР в 2008 г.*

	Торговля Центральной Азии с КНР		Прямые накопленные инвестиции КНР в Центральной Азии (на начало 2008 г.)	
	US\$ млн.	Доля в торговле региона с КНР, %	US\$ млн.	Доля в накопленных инвестициях КНР в Центральной Азии, %
Казахстан	12240	82	3900	97
Кыргызстан	720	5	50	1.2
Таджикистан	325	2	15	0.4
Туркменистан	525	4	25	0.6
Узбекистан	1100	7	30	0.7
Центральная Азия	14910	100	4020	100

* - По Туркменистану и Узбекистану за 2008 г. – грубые авторские оценки.

Источники: данные национальной статистики; авторские оценки.

В ближайшей перспективе в число приоритетных партнеров Китая, по-видимому, войдет также и Туркменистан. Китайские компании инвестируют значительные средства в разработку туркменских газовых месторождений и строительство магистрального газопровода Туркменистан – Синьцзян–Уйгурский автономный район. При этом, что поставка специального оборудования и металлических труб для газопровода в значительной мере обеспечивается китайскими компаниями, это должно найти отражение в структуре инвестиционного и торгового взаимодействия КНР с Центральной Азией.

В силу географии экономическое взаимодействие Китая с государствами Центральной Азии развивается прежде всего через Синьцзян–Уйгурский автономный район. Учитывая это обстоятельство, следующая глава преследует цель дать общий экономический портрет Синьцзяна и сопоставить экономическое развитие этой западной китайской провинции и центральноазиатских республик в длительной исторической перспективе.

Глава 2. Синьцзян–Уйгурский автономный район в контексте ускоренного развития западных провинций КНР и формирования «большой Центральной Азии»

В 1759 г. Цинская империя завершила завоевание Кашгарии и Джунгарии и последние были включены в состав Китая в качестве провинции Синьцзян («новые границы» или «новые территории»)⁸. Площадь Синьцзян–Уйгурского автономного района достигает 1.6 млн. кв. км, что составляет одну шестую часть территории КНР и примерно треть территории Европы. Если условно рассматривать автономный район как отдельное государство, то в списке крупнейших по размерам территории стран мира он занял бы 18 место.

Интеграция Синьцзяна в единое экономическое пространство КНР началось лишь в середине прошлого века. Прежде чем перейти к анализу этого процесса имеет смысл подробнее остановиться на некоторых базовых характеристиках СУАР, которые инвариантны к политико-экономическим циклам его развития и оказывают существенное влияние на долгосрочную экономическую динамику.

2.1. Базовые характеристики Синьцзяна

Главной базовой характеристикой Синьцзяна, как и соседних центральноазиатских государств, является отсутствие выхода к мировым торговым путям. Столица Синьцзяна – г. Урумчи представляет собой самый отдаленный от морского побережья город в мире. Примечательно, что из 30 географически запертых развивающихся стран и территорий, наиболее удалены от моря именно СУАР (более 4000 км.), а также сопредельные и близлежащие Казахстан (3750 км.), Кыргызстан (3600 км.), Таджикистан (3100 км.) и Узбекистан (2950 км.). Далее в этот список вклиниваются географически близкий Афганистан (1960 км.), Замбия (1975 км.) и Руанда (1867 км.), за которыми следует Туркменистан (1700 км.)⁹. Географическая удаленность от развитых мировых центров потребления и производства является и главной причиной сравнительной слаборазвитости этих территорий.

Топография Синьцзян–Уйгурского автономного района не менее сложна, чем его география. Со всех сторон автономный район окружен горными хребтами – на севере и северо-востоке Алтайскими; на северо-западе Тарбагатайскими; на западе и юго-западе – Памирскими и Каракорумскими; на юге – Кунлунскими. Тянь-Шанские горы, проходящие по центру СУАР, делят его на две части: Таримскую впадину на юге и Джунгарскую впадину – на севере. Четверть территории СУАР занимает пустыня и еще около четверти полупустыня. 30% площади Синьцзяна занято степями. По официальным оценкам для сельскохозяйственного использования в разных формах пригодны лишь 68 млн. га.

Горы, впадины, пустыни и полупустыни и оазисы делят территорию района на множество зон с резко отличными природно-климатическими характеристиками. Достаточно сказать, что высота некоторых пиков Тянь-Шаня достигает 7400 метров, в то время как в Турфанской впадине некоторые территории находятся на 160 метров ниже уровня моря.¹⁰

Климат в СУАР резко континентальный. Средняя летняя температура в июле достигает 25 градусов по Цельсию на севере и 28 градусов на юге. Соответствующие температуры января составляют – 8 и – 9 градусов. Перепад дневной и ночной температуры

⁸ История Китая. Под ред. А.В. Меликсетова. М.: Изд-во Московского университета, 2004, с.273; Особенно подробно политика (за исключением экономического ее аспекта) центральных властей Китая в отношении своей западной провинции Синьцзян представлена в: Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в XIX веке. М.: Институт Востоковедения РАН, 1998.

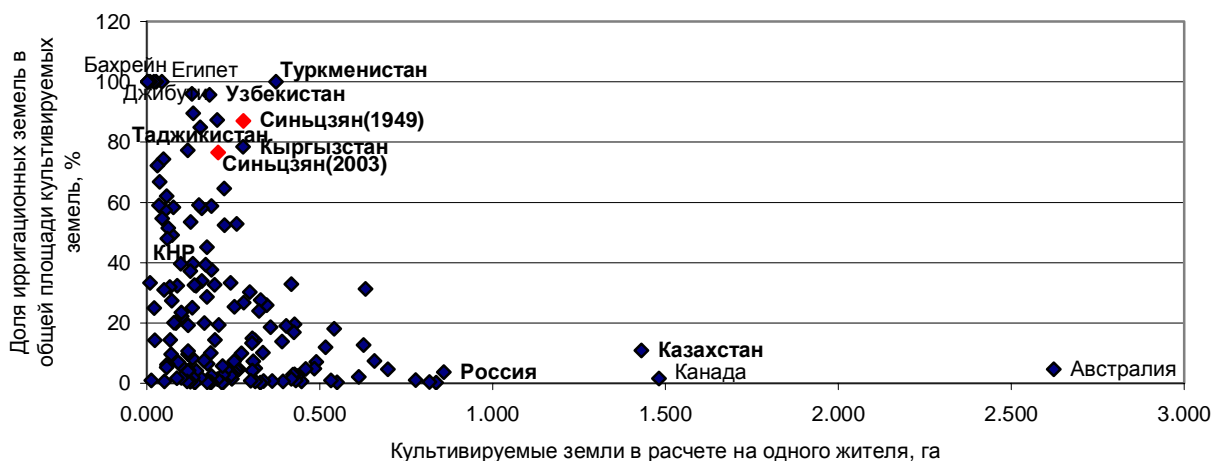
⁹ Snow T., Faye M., McArthur J., Sachs J. Country Case Studies on the Challenges Facing Landlocked Developing Countries. UNDP, January 2003.

¹⁰ Yan G. Fisheries Development in Xinjiang, China. FAO 2004; Griffin K. Rural Development in an Arid Region: Xinjiang// Third World Quarterly, Vol.8, №3, 1986, pp.978-979.

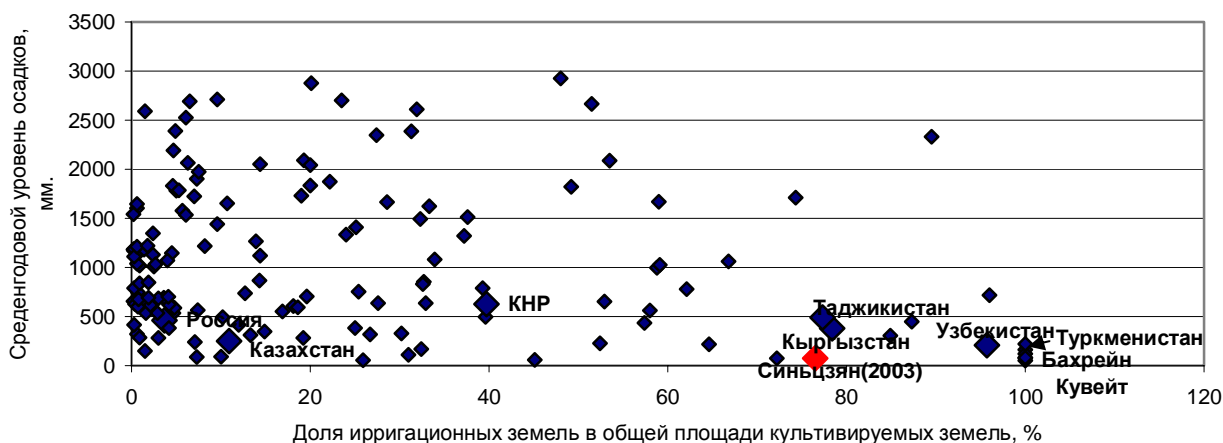
может достигать 20 градусов Цельсия. Среднегодовой уровень осадков не превышает 150 мм, причем на более чем половине равнинной территории осадки составляют менее 100 мм. На юге Синьцзяна годовой уровень осадков не превышает 30-50 мм.¹¹

Как это наглядно демонстрирует диаграммы 2.1 и 2.2, в Синьцзяне, как и в соседней Центральной Азии за исключением Казахстана, возможно развивать только ирригационное земледелие.

Диаграмма 2.1
Общие условия для растениеводства в мире
(2000 или ближайший год)

Диаграмма 2.2
Природно-климатические условия для растениеводства в мире

Составлено и подсчитано по: база данных ФАО – http://ftp.fao.org/agl/aglw/aquastat/aquastat_2003.xl. На диаграмме среднегодовой уровень осадков в СУАР полагается равным 75 мм. По другим данным, годовая норма осадков в автономном районе достигает 150 мм¹², однако, принципиально картины это не меняет.

¹¹ Yan G. Fisheries Development in Xinjiang, China. FAO 2004.

¹² Yu X., Yu M., Ewell F. Xinjiang Cotton Production and Its Impact to China's Cotton Market. Tarim University & Tarleton University, 2005 (mimeo).

В принципе, с точки зрения природно-климатических условий для ведения растениеводства СУАР, как и Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, близки арабским странам Персидского залива.

Географическая изолированность и удаленность от мировых торговых путей вкпе со сложной физической географией и природно-климатическими условиями делают СУАР регионом предельно трудным для запуска экономического роста на рыночной основе. Комбинация физической географии и климата способствовала тому, что на протяжении веков в Синьцзяне островки оазисного земледелия сочетались с кочевым и полукочевым скотоводством. В Турфане, например, за счет колоссальных затрат физического труда нескольких поколений была построена колоссальная ирригационная система кяризов, основу которой составляют искусственные системы подземных каналов и колодцев.

На протяжении столетий темпы экономического роста в этой западной провинции Китая в лучшем случае соответствовали темпам роста населения, а экономическая система находилась в стационарном равновесии на низком уровне развития. Импульсы модернизации и стимулы к углублению разделения труда в значительной мере поступали из-за границы.

2.2. Историко-экономические связи с Российской империей и СССР

После завоевание края Цинская империя вступает в непосредственный контакт с казахскими и киргизскими племенами, памирскими княжествами и государствами Средней Азии. К этому моменту Синьцзян уже поддерживал торговые отношения с соседними территориями.

Вплоть до середины XX века Синьцзян оставался слабо интегрированным в экономику Китая. Географическая удаленность от главных центров экономической активности на юге империи, практическое отсутствие транспортной инфраструктуры, доминирование в экономической структуре провинции аграрного сектора, причем по большей части самодостаточного натурального хозяйства, обуславливали низкий уровень товарного обмена между западной периферией и расположенными на океанском побережье южными провинциями. Не меньшую, если не бóльшую, роль играли и политические факторы, причем как собственно китайские, так и международные. С одной стороны, Китай находился в ситуации политико-экономического упадка. С другой стороны, этническая и религиозно-культурная инаковость Синьцзяна выступали серьезным барьером для участия уйгурских и дунганских купцов во внутрикитайской торговле. Географически удаленная провинция практически не участвовала в общекитайском разделении труда.

Не только территориально, но и цивилизационно Синьцзян был скорее ближе сопредельным Казахстану и Средней Азии. На протяжении длительного исторического периода экономические связи западной провинции с близлежащими центральноазиатскими территориями были более тесны, чем его экономическое взаимодействие с внутренними китайскими провинциями. Еще в XVII веке русское купечество начало осваивать рынки Китая. Центральные китайские власти изначально установили два разных торговых режима: более либеральный для Кашгарии и несколько более строгий для Джунгарии. Для Джунгарии в частности была запрещена прямая торговля с русскими купцами.¹³ В отдельные периоды китайские власти вводили запреты на торговлю с купцами из Коканда, который отказывался признать свою вассальную зависимость от Цинской империи.¹⁴

Озабоченная соображениями идеологического и политического контроля над населением провинции Цинская империя ограничивала деятельность китайских купцов за рубежом, что дестимулировало экспорт. В 1794 г. уйгурским купцам был запрещен выезд за

---

¹³ Кузнецов В.С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX века. Москва: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1972, с.122.

¹⁴ Там же, сс.126-127.

рубеж, в отношении китайских купцов этот запрет действовал и ранее.¹⁵ Внешнеторговый баланс практически всегда сводился для Синьцзяна с отрицательным сальдо, главным образом потому, что торговать краю было особенно нечем.¹⁶

После включения Синьцзяна в состав Цинской империи между российским и китайским купечеством были установлены прямые связи. В результате завоевания Средней Азии и с момента ускорения экономического развития Российской империи в 1870–1880-е годы в Синьцзяне наблюдается активизация российско-китайской торговли.

В последней трети XIX – первой половине XX века хозяйственный цикл в Синьцзяне находился в серьезной зависимости от взаимодействия вначале с российской, а затем советской экономикой. Последние выступали естественным рынком сбыта для продукции сельского хозяйства провинции – скота, продукции животноводства (шкуры, овечья шерсть), шелка-сырца, табака, изюма, орехов, хлопка-сырца, а также перепродажи чая из других регионов Китая. В свою очередь Россия, а затем СССР были для Синьцзяна источником промышленных товаров. К началу первой мировой войны товарооборот России с Синьцзяном достиг 17.5 млн. рублей, что составляло 15% всей российско-китайской торговли и в 1.5 раза превышало товарооборот с Афганистаном, в 1.5-1.6 раза с Монголией, в 1.75-1.9 раза – с Японией.¹⁷ В 1913 г. Русско-Азиатский банк добился выпуска банкнот с правом их приема и оплаты золотом в городах Кашгар, Кульджа и Чугучак.¹⁸ О степени взаимосвязанности экономического развития России и Синьцзяна говорит то обстоятельство, что даже в начале 1920-х годов здесь в обращении циркулировали николаевские (царские) рубли.¹⁹

Конечно, в силу преобладания в экономической структуре Синьцзяна натурального нетоварного сельского хозяйства, значимость внешнеэкономических связей для всей экономики провинции не стоит переоценивать. И все же не подлежит сомнению, что экспорт и импорт оказывал существенное, если не определяющее влияние на экономическую динамику современного товарного сектора. Известно, например, что в конце 1920-х годов из-за сокращения экспорта хлопка посевные площади в Синьцзяне сократились наполовину.²⁰ Заграница также через механизм демонстрационного эффекта существенно влияла и на развитие местных потребностей, что отражалось в эволюции структуры потребительского спроса.

Российская империя также была источником передовых технологий. С помощью русских геологов, например, в 1909 г. в Синьцзяне была пробурена первая механизированная нефтяная скважина и построены первые мощности по нефтепереработке.²¹

Масштабы и динамика взаимной торговли заметно колебались в зависимости от внутренней ситуации в России/СССР. В годы первой и второй мировых войн, революционных потрясений и гражданской войны в России товарооборот с Синьцзяном резко сжимался по объему, вызывая в экономике провинции острые экономические кризисы, сопровождавшиеся взрывом безработицы, ростом нищеты и смертности. В отдельные периоды свою лепту в динамику торговли вносили и политические решения властей. Так, например, в конце 1917 г. Китай присоединился к международной блокаде Советского Союза. Однако по причине сильнейшей зависимости экономической жизни в Синьцзяне от сотрудничества с соседом, а также в силу достаточной самостоятельности местных властей и

---

¹⁵ Там же, с.20.

¹⁶ Там же, с.129.

¹⁷ См.: Шеметова Т.А. Некоторые сведения о торговле России и Синьцзяна во втором десятилетии XX в. // Востокведные исследования на Алтае, том 2, с.126.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Бармин Глава I. Советская политика в Синьцзяне в 1918-1931гг./Советский Союз и Синьцзян 1918-1941гг. Барнаул, 1998 (электронная версия: <http://bspn.ab.ru/Faculty/History/orient/proj/Xinjiang.doc>)

²⁰ Шеметова Т.А. Некоторые сведения о торговле России и Синьцзяна...с.128.

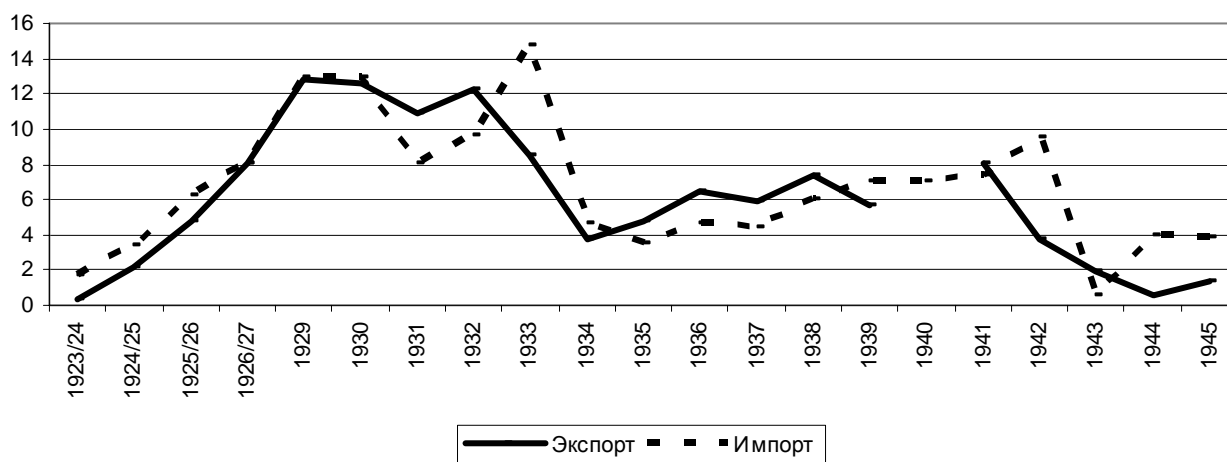
²¹ Wiemer C. The Economy of Xinjiang/ Xinjiang. China's Muslim Borderland. Ed. S.Frederick Starr, Armonk, New York: M.E. Sharpe, 2004, P.165.

особенно синьцзянского купечества влияние этого политического решения на товарооборот оказалось минимальным.

После упрочения советской власти в Средней Азии и Казахстане экономическое взаимодействие с Синьцзяном получило новый импульс. Как отмечал в начале 1920-х годов ответственный представитель Народного комиссариата иностранных дел в Западном Китае Эпштейн: «Синьцзян экономически неразрывно связан с Россией. Торговля с ней – источник благосостояния провинции. Торговые пути идут только на Россию или через нее... Синьцзянская провинция является с одной стороны колоссальным источником сырья, а с другой стороны – естественным рынком сбыта для русских фабрикатов».²²

Уже в 1926 г. объем товарооборота СССР с Синьцзяном достиг уровня 1913 г., а к концу десятилетия превысил его более чем наполовину.²³ Опираясь на данные М.И. Сладковского, можно установить, что в 1926/27 гг. на Синьцзян приходилось 55% всего советского экспорта в Китай и 34% импорта СССР из этой страны.²⁴ Основными предметами советского экспорта в автономный район были готовые текстильные изделия, бумага, мыло, стекло, железо, чугун. В обратном направлении поступало сельскохозяйственное сырье и скот.

Диаграмма 2.3
Динамика торговли СССР с Синьцзяном в 1923 - 1945 гг.
(млн. советских рублей 1961 г.)

Подсчитано и составлено по: Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. 1917–1974. Москва: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1977.

В 1930–1940-е годы экономические связи Синьцзяна с Советским Союзом оставались достаточно прочными. Действуя во многом автономно от центральных властей, синьцзянские экономические и политические круги развивали торговлю с СССР и стремились привлечь в регион инвестиции и технологии. С помощью советских специалистов и кредитов здесь были построены несколько электростанций, деревоперерабатывающие заводы, телефонные станции, создана современная типографическая промышленность. Особое значение в экономике Синьцзяна стала играть автотрасса Сары-Озек (Казахстан) – Ланьчжоу через Урумчи. Развитие дорожной

²² Там же.

²³ Бармин Глава I. Советская политика в Синьцзяне...

²⁴ Подсчитано по: Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений СССР с Китаем. 1917–1974. Москва: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1977, сс.81, 363.

инфраструктуры позволило заметно оживить взаимную торговлю. Советские специалисты также приняли участие в развитии местной нефтяной промышленности.²⁵ Импорт из СССР промышленных товаров и современных услуг способствовал развитию современных потребностей и модернизировал личное потребление.²⁶

Взаимный товарооборот достиг максимума к началу 1930-х годов, но был подорван из-за массовых восстаний населения в Синьцзяне в 1931-1934 гг. (см. диаграмму 2.3). При этом СССР стремился поддерживать сбалансированные экспортно-импортные потоки, соответственно сальдо торговли незначительно колебалось около нулевой отметки. Во второй половине 1940-х годов Синьцзян оставался слаборазвитой и политически нестабильной провинцией. Три из десяти округов провинции составляли фактически автономную Восточно-Туркестанскую республику, остальные оставались под властью гоминьдана.

2.3. Интеграция СУАР в общекитайское разделение труда: 1949-2008 гг.

В середине XX века центральные власти Китая восстановили военно-политический контроль над Синьцзяном и развернули масштабную программу включения автономного района во внутрикитайское разделение труда.

2.3.1. Место в общекитайской системе экономических координат

Вопреки широко распространенному мнению, в середине XX века в системе экономических координат самой КНР СУАР не был отсталой экономической периферией. Напротив, по уровню экономического развития, измеряемому национальным доходом на душу населения Синьцзян входил в группу регионов-лидеров. В 1952 г. по уровню среднедушевого национального дохода СУАР замыкал шестерку ведущих экономических регионов КНР (см. таблицу 2.1). Этот показатель в автономном районе был на треть выше аналогичного индикатора по Китаю в среднем. При этом, конечно, район заметно уступал как столице страны, так и особенно самой развитой приморской провинции Шанхай.

Таблица 2.1.

СУАР в общекитайском экономическом интерьере

	1952*	1978	1997	2004	2006
Место среди 31 провинции по среднедушевому ВВП	6	17	12	13	14
среднедушевой ВВП СУАР относительно					
- среднедушевого ВВП КНР	1.32	0.82	0.98	1.06	0.83
- среднедушевого ВВП Пекина	0.63	0.24	0.35	0.39	0.30
- среднедушевого ВВП Шанхая	0.27	0.13	0.23	0.26	0.26

* - национальный доход

Рассчитано и составлено по: Statistical Yearbook of China 1983–2007; Duncan R. Tian X. China's Inter-provincial Disparities: An Explanation. China Center for Economic Research, Working Paper Series N1999012, 1999.

Даже лучше позиции СУАР во внутрикитайском раскладе выглядели с точки зрения среднедушевого потребления. В 1952 г. по этому показателю Синьцзян занимал среди китайских провинций 5 место, уступая только Шанхаю, Хэйлунцзян, Пекину и Хэбэй.²⁷

²⁵ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений...с.148-150; Wiemer C. The Economy of Xinjiang...PP.166-168.

²⁶ Многочисленные бытовые примеры модернизирующего эффекта импорта советских товаров и услуг на местное потребление даны в: Петров В.И. Мятежное сердце Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминаний. М.: Изд. «Крафт+», 2003.

²⁷ Lin J.Y., Liu P. Development Strategies and Regional Income Disparities in China. China Center for Economic Research, Working Paper NE2005005, November 2005, P.7.

Понятно, что сравнительно высокие позиции автономного района в общекитайском раскладе объясняются не столько высоким уровнем его развития, сколько очень низким общим уровнем развития всей китайской экономики. В середине прошлого века Синьцзян отличался неразвитой энергетической базой, практически полным отсутствием транспортной инфраструктуры, технической отсталостью немногих промышленных предприятий. Подавляющая часть населения зависела от сельского хозяйства. В аграрном секторе доминировал нетоварный традиционный сектор. В руках численно незначительной прослойки помещиков и зажиточных крестьян было сконцентрировано более половины орошаемых земель.²⁸ В то же время уровень развития производительных сил в других провинциях КНР был даже ниже.

Важным фактором сравнительно высокого экономического положения СУАР в общекитайской экономической иерархии выступали хозяйственные связи с сопредельными советскими территориями.

Первые десятилетия интеграции СУАР в единый китайский народнохозяйственный комплекс обернулись замедлением экономического роста этого западного района относительно других провинций. Как и весь Китай, Синьцзян прошел через серии разнообразных социалистических экспериментов в экономике, причем в СУАР в силу разных причин эти эксперименты носили особенно болезненный характер и обернулись сравнительно более тяжелыми последствиями. К 1978 г. по уровню среднедушевого ВВП Синьцзян откатился среди китайских провинций на 17 место. При этом в автономном районе этот показатель оказался почти на 20% ниже среднекитайского уровня.

Лишь к 1997 г. спустя десятилетие после начала масштабных реформ, начатых Дэн Сяопином, по уровню ВВП на душу населения СУАР вышел на средний по стране уровень.

Материалы таблицы 2.2 позволяют утверждать, что по некоторым позициям СУАР превратился в важную сырьевую базу Китая. Здесь добывается 14% всей китайской нефти и более 30% природного газа. Синьцзян является ведущим в стране производителем хлопка, сахарной свеклы и овечьей шерсти. В то же время выпуск готовой промышленной продукции здесь, как правило, соответствует либо даже ниже доли района в совокупном населении КНР. Во внутрикитайское разделение труда регион вовлечен в качестве поставщика сырья и продукции сельского хозяйства и получателя готовых промышленных изделий.

Неудивительно, что в структуре промышленного производства СУАР доминируют нефть, природный газ и нефтепереработка – 55.1% всего промышленного выпуска в 2004 г. За ними следуют металлообработка – 7.5%, и электроэнергетика и теплоснабжение – 6.3%. Доля текстильной отрасли в промышленном выпуске составляла в 2004 г. всего 3.8%, а переработки сельскохозяйственного сырья – 4.2%. Структура текущих инвестиций говорит о том, что в ближайшие годы добыча углеводородов упрочит свои и без того доминирующие позиции в экономике Синьцзяна. Одновременно мощный импульс к развитию получают нефтепереработка и нефтехимия. К 2010 г. производство этилена во всем Китае должно составить примерно 18 млн. тонн, из которых около 6% будет производиться в Душаньцзы.²⁹ До 2010 г. в СУАР будет построено 4 новых нефтехимических комплекса: в Карамае, Урумчи, Турфан-Хами и в южных районах.³⁰

---

²⁸ Омельченко О.А. Экономическое развитие Синьцзяна в 1949-1978 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Томский государственный университет, Томск, 2000.

²⁹ China to expand ethylene production capacity by ten mln in five years// http://www.english.people.com.cn/200603/26/eng20060326_253559.html.

³⁰ Xinjiang in NW China becomes country's major oil, gas production base// http://www.english.people.com.cn/200508/22/eng20050822_203822.html.

Таблица 2.2.

Удельный вес СУАР в совокупных показателях по КНР, %

	1949	1955	1965	1980	1990	2000	2003	2006
Население	0.8	0.8	1.1	1.29	1.35	1.44	1.51	1.59
ВВП					1.31	1.53	1.38	1.32
Производство сельскохозяйственной продукции								
- зерновые	0.8	0.8	1.3	1.2	1.5	1.7	1.8	1.9
= рис				0.2	0.2	0.3	0.3	0.3
= пшеница				3.9	3.9	4.0	4.0	3.8
- хлопок	1.1	1.7		2.9	10.4	33.0	32.9	32.4
- свекла				6.1	15.4	32.8	61.7	52.7
- виноград				46.3	38.5	20.8	20.6	23.9
- мясо*				1.0	1.1	1.5	1.7	2.1
= баранина				14.6	14.8	13.7	12.7	14.3
= говядина				8.0	5.7	4.2	4.6	5.1
- овечья шерсть				18.7	20.6	22.8	23.2	23.1
Поголовье скота								
- крупный скот						3.0	3.4	4.7
- овцы и козы						12.7	12.1	11.8
Производство промышленной продукции								
- нефть	11.8	3.4		4.0	5.1	11.4	12.6	13.4
- уголь		0.7				2.7		1.8
- природный газ					3.2	14.4	16.2	28.0
- электроэнергия		0.4				1.3		1.2
- цемент						1.5		1.0
- сталь				0.2		0.9		0.9

* - свинина, говядина и баранина

Подсчитано и составлено по: Цзин С. Экономическое развитие автономного района Синьцзян КНР и стран Центральной Азии. Магистерская диссертация, ИСАА при МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва 1999; Statistical Yearbook of China 1983–2008; Wiemer С. The Economy of Xinjiang/ Xinjiang. China's Muslim Borderland. Ed. S.Frederick Starr, Armonk, New York: M.E. Sharpe, 2004; китайская деловая периодика.

Бурный экономический рост КНР с 1980–х годов отличается крайней неравномерностью в региональном разрезе. Если в 1980 г. среднедушевой ВВП Западного района Китая отставал от аналогичного показателя по Восточному району в 1.89 раза, то к 2000 г. этот разрыв увеличился до 2.4 раз.³¹ Внутрирегиональные разрывы в уровнях потребительских расходов между различными группами доходополучателей не менее глубоки. Притом, что вплоть до настоящего времени национальные меньшинства (то есть – неханьцы) составляют около 60% населения Синьцзян–Уйгурского автономного района, столь выраженная социально-экономическая дифференциация, тем более с учетом непростой политической ситуации, объективно способствует обстановке нестабильности и перманентно провоцирует недовольство местного населения.

В 1999 г. китайское руководство приняло план «большого развития Запада», ставшего ответом на быстрое нарастание разрывов в уровнях экономического и социального развития между различными регионами КНР. По замыслу, реализация данного плана должна обеспечить ускоренное подтягивание западных провинций, включающего один город

³¹ Подсчитано по: Галямова В.Ф. Стратегия освоения Запада КНР/ Политика КНР на современном этапе: реалии и перспективы. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2005, с.127.

центрального подчинения, шесть провинций и 5 автономных районов, в том числе Синьцзян, к уровню регионов лидеров. Программа развития Западного региона посредством масштабных инвестиций и массового перемещения в отсталые районы квалифицированных кадров призвана снять остроту накопившихся проблем. В перспективе же успешный Синьцзян и Западный регион в целом позволят создать мощный плацдарм для активного экономического продвижения Китая в Центральную Азию.

Определенный толчок для принятия программы, судя по всему, придала и сохраняющаяся неопределенность в соседствующем с СУАР центральноазиатском пространстве, где в результате распада СССР и под влиянием трудностей рыночного транзита образовались обширные зоны нестабильности. Принимая во внимание трансграничный характер современных угроз безопасности – терроризма и сепаратизма, наркотрафика, нелегальной торговли оружием и людьми, власти КНР, по-видимому, полагают, что опережающее развитие Синьцзяна в какой-то мере позволит воспрепятствовать инфильтрации нестабильности внутрь китайской территории.

Основные положения и направления реализации программы «большого развития Запада» подробнейшим образом рассмотрены в литературе³², подчеркнем лишь те ее аспекты, которые напрямую влияют на экономическое взаимодействие КНР и Синьцзяна с Центральной Азией. Программа предполагает массивные инвестиции в производство и инфраструктурные объекты, что в ближайшие пять-десять лет приведет к образованию на границах центральноазиатского региона сгустка экономической активности и достаточно мощного транспортного узла. Скорее всего, Синьцзян будет развиваться опережающими темпами по сравнению с центральноазиатскими экономиками, за исключением Казахстана и, возможно, Туркменистана.

2.3.2. Факторы экономического роста СУАР

Особый интерес представляет анализ факторов экономического роста Синьцзяна. Мы выделяем пять таких факторов: массовое переселение населения в СУАР, высокая норма накопления, дотации и субвенции центральных властей, опора на паравоенные формирования и повышенная нагрузка на природную среду. Рассмотрим эти факторы более подробно в указанной последовательности.

Массовое переселение населения

За вторую половину XX века население Синьцзяна выросло в 4.13 раза, то есть росло среднегодовым темпом 2.8% на протяжении более пятидесяти лет. В период же 1949-1990 гг. среднегодовой темп роста населения достигал 3.1%. За вторую половину прошедшего века темп роста населения Синьцзяна в 1.75 раза опережал темп демографического роста КНР в целом. Такие высокие темпы на протяжении столь протяженного отрезка времени могла обеспечить лишь активная переселенческая политика, которая проводилась с целью изменения национального состава автономного района. В 1949-1978 гг. доля ханьцев в совокупном населении СУАР выросла с 6.7% до 41.6%, а впоследствии стабилизировалась на уровне примерно 40%.³³

История межэтнических отношений в СУАР драматична и напряженна. Вплоть до 1930-х годов автономный район был втянут в интенсивную трансграничную миграцию с близлежащими Казахстаном и Кыргызстаном. Однако наибольшее влияние на демографическую эволюцию Синьцзяна оказала внутрикитайская миграция, приобретшая во

---

³² См., например: Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы: «Дайк-Пресс», 2003; Галямова В.Ф. Стратегия освоения Запада КНР; Островский А.В. Освоение западных районов КНР как фактор развития торгово-экономических отношений между странами ШОС/ Проблемы становления Шанхайской Организации Сотрудничества и взаимодействие России и Китая в Центральной Азии. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005.

³³ Подсчитано по: Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае...с.134,144.233.

второй половине XX века значительные масштабы. Первая компания по массовому переселению в СУАР началась в марте 1950 г. За первой переселенческой волной последовали следующие. Из-за закрытости и запутанности имеющейся демографической статистики можно составить только самое общее представление о масштабах миграции населения в СУАР.

Опираясь на официальную демографическую информацию, мы очень грубо оценили вклад чистой миграции в прирост населения СУАР для нескольких временных периодов (см. таблицу 2.3). Данные расчеты призваны не столько точно квантифицировать, сколько оценить масштабы миграционного процесса. В варианте 1 расчеты выполнены при предположении, что темпы роста ханьского и неханьского населения постоянно остаются равными, иначе говоря, доля ханьцев в общем населении провинции закрепляется на неизменном уровне. В варианте 2 полагается, что темпы роста населения СУАР соответствуют средним показателям по стране. В этом случае статистический «избыток» между рассчитанным и фактическим населением учитывается как миграция. Наконец, в варианте 3 на исходные показатели 1952 г. налагаются разные темпы роста, которые в разбивке по национальностям почерпнуты из китайских демографических переписей.

Таблица 2.3.

Грубые оценки вклада чистой миграции в прирост населения СУАР

	Вариант 1 (стабильная доля ханьцев)		Вариант 2 (темпы роста населения СУАР соответствуют средним данным по КНР в целом)		Вариант 3 (с учетом разницы в темпах роста населения различных этнических групп)	
	млн.чел.	%	млн.чел.	%	млн.чел.	%
1952-1960	1.48	21.5	1.55	22.6	1.59	23.1
1960-1970	1.12	11.5	1.35	13.8	1.56	16.0
1970-1980	0.3	2.3	1.13	8.8	0.48	3.7
1980-1990	-0.58	-3.8	0.045	2.9	-0.41	-2.7
1990-2000	-0.084	-0.4	1.45	7.9	0.64	3.5 (8.4*)

** - в скобках с учетом межрегиональной миграции по данным переписей 1990 и 2000 годы.

Рассчитано по: Баженова Е.С., Островский А.В. Население Китая. М.: Мысль, 1991; Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы: «Дайк-Пресс», 2003; Wiemer C. The Economy of Xinjiang/ Xinjiang. China's Muslim Borderland. Ed. S.Frederick Starr, Armonk, New York: M.E. Sharpe, 2004; Statistical Yearbook of China за разные годы

Интересно, что для периода 1952-1960 гг. все три варианта дают очень близкие оценки. В 1950-е годы 22-23% прироста населения СУАР было обеспечено за счет миграции. В 1960-е годы вклад миграции в рост населения Синьцзяна снижается до 12-16%. В дальнейшем расхождения между вариантами становятся все заметнее, причем особенно это справедливо в отношении первого варианта. На наш взгляд, для периодов с 1970 г. более точно миграционный процесс аппроксимирует вариант 2.

Особенно интересно, что и второй и третий варианты расчетов фиксируют начало новой волны переселения в СУАР в 1990-е годы. Это может быть связано как с миграционной политикой центральных властей, так и частично возможностями трудоустройства, которые открываются в регионе в результате его быстрого экономического роста.

Расчеты показывают, что в целом за вторую половину XX века СУАР принял не менее пяти миллионов переселенцев из других провинций Китая. С учетом рожденных ими и

оставшихся в СУАР детей, переселенцы и их семьи составляют как минимум 25-30% совокупного населения автономного района.

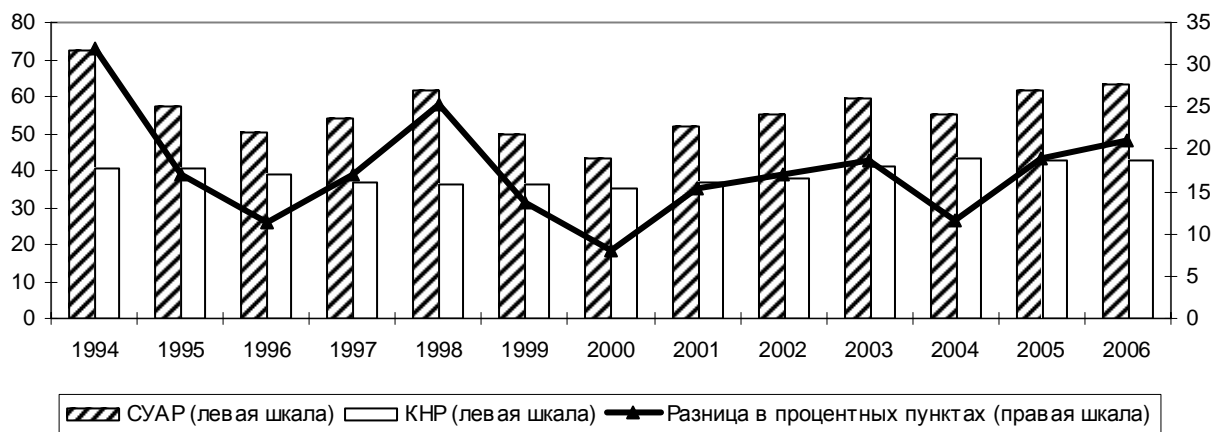
Высочайшая норма накопления

Сравнение СУАР с другими провинциями КНР показывает, что норма накопления в автономном районе на протяжении десятилетий существенно превышает показатели других регионов. Если в 1978-1987 гг. норма накопления в Синьцзяне была примерно на 10 процентных пунктов выше среднекитайского показателя, то в 1988-1997 гг. разрыв достиг двадцати процентных пунктов.³⁴

В 1994–2006 гг. норма накопления в СУАР в среднем достигала 56.5% валового регионального продукта (ВРП), по сравнению с 39% по КНР в целом. После некоторого снижения во второй половине 1990-х годов на рубеже веков норма накопления в Синьцзяне вновь продемонстрировала тенденцию к повышению и в 2005 и 2006 г. превысила 60% ВВП (см. диаграмму 3.4).

Китайские экономисты, используя сложную модель производственной функции, показывает, что экономический рост на Западе Китая, в том числе и в Синьцзяне, в период 1993-2002 гг. целиком и полностью обеспечивался наращиванием использования капитала и труда. Совокупная производительность факторов производства, которая аппроксимирует вклад технологии и факторов эффективности в экономический рост, остается здесь отрицательной. Примечательно, что и в случае прибрежных провинций КНР вклад технологий и эффективности в экономическую динамику остается на очень низком уровне (менее одного процентного пункта).³⁵ При этом в Синьцзяне экстенсивный характер рост за счет факторов капитала и живого труда выражен особенно ярко.

Диаграмма 2.4
Норма накопления в СУАР и КНР, % от ВВП/ВРП

Составлено по: Statistical Yearbook of China за разные годы.

Как правило, современная экономическая теория, особенно неоклассический ее вариант, на базе которой оценивается вклад производственных факторов в экономическое развитие, игнорирует фактор «природного капитала». Между тем для СУАР последний фактор имеет особое значение.

³⁴ Dayal-Gulati A., Husain A.M. Centripetal Forces in China's Economic Takeoff// IMF Staff Papers, Vol.49, №3, 2002, P.377.

³⁵ Wu Y. Understanding Economic Growth in Western China: Preliminary Findings. Proceedings of the 16th Annual Conference of the association for Chinese Economic Studies, Australia (ACESA), Brisbane, QLD, 19-20 July 2004.

Повышенная нагрузка на природную среду

Экстенсивный экономический рост автономного района на фоне организованного центром массивованного притока населения сопровождается неуклонным повышением нагрузки на природную среду. За 1949-2003 гг. площадь культивируемых земель в Синьцзяне увеличилась более чем в три раза с 1.21 до 3.96 млн. га. При этом основной прирост пришелся на искусственно орошаемые земли, площадь которых в 2003 г. достигла 3.051 млн.га. Понятно, что такой скачок площади сельскохозяйственных земель обернулся ростом потребления водных ресурсов.

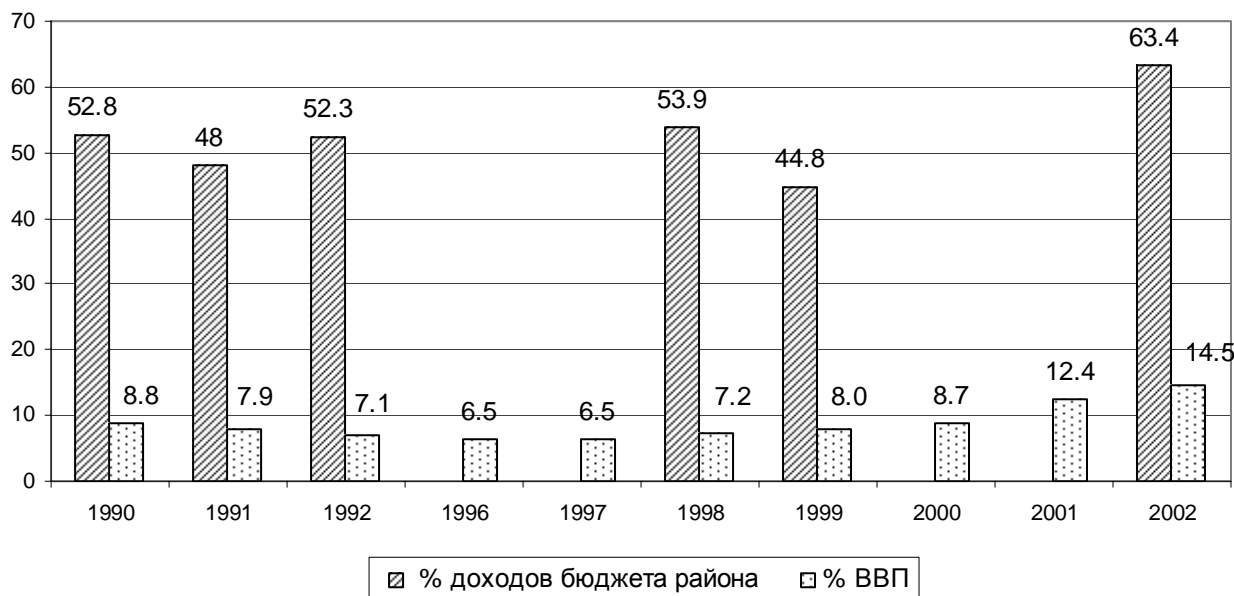
В принципе СУАР обладает значительным водным потенциалом. Среднегодовой сток примерно 40 относительно крупных рек, протекающих по территории автономного района, оценивается в 88 млрд. куб.м. К началу XXI века в СУАР было построено 485 водохранилищ, совокупным объемом 6.72 млрд.куб.м., что в 200 раз превышает показатель 1949 г.³⁶ Потребление природных ресурсов, которое предварительно было подготовлено кардинальным изменением среды обитания, является прямым вкладом «природного капитала» в экономический рост.

Каким образом автономному району с его сравнительно низким уровнем развития и скромными налоговыми возможностями на протяжении десятилетий удается поддерживать экстремально высокую норму накопления, обеспечивать занятостью миллионы прибывающих мигрантов и проводить крупномасштабные ирригационные работы? Ответ на эти вопросы следует искать в политических механизмах развития.

Дотации и субвенции центра

Синьцзян регулярно получает крупные вливания из центрального бюджета. Как свидетельствуют обрывочные данные за период 1990–2002 гг., они составляли, как правило, более половины бюджета СУАР и приближались к 10% валового регионального продукта. Показательно, что с начала 2000-х годов централизованные вливания в экономику автономного района заметно возросли (см. диаграмму 2.5), что является статистическим отражением политики по ускоренному развитию Запада Китая.

Диаграмма 2.5
Бюджетные вливания центра в экономику СУАР

³⁶ История и развитие Синьцзяна. Белая книга. Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 27 мая 2003 // <http://www.chinaembassy.uz/rus/dtxw/t130104.htm>.

Подсчитано и составлено по: Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы: «Дайк-Пресс», 2003; Wiemer C. The Economy of Xinjiang/ Xinjiang. China's Muslim Borderland. Ed. S. Frederick Starr, Armonk, New York: M.E. Sharpe, 2004; Statistical Yearbook of China за разные годы

Центр осуществляет не только прямые вливания в региональный бюджет. К ним следует добавить дотации и поступления через специальные фонды борьбы с бедностью, ценовые субсидии и субвенции и т.д., но главное - централизованные инвестиции, которые не обязательно учитываются в экономических счетах провинции. Согласно официальным данным в период 1950–2001 гг. за счет ресурсов центра было обеспечено 53.1% всех вложений в основной капитал на территории СУАР.³⁷

В целом в 1950–2000 гг. в номинальном долларовом выражении по курсу 2000 г. финансовые перечисления центрального правительства СУАР составили 11 млрд. долл. Почти половина этой суммы (48%) поступила в 1996–2000 гг., то есть в тот период, когда экономические возможности КНР резко возросли.³⁸

Опора на паравоенные формирования

Другим специфическим политическим механизмом обеспечения экономического роста в СУАР является опора на паравоенные формирования. В силу самых разных причин военные традиционно играют ключевую роль в политико-экономической жизни Синьцзяна. С самого начала завоевания новой провинции у центрального правительства Китая появляется существенная статья расходов – содержание военных и военно-бюрократических управленцев. Край всегда был убыточным для государственной казны. Расходы на поддержание власти Цинской империи в регионе в годы массовых протестных выступлений резко возрастали.³⁹

В первой половине XIX века освоение Синьцзяна базировалось на специальных военно-трудовых отрядах. По некоторым данным в автономном районе в тот период находилось около 20.5 тысяч солдат и офицеров, которые возделывали 16.8 тыс. га полей. К тому же под началом главнокомандующего в г. Урумчи находилось около 100 тысяч гарнизонных землевладельцев.⁴⁰

В июле 1949 г. части народно-освободительной армии Китая (НОАК) под руководством генерала Ван Чжэня вышли к границам Синьцзяна. 25 сентября 1949 г. расквартированная в Синьцзяне 80-тысячная гоминдановская армия капитулировала. С самого начала власть в провинции была передана военно-административным комитетам, которые контролировались военными НОАК. Синьцзянское бюро КПК, образованное в декабре 1949 г., возглавил генерал Ван Чжэнь. На базе распушенной гоминдановской армии и демобилизованных частей НОАК в октябре 1954 г. был создан Синьцзянский производственно-строительный корпус (СПСК), известный как трудовая армия.⁴¹ Подразделения СПСК и стали главным рычагом для осуществления в регионе аграрных преобразований, выразившихся в кооперировании крестьянства и создании госхозов, а также проведении масштабных ирригационных работ для расширения пахотных земель. В первую

³⁷ История и развитие Синьцзяна. Белая книга. Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 27 мая 2003 // <http://www.chinaembassy.uz/rus/dtxw/t130104.htm>.

³⁸ Подсчитано по: State Support for the Development of Xinjiang...

³⁹ Кузнецов В.С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне... сс.164-165.

⁴⁰ Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX века. М.: Институт востоковедения РАН, 1998.

⁴¹ Brilliant Achievements in National Economy and Social Development// <http://www.xinjiang.gov.cn> (загружено 7 марта 2006).

очередь это было необходимо для того, чтобы обеспечить продовольствием стремительно растущее в результате миграции население СУАР.

В настоящее время членами СПСК, напрямую подчиняющейся Госсовету КНР, является около 2,5 млн. человек (около 90% из них ханьцы), что составляет примерно восьмую часть населения автономного района. Под контролем трудовой армии находится примерно третья часть пашни, а на около 200 аграрных предприятиях и более 400 промышленных, строительных, транспортных и торговых предприятиях СПСК производится примерно восьмая часть регионального валового продукта.⁴² На государственных предприятиях, основная масса которых относится к ведению СПСК, в середине 1990-х годов производилось более трех четвертей всей промышленной продукции Синьцзяна. По доле госсектора в промышленном производстве СУАР среди всех китайских регионов уступает только другой западной провинции Цинхай.⁴³

В 2005 г. через СПСК прошло более US\$3 млрд. экспорта и импорта СУАР или около двух пятых всей внешней торговли района.⁴⁴ Под контролем трудовой армии также находятся университеты и научно-исследовательские организации, действующие в Синьцзяне.⁴⁵

После событий 11 сентября 2001 г., ускоривших появление в Афганистане и Центральной Азии военных контингентов США и НАТО, военный компонент стратегии «большого развития Запада» был, вероятно, усилен. В начале 2005 г. Госсовет КНР принял решение о строительстве в СУАР четырех новых военных городов-поселений, которые будут находиться под управлением расквартированной в районе производственно-строительной войсковой части армии Китая.⁴⁶

При всей органичности (для китайских условий) участия армии в процессе реформ и контроле над экономикой, очевидно, что решение военно-стратегических задач существенно увеличивает издержки освоения Западных районов и, в частности, Синьцзяна.

Суммируем. В основных своих чертах механизм экономического роста СУАР во второй половине XX века удивительным образом напоминает советский опыт хозяйственного освоения Средней Азии и Казахстана. И тут, и там высокая экономическая динамика базируется на массовом переселении населения, а также колоссальном, относительно скромных местных возможностей, притоке материальных и финансовых ресурсов из центра. В экс-СССР модель экстенсивного освоения Средней Азии и Казахстана за счет перераспределения в их пользу ресурсов и внеэкономической мобилизации населения исчерпала свои возможности к середине 1970-х годов. Принятая КНР стратегия ускоренного развития западных регионов в принципе может быть воплощена в жизнь только при опоре на тот же политический механизм роста, который сложился здесь в последние десятилетия.

Вклад собственно рыночных факторов в экономический рост Синьцзяна невелик. Экономическая система СУАР в общекитайских координатах остается слабо реформированной. Опираясь на эконометрический анализ 19 показателей, характеризующих уровень развития рыночных отношений, включая долю ресурсов, распределяемых через рыночный механизм, долю рыночных сделок при реализации сельскохозяйственной продукции, долю занятых в негосударственном секторе и т.п., китайские исследователи прорейтинговали провинции страны по степени их маркетизации на 1999 г. Синьцзян в этом

---

⁴² Becquelin N. Staged Development in Xinjiang// The China Quarterly, vol.178, June 2004, PP.360,366-367.

⁴³ Dayal-Gulati A., Husain A.M. Centripetal Forces in China's Economic Takeoff// IMF Staff Papers, Vol.49, N3, 2002, P.378.

⁴⁴ Xinjiang Production and Construction Corps leads nation for foreign trade growth// [http://www.english. people.com.cn/200601/08/eng20060108_233714.html](http://www.english.people.com.cn/200601/08/eng20060108_233714.html).

⁴⁵ Brilliant Achievements in National Economy and Social Development// <http://www.xinjiang.gov.cn>

⁴⁶ Китай строит новые города на границе с Казахстаном// <http://www.inform.kz/showarticle.php?id=72578> (30 марта 2005).

рейтинге занял 28 место, опередив лишь Нинся и Цинхай.⁴⁷ С тех пор ситуация принципиально не изменилась.

Все вышеизложенное позволяет говорить о том, что экономически СУАР представляет собой крайне нетипичный западный регион. Слабо затронутый рыночными преобразованиями и либерализацией, он, тем не менее, по уровню развития опережает все остальные западные и даже некоторые внутренние провинции КНР.

Вплоть до настоящего момента развитие СУАР рассматривалось в системе координат Китая. Уместно сравнить развитие Синьцзяна и сопредельных центральноазиатских экономик, используя для этого стандартную систему показателей. Такое сопоставление особенно интересно ввиду того, что в конце XX века три центральноазиатские страны – Казахстан, Кыргызстан и с некоторым запозданием Таджикистан, осуществили достаточно радикальные рыночные реформы.

2.4. Синьцзян – экономическая столица формирующегося макрорегиона «большая Центральная Азия»

Вплоть до настоящего момента анализ концентрировался на внутренних факторах экономического развития СУАР. Однако где-то примерно с середины 1990-х годов динамика и пропорции роста автономного района во все возрастающей степени зависят от внешних факторов. Распад СССР, либерализация экономической системы в Казахстане, Кыргызстане и с некоторым запозданием Таджикистане привели к бурному развитию экономического взаимодействия Синьцзяна с сопредельными центральноазиатскими экономиками. С одной стороны, СУАР воспользовался своим географическим положением и утвердился в качестве транзитного посредника, обслуживающего экспортно–импортные потоки между Центральной Азией и внутренними провинциями КНР. С другой стороны, автономный район ускоренно превращается в центр сосредоточия производств, нацеленных на центральноазиатские и евразийские рынки.

Как только с обеих сторон были сняты (или существенно ослаблены) политические ограничения на экономическое сотрудничество, практически незамедлительно произошла регенерация связей между рядом расположенными территориями. Перелом произошел на рубеже XX и XXI веков. Как следует из материалов таблицы 2.4 и диаграммы 2.6 в 1990–1999 гг. экспорт СУАР (точнее, конечно, следует говорить о китайском экспорте через СУАР, в который входит и собственный экспорт автономного района) вырос с 335 до 1027 млн. долл.

Таблица 2.4.

СУАР: динамика экспорта и импорта в 1990-2008 гг., млн. долл.

	Экспорт	Импорт
1990	335	75
1991	363	96
1992	454	297
1993	495	427
1994	576	464
1995	769	659
1996	550	854
1997	665	781
1998	748	724
1999	1027	738
2000	1204	1060

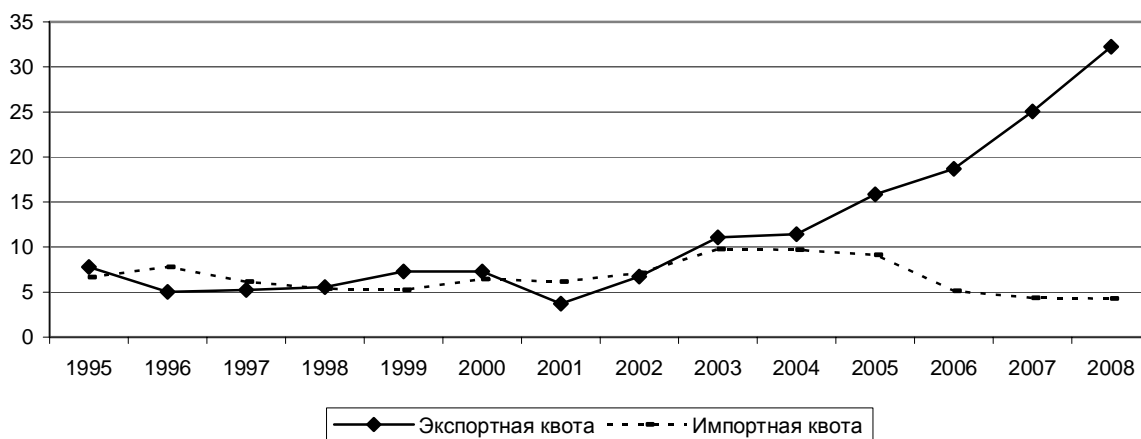
⁴⁷ См.: Бони Л.Д. Китайская деревня на пути к рынку (1978-2004 гг.). М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005, С.231-232,512

2001	669	1103
2002	1308	1383
2003	2524	2230
2004	3047	2589
2005	5039	2902
2006	7139	1964
2007*	11503	2000
2008*	19500	2585

* - грубые авторские оценки

Составлено по: Statistical Yearbook of China за разные годы; NW China ethnic region records export surge// http://news.xinhuanet.com/english/2008-12/16content_10514915.htm; китайская деловая периодика.

Диаграмма 2.6
СУАР: динамика экспортной и импортной квоты в ВРП, %

Рассчитано по: Statistical Yearbook of China за разные годы; китайская деловая периодика; международная статистика.

Импорт за тот же период увеличился с 75 до 738 млн. долл. Подавляющая часть экспортных и импортных потоков Синьцзяна завязана на Центральную Азию. При этом внешнеторговые потоки в целом оставались сбалансированными, а экспортная и импортная квоты колебались около отметки в 5% валового регионального продукта.⁴⁸

На рубеже тысячелетий, с провалом на 2001 г., наблюдается взрывной рост экспорта СУАР, который в абсолютном выражении увеличился с 1.204 млрд. долл. в 2000 г. до 19.5 млрд. долл. в 2008 г. Параллельно экспортная квота возросла с 5% до 32% валового регионального продукта. Импорт СУАР за тот же период вырос много скромнее. В результате положительное сальдо товарной торговли автономного района в 2008 г. достигло 28% валового регионального продукта.

Анатомия китайского экспортного рывка в Центральную Азию и Евразию подробно рассматривается в следующей главе (Глава 3. **Взаимная торговля и прямые инвестиции**). Здесь важно зафиксировать, что в принципиально новых условиях пробила себе дорогу объективная экономическая рациональность – в силу географической близости СУАР и

⁴⁸ Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что речь идет об экспорте и импорте, проходящих через СУАР, но не обязательно связанных с экономикой автономного района. Поэтому в строгом смысле слова эти показатели не являются экспортными и импортными квотами.

Центральная Азия являются естественными экономическими партнерами. С точки зрения транспортных и общеэкономических издержек они представляют собой естественную экономическую агломерацию. В рыночной системе координат экономика Синьцзяна в значительной, если не определяющей, степени должна быть развернута на Центральную Азию. Верно и обратное. Центральноазиатские страны со своей стороны также должны реализовать те экономические возможности, которые открываются в географически близком центре производственной активности.

Имеются все основания для вывода о том, что СУАР быстро превращается в ведущий центр экономической активности «большой Центральной Азии». В настоящее время этот находящийся в процессе бурного формирования региональный макрорегион включает сам Синьцзян, Казахстан, Кыргызстан, некоторые близлежащие области России и до некоторой степени Таджикистан. В орбиту влияния этого региона может быть втянут Туркменистан и, хотя и в меньшей степени, Узбекистан. Этот процесс проявляется как прямо, через создание взаимодополняемых с центральноазиатскими экономиками экономических структур, так и косвенно по причине того, что автономный район обеспечивает Центральной Азии выход на большой Китай. Возрастающая роль СУАР в качестве ведущего центра экономической активности в «большой Центральной Азии» осязаемо представлена в потоках товаров, инвестиций, строительстве трансграничных дорожно-транспортных инфраструктур.

Еще раз подчеркнем, что такое развитие стало возможным только потому, что СУАР функционально выполняет роль транзитного моста между Центральной Азией и развитыми центральными и южными провинциями Китая, а также, потому что центральное правительство КНР продолжает перераспределять в пользу Синьцзяна масштабные экономические ресурсы.

Обратимся теперь к сопоставлению масштабов, структуры экономик и уровней развития государств Центральной Азии и СУАР.

2.5. Сопоставление динамики развития СУАР и центральноазиатских республик в исторической перспективе

Начнем с анализа сравнительной динамики численности населения. Преимуществом демографической статистики является возможность проследить процесс развития на протяжении длительных отрезков времени. Из материалов, представленных в таблице 2.5, в частности, следует, что в XX веке население Синьцзяна росло очень быстрыми темпами. Если в 1990 г. совокупное население пяти государств, составляющих ныне Центральную Азию, почти в 5.5 раз превосходило численность населения Синьцзяна, то к 2000 г. это отношение снизилось до 3.⁴⁹ Еще в 1990 г. Узбекистан и Казахстан по численности населения превосходили СУАР. К 2000 г. по численности населения Синьцзян уступает лишь Узбекистану

Таблица 2.5.

Динамика численности населения Центральной Азии, России, СУАР и КНР

	1900	1949	1990	2000	2008	2030
млн. человек						
Казахстан	4.41	6.52	16.74	14.87	15.68	17.14
Кыргызстан	0.697	1.63	4.39	4.95	5.37	6.34
Таджикистан	0.848	1.47	5.30	6.17	6.88	9.43
Туркменистан	0.797	1.18	3.67	4.45	4.98	6.27
Узбекистан	4.02	6.00	20.51	24.72	27.79	35.2

⁴⁹ Здесь и далее мы опираемся на собственные оценки численности населения Туркменистана. Официальная демографическая статистика этой страны абсолютно неадекватна. Подробно см.: Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М.: Московский общественный научный фонд, 2001, сс.31-46.

Центральная Азия	10.87	16.81	50.62	55.16	60.70	74.38
СУАР	2.0	4.33	15.29	18.23	21.0	24.1-40.6
Отношение численности населения, раз						
Центральная Азия/СУАР	5.4	3.9	3.3	3.0	2.9	1.8-3.1
млн. человек						
КНР	400	544	1165	1263	1325	1458
Россия	69	101	148	146	141	124
Соотношение численности населения, %						
Россия/КНР	17	19	13	11	11	8
Центральная Азия/Россия	16	17	34	38	43	60

* - некоторые показатели являются грубыми авторскими оценками

Составлено и подсчитано по: Российский статистический ежегодник. 1994. М.: Госкомстат РФ, 1994; Татимов М.Б. Социальная обусловленность демографических процессов. М.: Наука, 1989; Баженова Е.С., Островский А.В. Население Китая. М.: Мысль, 1991; Караханов М.К. Некапиталистический путь развития и проблемы народонаселения. Ташкент: «Фан», 1983; Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы: «Дайк-Пресс», 2003; Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective/ OECD, Development Centre Studies. Paris, 2001; Maddison A. Chinese Economic Performance in the Long Run. OECD, Development Centre Studies. Paris, 1998; Maddison A. Monitoring the World Economy 1820-1992. OECD, Development Centre Studies. Paris, 1995; United Nations Population Division. World Population and Prospects: The 2006 Revision Data Base// <http://esa.un.org/unpp/>.

Согласно имеющимся оценкам, к 2030 г. население СУАР прогнозируется в вилке от 24.1 до 40.6 млн. человек.⁵⁰ В случае реализации последнего варианта прогноза население особого автономного района окажется всего в 1.8 меньше суммарного населения центральноазиатской пятерки и практически сравняется с совокупным населением четырех стран региона, исключая Узбекистан.

Рост населения в Синьцзяне будет наблюдаться на фоне абсолютного и относительного снижения численности населения России. Согласно среднему варианту демографического прогноза ООН 2006 г., к 2030 г. население России составит всего 8% от населения Китая. Между тем еще в 1949 г. это соотношение достигало 19%. В свою очередь совокупное население Центральной Азии достигнет 60% от численности населения России. Из-за быстрого старения российского населения процентное соотношение трудоспособного и экономически активного населения Центральной Азии и России окажется на еще более высоком уровне. Интересно, что если механически сложить население Центральной Азии и СУАР, то к 2030 г. оно может достигнуть 93% населения Российской Федерации. Численность же трудоспособного и экономически активного населения «большой Центральной Азии» будет, в случае демографического развития СУАР по максимальному варианту, превышать аналогичный российский показатель.

Перейдем к индикаторам экономической активности. При оценке масштабов экономик и уровня развития мы используем показатели как в текущих долларах по официальным обменным курсам, так и по паритетах покупательной способности (ППС) национальных валют. Динамика абсолютных и среднедушевых ВВП/ВРП СУАР и государств Центральной Азии представлена в таблице 2.6.

⁵⁰ См. Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического... с.263.

Таблица 2.6.

СУАР и Центральная Азия: сравнение ВВП и среднедушевого ВВП по текущим официальным обменным курсам*

	1997	2000	2005	2006	2007	2008
ВВП						
Млрд. долл.						
Казахстан	22.2	18.3	56.1	77.2	103.8	132.2
Кыргызстан	1.6	1.3	2.2	3.2	3.7	5.2
Таджикистан	0.8	0.9	2.3	2.8	3.7	5.1
Туркменистан	2.6	4.2	5.5	6.1	8.0	...
Узбекистан	13.8	11.8	12.8	14.1	16.0	...
СУАР	12.7	16.5	31.8	38.2	45.9	60.5
СУАР от, раз						
Центральная Азия	0.3	0.5	0.4	0.4	0.3	...
Казахстан	0.6	0.9	0.6	0.5	0.4	0.5
Кыргызстан	7.7	12.9	14.2	11.8	12.2	11.6
Таджикистан	15.1	17.7	13.8	13.6	12.4	11.9
Туркменистан	4.9	4.0	5.8	6.2	5.7	...
Узбекистан	0.9	1.4	2.5	2.7	2.9	...
ВВП на душу населения						
долл.						
Казахстан	1435	1230	3705	5080	6710	8435
Кыргызстан	350	260	430	620	705	975
Таджикистан	140	150	355	425	550	745
Туркменистан	605	935	1145	1265	1625	...
Узбекистан	585	475	485	520	585	...
СУАР	745	905	1600	1880	2225	2885
СУАР от, раз						
Центральная Азия	1.0	1.4	1.2	1.1	1.0	...
Казахстан	0.5	0.7	0.4	0.4	0.3	0.3
Кыргызстан	2.1	3.5	3.7	3.0	3.2	3.0
Таджикистан	5.3	6.0	4.5	4.5	4.0	3.9
Туркменистан	1.2	1.0	1.4	1.5	1.4	...
Узбекистан	1.3	1.9	3.3	3.6	3.8	...

* - некоторые показатели являются грубой авторской оценкой

Рассчитано по: данные национальной и международной статистики; источники к таблице 2.5.

Из материалов таблицы следует, что за последнее десятилетие отношение ВРП Синьцзяна к совокупному ВВП пяти стран Центральной Азии не изменилось и осталось на уровне 30%. Такая динамика объясняется исключительно быстрым ростом долларowego ВВП Казахстана. Относительно этой ведущей центральноазиатской экономики, ведомой экспортом энергоносителей и металлов, валовой региональный продукт СУАР снизился с 60% в 1997 г. до 40% в 2007 г. Вместе с тем долларовой ВРП автономного района рос значительно быстрее ВВП в остальных четырех государствах Центральной Азии. В 2007 г. по этому показателю СУАР превосходил Кыргызстан и Таджикистан более чем в 12 раз, Туркменистан – почти в 6 раз и Узбекистан – практически в три раза.

По уровню среднедушевого ВВП в номинальных долларах все последние десять лет СУАР оставался на среднем для центральноазиатского региона уровне. Причем по этому

показателю Синьцзян опять-таки уступает только Казахстану, но превосходит все остальные центральноазиатские республики.

В 2009 г. в сырьевых постсоветских экономиках начались серии глубоких девальваций национальных валют, причем на момент завершения настоящей работы процесс девальвации еще не завершился. Китайский же юань, напротив, продолжил укрепляться относительно доллара в номинальном выражении. Представляется, что в 2009/2010 гг. в результате разнонаправленного движения обменных курсов национальных валют в центральноазиатских экономиках и КНР, а также разрывов в темпах экономического роста, долларовой ВРП СУАР относительно аналогичных показателей государств Центральной Азии вырастет.

Использование паритетов покупательной способности национальных валют в ценах фиксированного года позволяет несколько раздвинуть временной горизонт сопоставлений. Данные, включенные в таблицу 2.7, показывают, что еще в 1980 г. ВРП Синьцзяна составлял всего 5% от совокупного ВВП бывших советских республик Средней Азии и Казахстана. В 1990 г. этот показатель вырос до 12%.

Таблица 2.7.

СУАР и Центральная Азия: сравнение ВВП и среднедушевого ВВП по паритетам покупательной способности национальных валют в ценах 2004 г.*

	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан	Центральная Азия- 5
ВВП СУАР к ВВП соответствующих стран, %						
1980	6	83	49	34	21	4
1990	15	162	119	74	44	9
2000	56	622	754	295	114	30
2005	41	606	554	272	102	24
2006	41	654	575	268	106	25
2007	42	673	595	268	108	25
2008	45	694	611	277	110	26
Среднедушевой ВВП СУАР к среднедушевому ВВП соответствующих стран, %						
1980	8	24	15	8	26	12
1990	17	48	42	18	61	29
2000	46	167	255	72	154	92
2005	33	165	199	70	141	74
2006	33	179	199	68	149	75
2007	33	183	206	68	151	77
2008	36	188	212	70	153	81

Расчитано по: данные национальной и международной статистики; источники к таблице 2.5.

1990–е годы стали «потерянным десятилетием» для бывших советских республик и, напротив, декадой ускоренного подъема экономики Китая и его провинций, включая СУАР. В результате к 2000 г. валовой региональный продукт Синьцзяна достиг 43% от совокупного ВВП центральноазиатской пятерки. С 2005 г. данное соотношение находится в пределах 34–36%.

При расчетах по ППС отрыв СУАР по масштабам экономической деятельности от слаборазвитых Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана выглядит уже не столь впечатляющим.

По уровню развития, измеряемому среднедушевым ВВП, в 1980 и 1990 годах СУАР отставал от всех пяти государств Центральной Азии. К 2000 г. Синьцзян обошел

Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. В то же время СУАР по данному показателю примерно вдвое уступает экспортерам углеводородов – Казахстану и Туркменистану.

По макроструктуре производства СУАР наиболее близок Туркменистану (см. таблицу 2.8). Это неудивительно – обе экономики являются по сути командно–административными, в обеих доминирует добыча углеводородов.

В более общем плане обращает на себя внимание более низкий в сравнении с центральноазиатскими республиками вклад третичного сектора или сферы услуг в производство ВРП Синьцзяна. Это различие объясняется тем, что даже в частично либерализованном Таджикистане, не говоря уже о практически полностью либерализованных Казахстане и Кыргызстане, избыточно высокая доля прибыли (или валовой добавленной стоимости) концентрируется в руках торговых посредников. В СУАР, как и Китае в целом, большая часть прибыли остается в распоряжении непосредственных производителей товаров и услуг.

Таблица 2.8.

Структура ВВП/ВРП стран Центральной Азии и СУАР (% , в текущих ценах)

	Первичный сектор	Вторичный сектор	Третичный сектор
Казахстан			
1990	34	32	34
2000	9	41	50
2004	8	39	53
2008	6	43	51
Кыргызстан			
1990	34	29	37
2000	37	29	34
2004	37	21	42
2007	34	19	47
Таджикистан			
1990	31	40	29
2000	29	30	41
2004	24	28	48
2007	22	27	51
Туркменистан			
1990	32	30	38
2000	23	42	35
2004	20	41	39
2006	20	41	39
Узбекистан			
1990	33	33	34
2000	34	23	43
2004	31	26	43
2007	24	33	43
СУАР			
1955	54	26	20
1994	28	39	33
2000	21	43	36
2004	20	46	34
2006	17	48	35

Рассчитано по: данные национальной и международной статистики.

Сопоставление экономик с серьезно различающимися ценовыми пропорциями на базе стоимостных показателей должно быть дополнено анализом структуры занятости. Сравнение макроструктуры занятости СУАР и центральноазиатских стран свидетельствует о том, что автономный район западного Китая находится на столь же низком уровне развития, что и Таджикистан. В обоих случаях более 50% совокупной занятости приходится на сельское хозяйство (см. таблицу 2.9).

Таблица 2.9.

Структура занятости стран Центральной Азии и СУАР (% от занятости по экономике в целом)

	Первичный сектор	Вторичный сектор	Третичный сектор
Казахстан			
1990	22	32	46
2000	31	17	52
2004	33	17	50
2007	31	19	50
Кыргызстан			
1990	33	28	39
2000			
2004	39	18	43
2007	34	20	46
Таджикистан			
1990	43	21	36
2000	63	11	26
2004	67	9	24
2007	66	8	26
Туркменистан			
1990	42	21	37
2000	48	18	34
Узбекистан			
1990	39	24	37
2000	38	20	42
2004	31	21	48
2007	29	22	49
СУАР			
1978	72	14	14
1988	62	17	21
2000	58	14	28
2003	55	13	32
2005	53	13	34

Рассчитано по: данные национальной и международной статистики.

Получившие в СУАР развитие капиталоемкие и трудосберегающие нефте- и газодобыча, а также нефтепереработка, предъявляют ограниченный спрос на рабочую силу. Неудивительно, что вторичный сектор (промышленность и строительство) оттягивает на себя относительно меньшее число рабочих рук в сравнении с Узбекистаном.

До тех пор пока китайская экономика генерирует колоссальные «избыточные сбережения» в форме положительного сальдо текущего счета платежного баланса, трансформирующегося в золотовалютные резервы, КНР располагает возможностями обеспечивать ускоренный прогресс СУАР и западных провинций за счет нерыночных политико-экономических механизмов. Взаимодействие с Центральной Азией и Евразией позволяет до некоторой степени снизить уровень этих нерыночных издержек. Только в том случае, если тенденция закрепления за Китаем функции «глобальной промышленной фабрики» начнет давать сбои, экономическое развитие западных провинций страны окажется под угрозой.

На момент завершения настоящей работы признаков такого варианта развития событий не просматривалось. Скорее наоборот, одним из следствий глобального экономического кризиса, начавшегося в 2007 г., станет ускоренное перемещение производств в страны с более низкими издержками на рабочую силу. Учитывая заметный научно-технический прогресс китайской экономики, она имеет хорошие шансы укрепить свои позиции в качестве ведущего глобального центра производства промышленных изделий не только на нижних, но и средних и даже высших технологических этапах.

Еще не завершившийся глобальный экономический кризис способен несколько затормозить формирование «большой Центральной Азии» с центром в СУАР, но не развернуть этот процесс вспять. Слишком велики те выгоды, которые участники формирующегося экономического макрорегиона получают от развития контактов друг с другом. Тем более, учитывая неблагоприятные базовые условия развития, какие-либо альтернативные варианты, позволяющие как СУАР, так и Центральной Азии поддерживать высокую динамику экономического роста попросту отсутствуют.

Здесь необходимо точно расставить акценты. Для КНР экономическое сотрудничество с Центральной Азией во многом является побочным продуктом решения крупной задачи национального развития – обеспечить ускоренный подъем Западных районов страны. Региональный диспаритет в уровне развития и стилях жизни между южными, центральными и западными провинциями КНР создает опасные социально-политические напряженности. Быстрое экономическое развитие западных провинций, включая Синьцзян, имеет и стратегическую цель – обеспечить должную степень контроля на западных рубежах Поднебесной, особенно ввиду того, что в соседних с Китаем странах впервые появились американские и натовские военные базы. КНР также создает дополнительную страховку для предотвращения инфильтрации нестабильности из Центральной Азии. События весны-лета 2005 г. в Кыргызстане и Узбекистане, а ранее гражданская война в Таджикистане, отчетливо продемонстрировали, что в аграрных центральноазиатских республиках накоплен взрывоопасный конфликтный потенциал.

Вместе с тем, на наш взгляд, было бы неверным считать наращивание экономического взаимодействия СУАР с сопредельными центральноазиатскими экономиками второстепенной для КНР задачей. Активизация сотрудничества с Центральной Азией для СУАР и Китая в целом является органическим элементом в стратегии ускоренного развития Запада. Говоря другими словами, это сотрудничество облегчает и всячески способствует реализации стратегических целей КНР в западных провинциях.

Глава 3. Взаимная торговля и прямые инвестиции

Взаимная торговля является наиболее масштабной и динамичной сферой экономического сотрудничества Китая и Центральной Азии. Китай стремительно превращается в глобальную торговую державу, расширяющую свое присутствие на всех без исключения мировых рынках. Страны Центральной Азии в этом смысле не представляют собой исключения. На фоне прогрессирующей либерализации национальных торговых режимов (за определенным исключением Туркменистана и Узбекистана), географическая близость превращает Центральную Азию и КНР в естественных торговых партнеров. Дополнительно взаимная торговля стимулируется пористостью, точнее было бы даже сказать фактическим отсутствием, таможенных границ в постсоветском пространстве.

3.1. Официально регистрируемые торговые потоки

Согласно официальной внешнеторговой статистике центральноазиатских стран в 1995-2008 гг. экспорт пятерки в КНР увеличился в 20 раз, с 405 млн. долл. до 8108 млн. долл. (см. таблицу 3.1).⁵¹ При этом экспорт Казахстана увеличился в 26 раз (с 294 млн. долл. до 7677 млн. долл.), Узбекистана в 10 раз (с 35 млн. долл. до 350 млн. долл.). Экспорт же Кыргызстана, напротив, сократился на треть, с 69 млн. долл. до 46 млн. долл. Экспорт Таджикистана и Туркменистана в КНР вырос многократно, но по стоимостному объему остается незначительным.

С учетом начальных уровней, наиболее быстро растет экспорт в КНР Казахстана. Если в 1995 г. доля этой страны в совокупном экспорте Центральной Азии в Китай составляла 73%, то в 2008 г. она возросла до 95% (см. диаграммы 3.1 и 3.2). Увеличение доли Казахстана было обеспечено главным образом за счет параллельного снижения вклада Кыргызстана с 17% до всего 1%. Кыргызстан оказался единственной центральноазиатской страной, экспорт которой в Китай за рассматриваемый период сократился как абсолютно, так и относительно. Понятно, что это объясняется удручающим состоянием современной кыргызской экономики. Узбекистан за рассматриваемый период увеличил экспорт на китайский рынок в 10 раз, до 350 млн. долл., однако доля этой страны в совокупном региональном экспорте в Китай снизилась более чем вдвое и в 2008 г. составляла всего 4%. Экспорт Таджикистана и Туркменистана в Китай по региональным меркам остается более чем скромным.

По данным официальной центральноазиатской статистики импорт пятерки из КНР в 1995-2008 гг. вырос более чем в 100 раз, с 65 млн. долл. до 6810 млн. долл. (см. таблицу 3.2). При этом импорт Казахстана увеличился почти в 135 раз (с 34 млн. долл. до 4565 млн. долл.), Кыргызстана - в 113 раз (с 6 млн. долл. до 680 млн. долл.), Узбекистана – в 33 раза (с 23 млн. долл. до 750 млн. долл.). Из-за крайне низких начальных объемов, импорт Таджикистана и Туркменистана из КНР увеличился в сотни раз.

Основным партнером Китая в Центральной Азии по импорту также является Казахстан. Если в 1995 г. его доля в совокупном региональном импорте из КНР составляла 52%, то в 2008 г. она возросла до 67% (см. диаграммы 3.3 и 3.4). За тот же период доля Узбекистана в импорте Центральной Азии из КНР снизилась с 35% до 11%. На Кыргызстан стабильно приходилось около одной десятой всего регионального импорта из Китая.

---

⁵¹ Здесь и далее по Таджикистану, Туркменистану и Узбекистану использованы грубые авторские оценки за 2008 г. По КНР и Кыргызстану за 2008 г. используются оценки, полученные на основе показателей за январь-ноябрь этого года. Для Узбекистана и Туркменистана окончательные данные по экспорту и импорту могут оказаться существенно отличными от предварительных оценок. Однако, это не повлияет существенно на сделанные выводы относительно основных тенденций внешнеторгового сотрудничества Центральной Азии и КНР.

Таблица 3.1.

Динамика экспорта стран Центральной Азии в КНР в 1995-2008 гг., млн. долл.

	1995	1998	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Казахстан	294	382	674	660	1023	1653	1967	2424	3593	5640	7677
Кыргызстан	69	16	44	19	41	23	39	27	38	62	46
Таджикистан	6	5	3	1	2	6	6	6	10	8	10
Туркменистан	1	6	6	7	8	19	13	17	16	44	25
Узбекистан	35	35	36	22	24	53	102	228	357	335	350
5 стран	405	444	763	709	1098	1754	2127	2702	4014	6089	8108

Таблица 3.2.

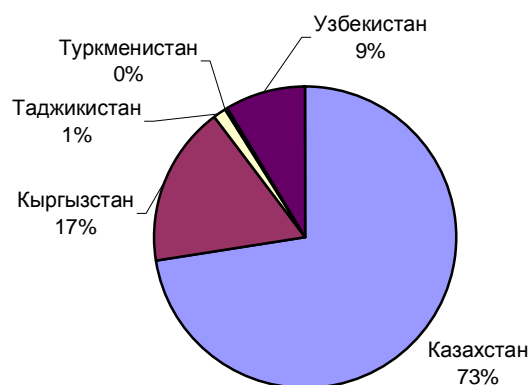
Динамика импорта стран Центральной Азии из КНР в 1995-2008 гг., млн. долл.

	1995	1998	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Казахстан	34	51	152	172	306	516	754	1252	1925	3507	4565
Кыргызстан	6	44	37	49	59	78	80	103	247	356	680
Таджикистан	0.4	1	0	6	8	27	57	153	149	275	315
Туркменистан	2	6	6	7	8	103	94	99	130	347	500
Узбекистан	23	49	74	91	114	165	266	257	341	434	750
5 стран	65	151	269	325	495	889	1251	1864	2792	4919	6810

Составлено по: национальная статистика внешней торговли; Directions of Trade Statistics Quarterly. IMF, 2002-2008.

Показатели по Таджикистану, Туркменистану и Узбекистану за 2008 г. являются грубыми авторскими оценками.

Диаграмма 3.1
Доли отдельных стран в совокупном экспорте Центральной Азии
в КНР в 1995 г., %

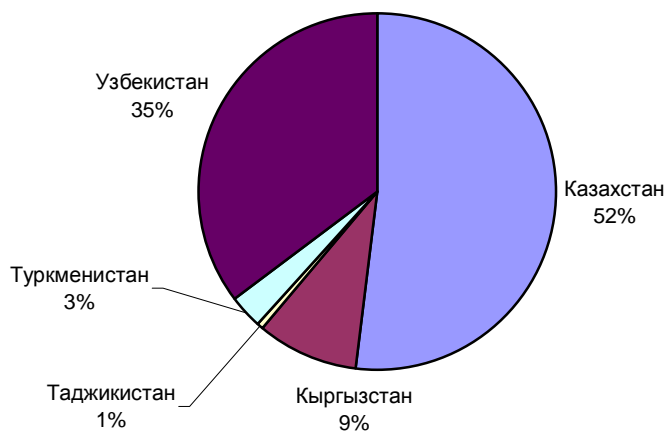
Диаграмма 3.2
Доли отдельных стран в совокупном экспорте Центральной Азии
в КНР в 2008 г., %

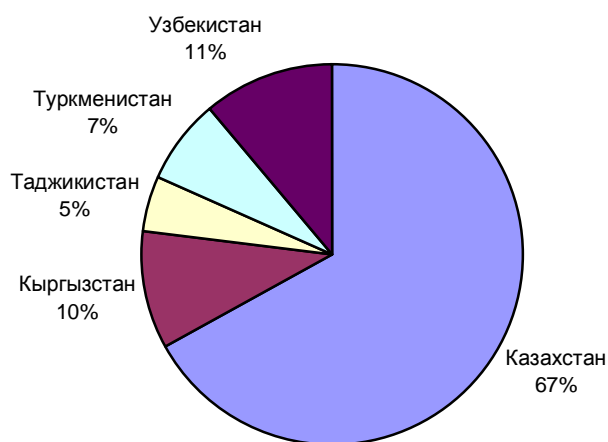
Рассчитано и составлено по: национальная статистика внешней торговли; Directions of Trade Statistics Quarterly. IMF, 2002-2008. Показатели по Таджикистану, Туркменистану и Узбекистану за 2008 г. являются грубыми авторскими оценками.

Диаграмма 3.3
Доли отдельных стран в совокупном импорте Центральной Азии из КНР в 1995 г., %

Диаграмма 3.4
Доли отдельных стран в совокупном импорте Центральной Азии из КНР в 2008 г., %

Рассчитано и составлено по: национальная статистика внешней торговли; Directions of Trade Statistics Quarterly. IMF, 2002-2008. Показатели по Таджикистану, Туркменистану и Узбекистану за 2008 г. являются грубыми авторскими оценками.

Если говорить о Центральной Азии в целом, то баланс ее торговли с КНР на протяжении всех последних лет оставался положительным и постоянно возрастал. В 1995 г. превышение регионального экспорта в Китай над импортом из этой страны составляло 340 млн. долл., к 2008 г. оно достигло 1298 млн. долл. (подсчитано по данным таблиц 3.1 и 3.2). В то же время, начиная с 1998 г., этот положительный торговый баланс поддерживается исключительно за счет Казахстана. Последний имеет столь внушительный профицит торговых операций с Китаем, что данный профицит позволяет компенсировать отрицательное сальдо остальной четверки государств.

В 1995 г. все центральноазиатские страны, кроме Туркменистана, имели положительный баланс торговли с КНР. Отрицательное сальдо туркмено-китайской торговли составляло менее US\$1 млн. В 2003-2008 гг. Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан имели глубоко отрицательное сальдо торговли с Китаем. Причем отрицательное сальдо в последние годы в этой тройке государств демонстрирует выраженную тенденцию к расширению. Это вызвано, в том числе тем обстоятельством, что КНР наращивает свои товарные поставки в Центральную Азию в счет связанных торговых кредитов, предоставляемых беднейшим экономикам региона.

К настоящему времени Китай вошел в число приоритетных торговых партнеров Казахстана, Кыргызстана и с некоторым опозданием – Узбекистана. В последние два-три года быстрыми темпами развивается торговля Китая с Туркменистаном (см. таблицу 3.3).

Таблица 3.3.

Место Китая в списке 10 крупнейших экспортно-импортных партнеров Центральной Азии

	1995	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008*
	экспорт								
Казахстан	3	4	3	4	3	5	4	3	3
Кыргызстан	3	5	4	5	5	5	5	6	6
Таджикистан	-	-	-	-	-	-	-	-	...
Туркменистан	-	-	-	-	-	-	-	-	...
Узбекистан	-	-	-	-	-	6	6	6	...
	Импорт								
Казахстан	-	6	4	3	3	3	2	2	2
Кыргызстан	10	4	4	3	3	3	2	2	2
Таджикистан	-	-	-	9	-	5	4	5	...
Туркменистан	-	-	-	-	10	10	7	4	...
Узбекистан	-	10	7	6	5	4	3	3	...

* - данные за 2008 г. предварительные.

Составлено по: данные национальной статистики внешней торговли; Directions of Trade Statistics Quarterly. IMF, 2002-2008.

Для Казахстана Китай в 1995-2008 гг. был 3-5 крупнейшим экспортным рынком наряду со Швейцарией, Италией, Россией и Францией. По импорту КНР до самого последнего времени являлся третьим крупнейшим контрагентом Казахстана после России и Германии, а с 2006 г., потеснив Германию, Китай стал вторым после России крупнейшим экспортером в Казахстан. КНР и Казахстан официально заявили, что к 2015 г. они намерены увеличить ежегодный взаимный товарооборот до 15 млрд. долл. Напомним, что в 2008 г. этот показатель уже составил 12.2 млрд. долл.

Столь же значительны относительные торговые позиции Китая в Кыргызстане. КНР является 5–6 крупнейшим экспортным рынком для кыргызских товаров и с 2006 г. 2 ведущим экспортером в Кыргызстан.

Узбекистан позднее других центральноазиатских стран приступил к налаживанию торговых связей с Китаем. При этом до самого последнего времени китайский рынок не представлял особого интереса для узбекских экспортеров. Нарастало только относительное значение импортных закупок в КНР. Однако в 2005 г. Китай вошел в список крупнейших экспортных рынков Узбекистана, заняв там шестое место. По предварительным оценкам, в 2008 г. Китай остался в ряду приоритетных экспортных рынков Узбекистана. С 2006 г. Китай закрепился в качестве третьего крупнейшего экспортера на узбекский рынок.

В то же время для Туркменистана и особенно Таджикистана торговля с Китаем до самого последнего времени не играла такой важной роли, как для других центральноазиатских стран. При этом с учетом того обстоятельства, что ни Таджикистан, ни Туркменистан не располагают какими-либо дефицитными товарами для экспорта на китайский рынок, исключая в среднесрочной перспективе туркменский газ (подробно см. **Главу 5. Центральная Азия – энергетический донор китайской экономики?**). Двусторонняя торговля этих двух стран с Китаем развивается преимущественно за счет наращивания импорта товаров из КНР.

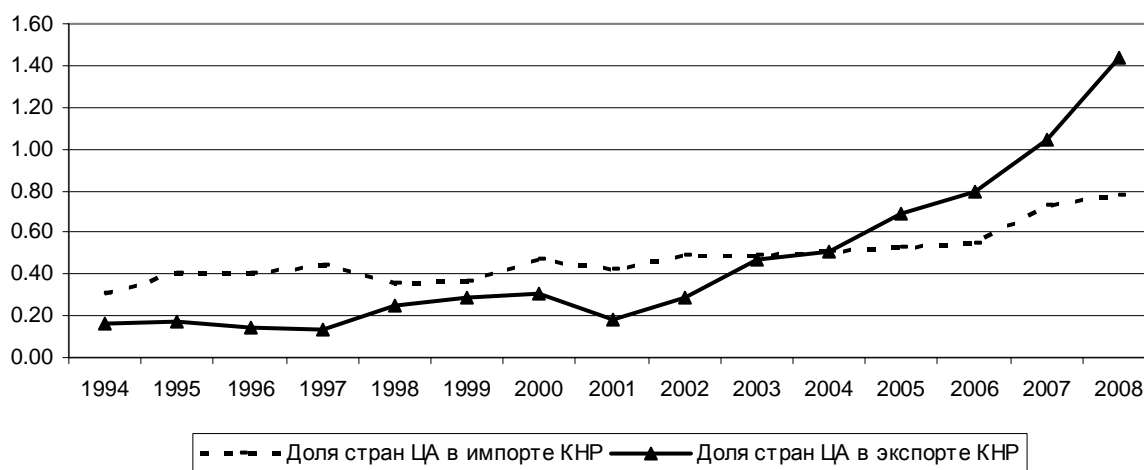
Для Китая торговля с Центральной Азией не представляется критически важной. В 2008 г. на центральноазиатскую пятерку пришлось всего 1.44% национального китайского экспорта и 0.78% импорта (см. диаграмму 3.5). В то же время обращает на себя внимание то обстоятельство, что, начиная с 2001 г., экспорт КНР в регион увеличивается очень быстрыми темпами, опережающими темпы роста импорта из Центральной Азии.⁵²

Рассмотрим более подробно динамику и структуру двусторонней торговли центральноазиатских стран с Китаем. Начнем с основного торгового партнера КНР в Центральной Азии, Казахстана.

3.1.1. Казахстан – КНР

Как уже отмечалось, Казахстан – основной торговый партнер КНР в центральноазиатском регионе. Доля КНР в казахском экспорте возросла с 5.9% в 1995 г. до 10.8% в 2008 г. (см. диаграмму 3.6). На протяжении всего периода независимого развития Казахстан поддерживает положительный баланс торговли с Китаем. В 2008 г. это сальдо достигло 3112 млн. долл.

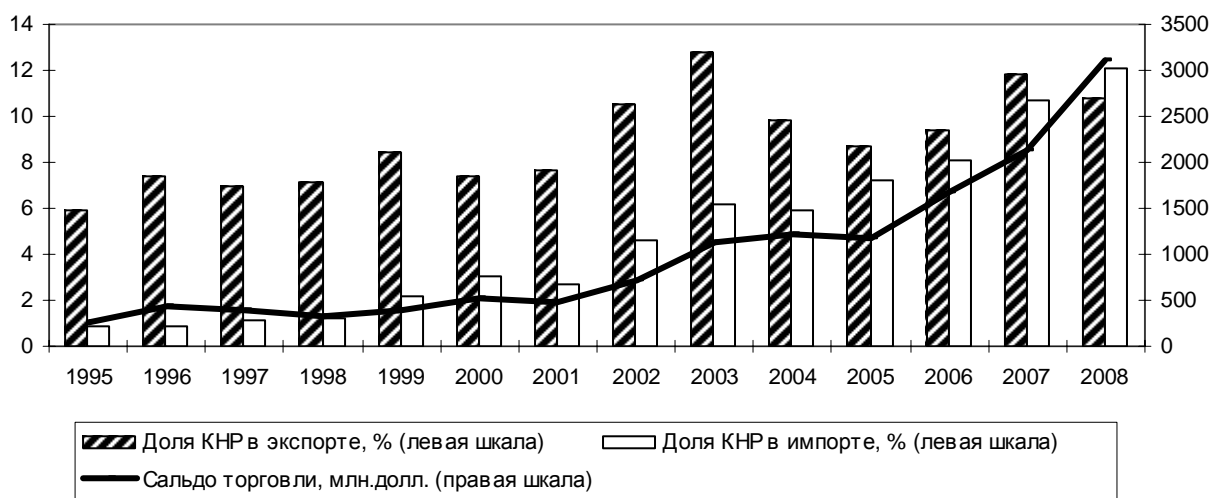
Диаграмма 3.5
Значимость торговли с Центральной Азией для КНР, %

Рассчитано и составлено по: таможенная статистика КНР. Показатели за 2008 г. предварительные.

⁵² Детально к этому вопросу мы вернемся ниже в разделе 3.2. Статистически нерегистрируемая торговля.

Диаграмма 3.6
Казахстан: товарная торговля с КНР в 1995-2008 гг.

Рассчитано и составлено по: внешнеторговая статистика Казахстана.

Структура экспорта Казахстана в КНР имеет ярко выраженный сырьевой характер (см. таблицу 3.4). В казахском экспорте доминируют медь, нефть и нефтепродукты, цинк, черные металлы. Другая характерная черта казахского экспорта в Китай – его высочайшая товарная и продуктовая концентрация. В 2008 г. всего на три экспортных статьи (нефть и нефтепродукты, медь и руды и концентраты) приходилось 82%, пять экспортных статей – 93%, а 10 статей – 99.6(!) всего национального экспорта. Притом, что экономический рост на постсоветском пространстве до осени 2008 г. находился в полной зависимости от экспортного спроса, как в результате скачка мировых сырьевых цен в 2002 – 2008 гг., так и за счет увеличения поставок на экспорт физических объемов сырья и металлов низкой степени переработки, не будет преувеличением сказать, что экономические связи с Китаем превратились для Казахстана, как и всех сырьевых экспортеров, в важнейший фактор экономической динамики. Китайская экономика тянет за собой евразийских сырьевых экспортеров не только напрямую, но, возможно даже в большей степени, опосредованно. Растущее потребление Китаем сырья и металлов поддавливало мировые цены на эти товары вверх, что самым положительным образом сказывалось на экономической динамике сырьевых экспортеров Евразии.

Иной характер имеет структура импорта Казахстана из КНР (см. таблицу 3.5). В китайском экспорте в эту центральноазиатскую республику доминирует продукция обрабатывающей промышленности, в первую очередь механическое машиностроение, электромашиностроение и оборудование, средства наземного транспорта. Номенклатура китайского экспорта довольно обширна и разнообразна. В экспорте КНР в Казахстан обычно присутствует несколько десятков товарных позиций, стоимостной объем каждой из которых превышает 1 млн. долл. Неудивительно поэтому, что степень концентрации казахского импорта из КНР оказывается заметно ниже в сравнении с экспортом Казахстана в Китай.

Таблица 3.4.

Структура экспорта Казахстана в КНР, %

	2002		2004		2006		2007		2008
Медь	40	Медь	27	Нефть и нефтепродукты	38	Нефть и нефтепродукты	50	Нефть и нефтепродукты	58
Черные металлы	35	Черные металлы	25	Цинк	15	Медь	22	Медь	15
Нефть и нефтепродукты	7	Нефть и нефтепродукты	20	Медь	15	Руды и концентраты	9	Руды и концентраты	10
Алюминий	3	Цинк	6	Руды металлические	9	Шкуры и кожа	4	Черные металлы	6
Цинк	3	Шкуры, кожевенное сырье	6	Черные металлы	8	Цинк	3	Шкуры и кожа	5
Руды металлические	3	Неорганическая химия	6	Неорганическая химия	6	Черные металлы	2	Неорганическая химия	3
Неорганическая химия	2	Алюминий	3	Шкуры	6	Шерсть	1	Соль, сера, цемент	2
Шкуры, кожевенное сырье	1	Изделия из черных металлов	2	Шерсть	1	Неорганическая химия	1	Цинк	1
Минеральные удобрения	1	Минеральные удобрения	1	Соль, сера, цемент	1	Соль, сера, цемент	1	Шерсть	1
Свинец	1	Цемент, стройматериалы	1	Изделия из черных металлов	0.4	Изделия из черных металлов	0	Кадмий	0.6
3 экспортные статьи	82	3 экспортные статьи	72	3 экспортные статьи	68	3 экспортные статьи	81	3 экспортные статьи	82
5 экспортных статей	92	5 экспортных статей	84	5 экспортных статей	85	5 экспортных статей	88	5 экспортных статей	93
10 экспортных статей	100	10 экспортных статей	97	10 экспортных статей	99	10 экспортных статей	93	10 экспортных статей	99.6
Весь экспорт в КНР	100	Весь экспорт в КНР	100	Весь экспорт в КНР	100	Весь экспорт в КНР	100	Весь экспорт в КНР	100

Составлено и рассчитано по: данные таможенной статистики Казахстана.

Таблица 3.5.

Структура импорта Казахстана из КНР, %

	2002		2004		2006		2008
Механическое машиностроение	16.5	Механическое машиностроение	18.8	Механическое машиностроение	24.5	Изделия из черных металлов	29.2
Изделия из черных металлов	8.2	Электромашиностроение и оборудование	12	Электромашиностроение и оборудование	11.5	Механическое машиностроение	19.8
Электромашиностроение и оборудование	8.1	Нефтепродукты	7.8	Изделия из черных металлов	9.6	Электромашиностроение и оборудование	10.9
Керамические изделия	4.9	Керамические изделия	6.3	Средства наземного транспорта	9.5	Средства наземного транспорта	5.4
Нефтепродукты	4.9	Изделия из черных металлов	6.2	Пластмассы и изделия	5.1	Пластмассы и изделия	4.1
5 импортных статей	42.6	5 импортных статей	51.1	5 импортных статей	60.2	5 импортных статей	69.4
Весь импорт из КНР	100	Весь импорт из КНР	100	Весь импорт из КНР	100	Весь импорт из КНР	100

Составлено и рассчитано по: данные таможенной статистики Казахстана.

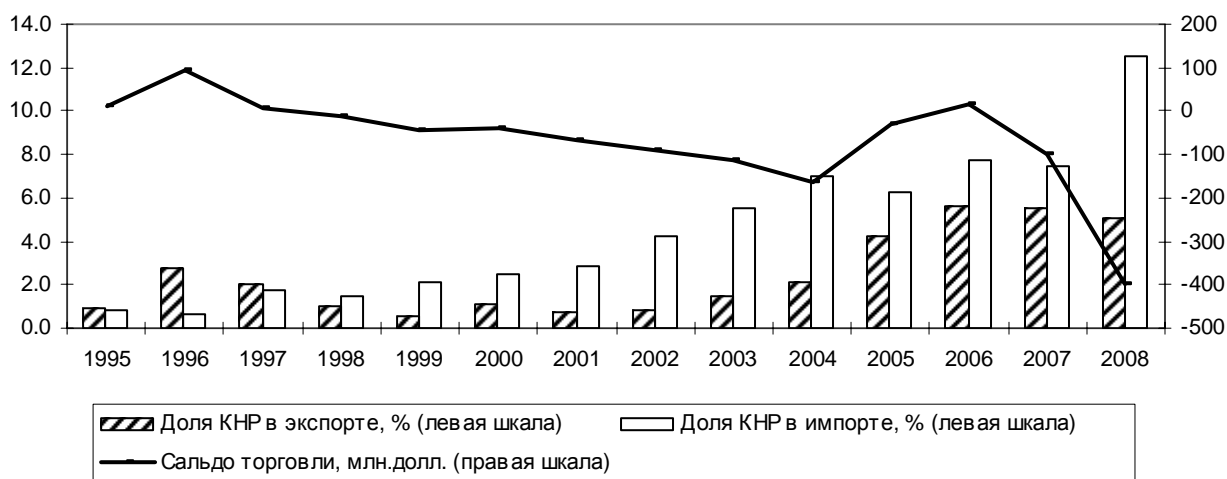
Интересно также, что среди ведущих импортных статей до самого последнего времени постоянно присутствовали нефтепродукты (5 место в 2002 г., 3 место в 2004 г. и 12 место в 2006 г.). Поразительно, что Казахстан – чистый нефтеэкспортер, располагающий тремя нефтеперерабатывающими заводами, импортирует нефтепродукты из КНР, которая является крупным чистым нефтеимпортером. Такая ситуация обусловлена тем, что в СУАР сосредоточены достаточно крупные нефтеперерабатывающие мощности, а цены на нефтепродукты на китайском рынке заметно ниже в сравнении с казахским рынком. В результате складывается такое положение, что нефтеперерабатывающим заводам Синьцзян–Уйгурского автономного района выгоднее сбывать свою продукцию в Казахстане, чем на внутреннем рынке.

В целом структура торговли Казахстана и КНР отражает типичное взаимодействие, характерное для связки сырьевого экспортера (Казахстан) и экспортера готовых промышленных изделий (Китай).

3.1.2. Узбекистан – КНР⁵³

Второй крупнейший торговый партнер КНР в Центральной Азии – Узбекистан. Доля Китая в узбекском экспорте выросла с 0.9% в 1995 г. до 5.1% в 2008 г. (см. диаграмму 3.7). Более заметно присутствие КНР в импорте Узбекистана – в 2008 г. доля Китая в совокупном товарном импорте этой центральноазиатской республики оценивается нами в 5%.. Начиная с 1998 г. Узбекистан имеет отрицательное сальдо в торговле с Китаем. В 2002–2004 гг. это сальдо составляло минус 100-150 млн., но к 2008 г. опустилось до примерно 400 млн. долл. Из-за многократного увеличения экспорта Узбекистана в Китай в последние три–четыре года его структура претерпела существенные изменения (см. таблицу 3.6). В 2005 г. основным предметом узбекского экспорта в КНР стал хлопок-волокно, на который пришлось 68% всего объема экспорта. Именно благодаря относительно крупным поставкам хлопка произошло и быстрое увеличение общих экспортных поставок на китайский рынок. В 2006–2007 гг. на хлопок–волокно приходилось уже три четвертых узбекского товарного экспорта в КНР.

Диаграмма 3.7
Узбекистан: торговля с КНР в 1995-2008 гг.

Рассчитано и составлено по: внешнеторговая статистика Узбекистана. Показатели за 2008 г. являются грубой авторской оценкой и могут быть существенно пересмотрены по мере опубликования официальных данных.

⁵³ В отличие от других стран Центральной Азии таможенная статистика в Узбекистане включает в состав внешней торговли услуги.

С большим отрывом за хлопком следуют нефтепродукты. В конце 2007 г. китайская национальная нефтяная компания CNPC заключила специальное соглашение с Узбекистаном об импорте нефтепродуктов, следовательно, в ближайшие годы следует ожидать опережающего роста экспортных поставок узбекских нефтепродуктов на китайский рынок.

Таблица 3.6.

Структура экспорта Узбекистана в КНР, млн. долл. и %

	2003		2005		2006		2007	
	US\$ млн.	%	US\$ млн.	%	US\$ млн.	%	US\$ млн.	%
Услуги	25	48	10	4	21	6	24	8
Машины и оборудование	10	19	0	0	0	0	4	1
Продовольственные товары	2	5	0	0		0		0
Нефтепродукты	2	4	25	11	31	9	21	7
Хлопок–волокно	2	4	156	68	274	77	229	73
Цветные металлы	1	1	0	0	0	0	9	3
Черные металлы	...	...	0	0	...	...	...	...
Продукция химической промышленности	0	1	23	10		3		1
Прочее	10	18	15	6	18	5	23	7
Всего	52	100	228	100	357	100	314	100

Рассчитано и составлено по: внешнеторговая статистика Узбекистана. Показатели округлены до целых чисел.

В импорте Узбекистана из КНР доминируют машины и оборудование. В 2003–2007 гг. на эту товарную позицию приходилось 48–61% всего национального узбекского импорта из Китая (см. таблицу 3.7). Китайский экспорт в Узбекистан существенно более диверсифицирован и богат по номенклатуре в сравнении с узбекским экспортом в Китай. Таким образом, по товарному наполнению торговое взаимодействие крупнейшей по численности населения центральноазиатской страны с КНР принципиально сходно с торговлей в связке Казахстан – Китай. И в данном случае мы имеем дело с типичной связкой сырьевой экспортер – экспортер промышленных изделий.

Таблица 3.7.

Структура импорта Узбекистана из КНР, млн. долл. и %

	2003		2005		2006		2007	
	US\$ млн.	%	US\$ млн.	%	US\$ млн.	%	US\$ млн.	%
Машины и оборудование	78	48	158	61	202	59	242	56
Продукция химической промышленности	31	19	31	12	50	15	88	20
Продовольственные товары	15	9	11	4	16	5	20	5
Нефтепродукты	...	...	0.1	0	...	...	...	...

Услуги	14	9	16	6		3		3
Цветные металлы	...	...	7	3	10	2	14	4
Черные металлы	3	2	4	2	8	12	17	10
Прочее	24	15	30	12	39	59	43	56
Всего	164	100	257	100	341	100	434	100

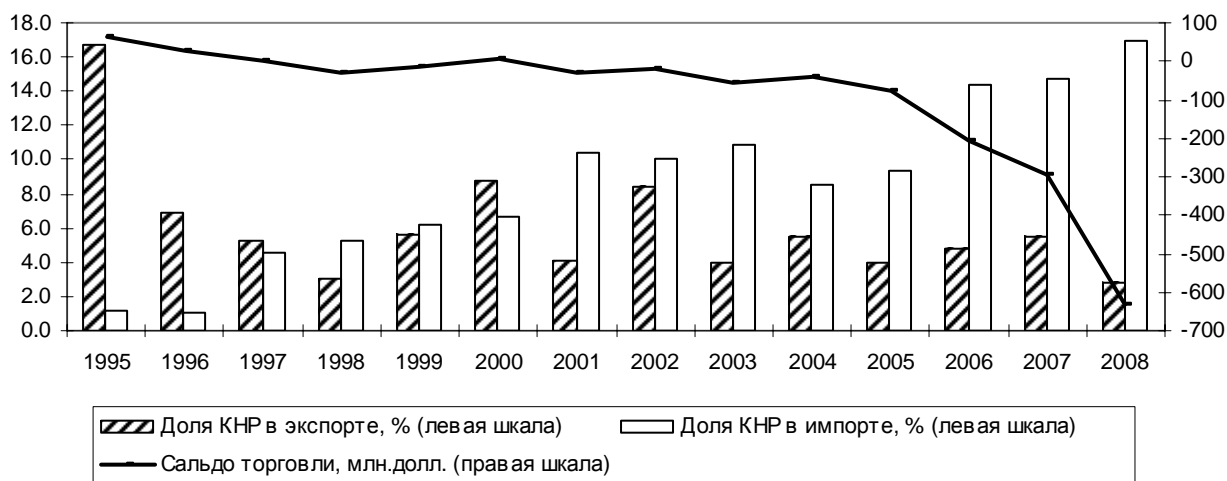
Рассчитано и составлено по: внешнеторговая статистика Узбекистана. Показатели округлены до целых чисел.

3.1.3. Кыргызстан – КНР

Торговля Кыргызстана с КНР отличается особой асимметрией. На фоне стагнации и даже снижающихся стоимостных объемов экспорта в Китай кыргызский импорт из этой страны растет быстрыми темпами, что особенно верно для периода 2005–2008 гг. (см. таблицы 3.1 и 3.2 выше).⁵⁴ Доля Китая в кыргызском экспорте имеет тенденцию к снижению, доля же китайской продукции в товарном импорте Кыргызстана, напротив, возрастает (см. диаграмму 3.8).

В экспорте Кыргызстана в КНР преобладают металлические руды и металлический лом, шкуры крупного рогатого скота, кожа и шерсть (см. таблицу 3.8). По стоимости отдельные товарные позиции кыргызского экспорта невелики и не превосходят 3–8 млн. долл. Притом, что своевременная кыргызская экономика продолжает стремительно примитивизироваться, в ближайшие годы в экспорте Кыргызстана в Китай будут доминировать продукция животноводства.

Диаграмма 3.8
Кыргызстан: товарная торговля с КНР в 1995-2008 гг.

Рассчитано и составлено по: внешнеторговая статистика Кыргызстана. Показатели за 2008 г. являются авторской оценкой

⁵⁴ Ниже будет показано, что таможенная статистика торговли Кыргызстана с КНР абсолютно неадекватна. В действительности отрицательное сальдо торговли Кыргызстана с КНР существенно больше, чем это следует из официальной кыргызской статистики.

Таблица 3.8.

Структура экспорта Кыргызстана в КНР, млн. долл. и %

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
US\$ млн.							
Металлические руды и лом	6.8	8.8	8.1	14.2	10.6	6.9	5.1
Шкуры крупного рогатого скота	4.6	14.8	5.2	4.5	4.1	8.5	7.2
Кожа	0	4.1	2.6	2.5	2.7	2.5	3.3
Шерсть	0.7	2.2	1.8	1.4	1.9	1.6	2.1
Минеральное топливо, смазочные масла	0.2	0.6	0.1	0.6	1.1	4.5	6.9
Химическая продукция	1.8	2.1	1.2	8	1.1	3.8	0.8
Машины и оборудование	2.6	4.5	0.3	0.6	0.9	4.4	22.7
Алюминий	0.2	2.4	1.8	4.3	0.7	3.0	6.7
- 8 товарных позиций	16.9	39.5	21.1	36.1	23.1	35.2	54.8
Всего	19.4	41.1	23.3	39.3	26.6	38.1	61.9
%							
Металлические руды и лом	35.1	21.4	34.8	36.1	39.8	18.1	8.2
Шкуры крупного рогатого скота	23.7	36.0	22.3	11.5	15.4	22.3	11.6
Кожа	0.0	10.0	11.2	6.4	10.2	6.6	5.3
Шерсть	3.6	5.4	7.7	3.6	7.1	4.2	3.4
Минеральное топливо, смазочные масла	1.0	1.5	0.4	1.5	4.1	11.8	11.1
Химическая продукция	9.3	5.1	5.2	20.4	4.1	10.0	1.3
Машины и оборудование	13.4	10.9	1.3	1.5	3.4	11.5	36.7
Алюминий	1.0	5.8	7.7	10.9	2.6	7.9	10.8
- 8 товарных позиций	87.1	96.1	90.6	91.9	86.8	92.4	88.5
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Рассчитано и составлено по: платежные балансы Кыргызстана за 2003–2007 гг.

В отличие от Казахстана и Узбекистана вплоть до 2004 г. импорт Кыргызстаном из Китая машин и оборудования не превышал 20 млн. долл. в год. На эту продукцию в кыргызской экономике отсутствовал спрос. Однако в 2005 г. и особенно в 2006 и 2007 гг. официальная таможенная статистика Кыргызстана фиксирует всплеск импорта машин и оборудования из Китая. Параллельно наблюдался рост импорта оборудования электросвязи

(см. таблицу 3.9).⁵⁵ В обоих случаях речь, по-видимому, идет о продукции, которая предназначена для реэкспорта главным образом в Россию и частично – в Казахстан.

Другими сравнительно крупными, относительно скромных размеров кыргызской экономики, статьями импорта из КНР являются ткани из искусственных материалов и химическая продукция. В последние три-четыре года в Кыргызстане организовано несколько десятков мелких и мельчайших предприятий по пошиву одежды из импортных тканей. Продукция этих предприятий предназначена для экспорта на соседние центральноазиатские рынки, а также в Россию. Зачастую фактическими владельцами этих пошивочных мастерских являются китайцы.

Поразительно также, что, будучи преимущественно аграрной экономикой, Кыргызстан импортирует из КНР достаточно крупные и растущие объемы продовольствия. Судя по всему, и в этом случае речь идет о реэкспорте китайской готовой пищевой продукции на постсоветские рынки.

Таблица 3.9.

Структура импорта Кыргызстана из КНР, млн. долл. и %

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
US\$ млн.							
Машины и транспортное оборудование	7.3	11.1	15.8	19.8	29.3	92.1	128.2
Ткани из искусственных материалов	4.3	7.1	11.3	13.6	12.7	18.8	19.6
Оборудование электросвязи	3	2.9	8.3	10	11.8	44.9	48.8
Химическая продукция	11.8	9.9	9.2	11.9	10.6	16.2	25.0
Продовольствие	1.5	1.9	4.3	4.1	9.2	29.1	32.9
Одежда	5	11.4	14.7	6.4	4.4	9.0	6.5
Обувь	3.4	4.6	5.4	3.2	3	5.2	5.3
- 7 товарных позиций	36.3	48.9	69	69	81	215.3	266.3
Всего	48.5	59	77.7	80.1	102.9	246.7	355.6
%							
Машины и транспортное оборудование	15.1	18.8	20.3	24.7	28.5	37.3	36.1
Ткани из искусственных материалов	8.9	12.0	14.5	17.0	12.3	7.6	5.5
Оборудование электросвязи	6.2	4.9	10.7	12.5	11.5	18.2	13.7
Химическая продукция	24.3	16.8	11.8	14.9	10.3	6.6	7.0
Продовольствие	3.1	3.2	5.5	5.1	8.9	11.8	9.3
Одежда	10.3	19.3	18.9	8.0	4.3	3.6	1.8
Обувь	7.0	7.8	6.9	4.0	2.9	2.1	1.5

⁵⁵ Следует иметь в виду, что официальная статистика импорта Кыргызстана из Китая особенно неадекватна.

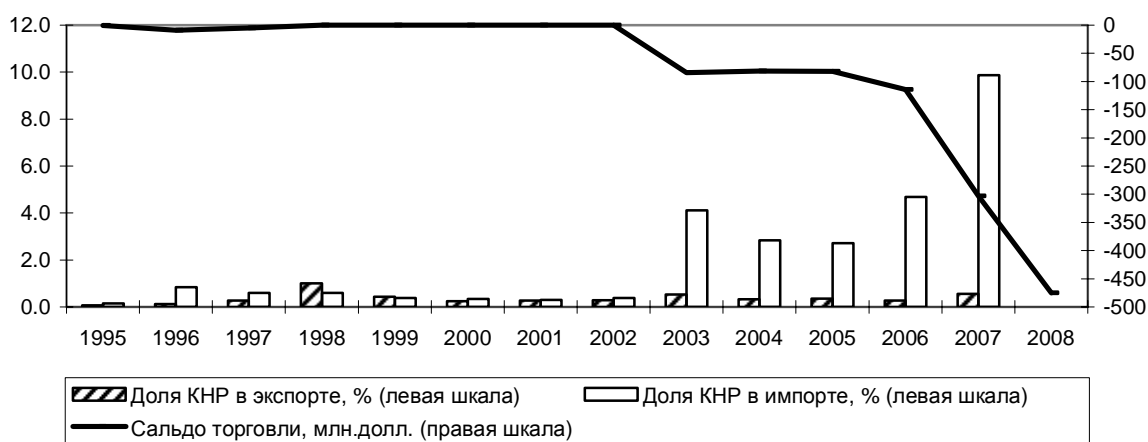
- 7 товарных позиций	74.8	82.9	88.8	86.1	78.7	87.3	74.9
Всего	100	100	100	100	100	100	

Рассчитано и составлено по: платежные балансы Кыргызстана за 2003–2007 гг.

3.1.4. Туркменистан – КНР

Туркменистан с большим опозданием публикует только обрывочные данные о своих внешнеторговых операциях. Вплоть до 2002 г. включительно КНР не входила в число важных торговых партнеров Туркменистана, а сальдо торговли с Китаем было близко к нулевой отметке (см. диаграмму 3.9).

Диаграмма 3.9
Туркменистан: товарная торговля с КНР в 1995-2008 гг.

Рассчитано и составлено по: внешнеторговая статистика Туркменистана; Directions of Trade Statistics. IMF, 2002-2008. Показатели за 2008 г. являются грубой авторской оценкой и могут быть существенно пересмотрены по мере опубликования новых данных.

Начиная с 2003 г. импорт Туркменистана из КНР растет опережающими темпами в сравнении с экспортными поставками туркменской продукции на китайский рынок. Неудивительно, что отрицательное торговое сальдо торговли с Китаем в 2008 г. приблизилось к 500 млн. долл. Доля КНР в совокупном товарном импорте Туркменистана возросла с 0.4% в 2002 г. до 10% в 2007 г.

Последние доступные данные о структуре туркменского – китайского товарооборота относятся к 2003 г. (см. таблицу 3.10). В туркменском экспорте в КНР безоговорочно доминируют нефтепродукты. По-видимому, в 2004-2008 гг. Китай продолжал импортировать определенное количество нефтепродуктов из Туркменистана.

В структуре же китайского экспорта в Туркменистан доминирует продукция машиностроения. Причем в 2003 г. по стоимости Туркменистан закупил примерно столько же китайских машин и оборудования, сколько и Узбекистан. Это – неудивительно. Газовый экспортер Туркменистан поддерживает устойчивое положительное сальдо торгового и платежного баланса и располагает необходимыми валютными резервами для закупок машиностроительной продукции за рубежом.

В 2004-2008 гг. КНР выделила Туркменистану льготные долгосрочные кредиты для закупок китайского оборудования. Поэтому в ближайшие годы значимость

машиностроительной продукции в китайском экспорте в Туркменистан будут расти и абсолютно, и относительно.

Таблица 3.10.

Структура экспорта и импорта Туркменистана в/из КНР в 2003г. (данные Туркменистана)

	Экспорт			Импорт	
	US\$ млн.	%		US\$ млн.	%
Нефтепродукты	16.1	83	Машины и оборудование	62.1	60
Хлопок-волокно	0.6	3	Продовольственные товары	15.5	15
Сырье для текстильной промышленности	0.4	2	Прочее	25.8	25
Прочее	2.2	11	Всего	103.4	100
Всего	19.3	100			

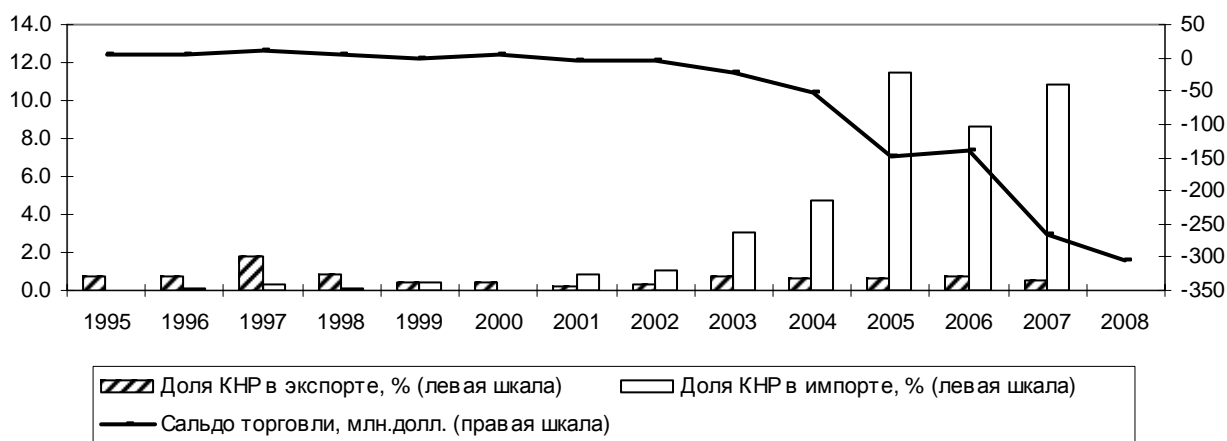
Рассчитано и составлено по: внешнеторговая статистика Туркменистана

3.1.5. Таджикистан – КНР

Обороты таджикско – китайской торговли незначительны. Даже в 2008 г. экспорт Таджикистана в КНР составил по предварительной оценке всего 10 млн. долл. (см. таблицу 3.1 выше). Вместе с тем, начиная с 2003 г. достаточно быстро идет наращивание импорта Таджикистана из Китая (см. таблицу 3.2 выше). В 2008 г. по предварительным данным этот импорт достиг примерно 315 млн. долл.

Как следствие, если вплоть до 2002 г. включительно торговля Таджикистана с Китаем отличалась достаточной сбалансированностью, то к 2008 г. отрицательное сальдо торгового обмена достигло, по оценкам, 305 млн. долл. (см. диаграмму 3.10).

Диаграмма 3.10
Таджикистан: товарная торговля с КНР в 1995-2008 гг.

Рассчитано и составлено по: внешнеторговая статистика Таджикистана. Показатели за 2008 г. являются грубой авторской оценкой.

Опережающий рост импорта в сравнении с экспортом объясняется тем, что КНР предоставила Таджикистану достаточно крупные относительно скромных размеров таджикской экономики связанные льготные кредиты. Эти льготные кредиты обслуживают

государственные программы КНР по содействию Таджикистану в строительстве транспортных, инфраструктурных и энергетических объектов.

В ближайшие несколько лет Таджикистан продолжит импортировать из Китая энергетическое оборудование, строительную дорожную технику и прочее специальное оборудование в рамках этих программ содействия. Понятно, что речь идет не об импорте в рыночном понимании, но о связанных поставках китайской продукции в счет кредитов китайской стороны.

3.2. Статистически нерегистрируемая торговля

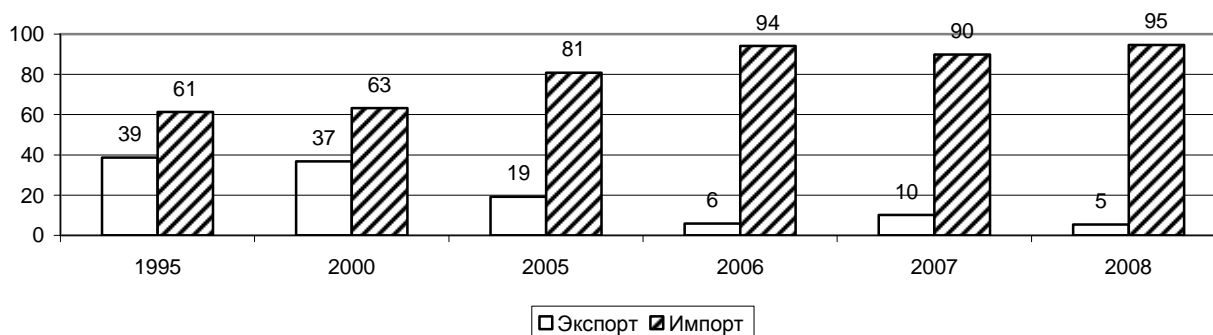
Вплоть до настоящего момента тенденции внешнеторгового взаимодействия Центральной Азии и Китая анализировались на базе официальной центральноазиатской статистики. В свою очередь статистику торговли с регионом ведет и Китай. В идеале эти две базы данных должны, с поправками на различия в методике учета, соответствовать друг другу. Действительно, в статистике внешней торговли действует так называемый «зеркальный принцип» - те потоки, которые одна страна (регион) учитывает как экспорт/импорт, торговый контрагент учитывает как импорт/экспорт. В принципе, «зеркальные» торговые потоки не должны различаться более чем на 5–10%. Однако в случае торговли Центральной Азии и Китая ожидаемого совпадения двух баз данных не наблюдается.⁵⁶

Сравнение двух баз данных показывает, что между центральноазиатскими и китайскими официальными внешнеторговыми данными существуют заметные различия, как по экспорту, так и особенно по импорту.

3.2.1. Общая картина

Если в 1995 г. статистически неучтенный торговый оборот центральноазиатской пятерки и КНР составил 314 млн. долл., то в 2008 г. он, по нашей грубой оценке, приблизился к 15 млрд. долл. При этом, как свидетельствуют материалы диаграммы 3.11, основной вклад в рост нерегистрируемых товарных потоков обеспечивается импортом Центральной Азии из КНР.

Диаграмма 3.11
Вклад экспорта и импорта в статистически неучтенную торговлю
Центральной Азии и КНР, %

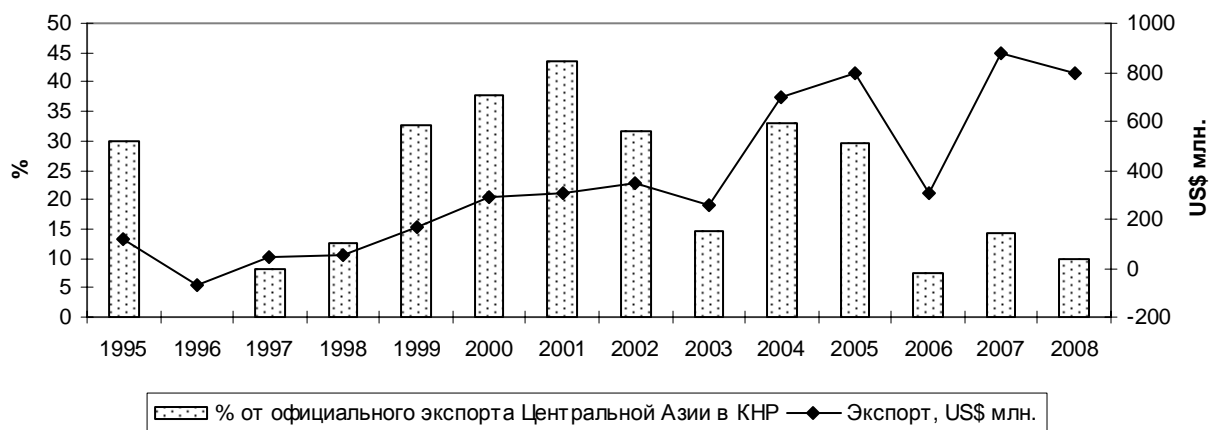

Рассчитано и составлено по: внешнеторговая статистика стран Центральной Азии и КНР.

⁵⁶ Существенные расхождения в «зеркальной» статистике внешнеторговых потоков – общая черта всех постсоветских экономик. См.: Экспортно–импортные потоки РФ. Сопоставление данных таможенной статистики РФ и статистики международной торговли ОЭСР. Отв. ред. И.С. Королев. М.: ИМЭМО, 2003.

Начнем с анализа экспорта. Сравнение двух «зеркальных» баз данных за 1995–2008 гг. показывает, что пик неучитываемого центральноазиатской статистикой экспорта в Китай приходится на 2004–2005 и 2007–2008 годы (см. диаграмму 3.12). В 2004 г. центральноазиатская таможенная статистика «просмотрела» 700 млн. долл., а в 2005 г. – уже 796 млн. долл. экспортных потоков. Это составило соответственно 33–29% от официально учтенного экспорта региона.

Диаграмма 3.12
Экспорт в Китай, не учитываемый внешнеторговой статистикой
государств Центральной Азии

Рассчитано и составлено по: внешнеторговая статистика стран Центральной Азии и КНР.

В 2007 г. объемы официально неучитываемого экспорта из Центральной Азии в Китай достиг 877 млн. долл., а в 2008 г. составил примерно 800 млн. долл. При этом в силу более быстрого увеличения регистрируемых экспортных поставок на китайский рынок отношение неофициального экспорта к официальному снизилось соответственно до 14–10%.

Однако, самые существенные несоответствия в двух «зеркальных» базах данных наблюдаются по линии импорта Центральной Азии из Китая. В начале 1990-х годов КНР в сжатые сроки создала юридические, организационные и материальные условия для быстрого наращивания торговли с Кыргызстаном и через территорию этой страны со всей Центральной Азией.⁵⁷ К настоящему времени Китай создал несколько каналов для входа своего экспорта на рынки стран региона.

Во-первых, продолжает функционировать крупный оптовый рынок "Дордой" на границе Кыргызстана с Казахстаном (три-четыре часа езды до Алматы), услугами которого ежедневно пользуются тысячи мелкооптовых торговцев всего центральноазиатского региона, но особенно Казахстана.⁵⁸ Как и прежде этот рынок используется для экспорта китайской продукции массового потребления во все страны Центральной Азии, но, прежде всего, Казахстан. К тому же в августе 2004 г. китайская компания Dade открыла в Бишкеке

⁵⁷ См.: Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М.: Московский общественный научный фонд, 2001, сс.270-272.

⁵⁸ Садовская Е.Ю. Трудовые миграции в Республике Казахстан как основа трансграничных миграций// Фронтьерские миграции. Сборник научных трудов. Под общей редакцией Ж. Зайончковской, М. Садыкова. Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ/ Независимый Исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии/Западно-Казахстанский фонд науки и образования "АКЖОЛ"/ Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Уральск, 2002.

торговый центр площадью 66 тыс. кв.м., предназначенный для обслуживания всего центральноазиатского региона, а также близлежащих областей России.

Во-вторых, Китай создал две зоны свободной торговли в приграничных с Казахстаном районах. Первая зона площадью 200 га размещается вблизи китайского города Хоргос⁵⁹, вторая площадью 105 га – в районе города Чугучак на границе с Восточным Казахстаном. Между последним и Чугучаком с 1 марта 2006 г. действует однодневный безвизовый торговый режим. Согласно договору между МИДами Казахстана и Китая, жители Казахстана имеют возможность без оформления визы в течение одного дня перейти границу и закупить товары китайских производителей на территории свободной торговой зоны в Чугучаке.⁶⁰ Разрешается «беспошлинный» провоз товара через таможенные посты двух стран весом не более 50 кг стоимостью не более 1 тысячи долларов США. Казахстанским предпринимателям разрешается провозить отечественную продукцию для торговли на территории свободной торговой зоны. Запланирована модернизация дороги Усть-Каменогорск – Зайсан – Майкапчагай, что облегчит доступ в свободную торговую зону для жителей Усть-Каменогорска. В ближайшей перспективе ожидается подключение к этому упрощенному режиму торговли регионов Российской Федерации в лице Горно-Алтайской автономии и Алтайского края.⁶¹

Торговому коридору в Казахстан Китай, естественно, уделяет первоочередное внимание. Мощности по перевалке грузов на станциях Хоргос и Дружба в ближайшие годы планируется довести до 50 млн. тонн в год. Для достижения этой цели будут реализованы два крупных проекта. Первый проект предполагает модернизацию пограничного перехода Достык–Алашанькоу с целью увеличения пропускной мощности перехода до 25 миллионов тонн в год. Второй проект предусматривает строительство новой железной дороги Сары-Озек – Хоргос параллельно существующей автодороге⁶² (подробнее см. **Главу 4. Транспортные коридоры**).

В-третьих, в июне 2004 г. состоялось официальное открытие автомобильного сообщения между столицей Горно-Бадахшанской области Таджикистана г.Хорог и г.Кашгар (Синьцзян, КНР). 700 километровое расстояние между Кашгаром и Хорогом грузовики и автобусы преодолевают за одни сутки, еще два дня занимает переезд из Хорога в столицу Таджикистана Душанбе. По погодным условиям маршрут открыт с мая по сентябрь. Ожидается, что к 2009 г. грузооборот на китайско-таджикском маршруте достигнет 100 тыс. тонн.

Параллельно усилиям по открытию центральноазиатских рынков Китай наращивает экспортные возможности Синьцзяна. В июне 2005 г. в столице Синьцзяна г.Урумчи одна из крупнейших китайских инвестиционных корпораций Doowin, годовой оборот которой оценивается в 3.5 млрд. долл., открыла крупный оптовый торговый центр «Локомотив». Товары в новый торговый центр поступают напрямую от производителей Восточного и Центрального Китая по внутризаводским ценам без торговых надбавок. «Локомотив» оснащен современным информационным центром для изучения спроса на рынках Центральной Азии и России. Его общая торговая площадь превышает 100 тыс. кв. м. Являясь самым крупным гипермаркетом в Урумчи, он оборудован зоной таможенного оформления товаров, складскими помещениями, здесь работают отделения китайских банков, есть места для проведения деловых конференций, выставок, предоставляется в лизинг офисное оборудование, оказываются юридические услуги, работает отдел переводчиков,

⁵⁹ China & Kazakhstan to build a free trade boarder zone – <http://english.peopledaily.com.cn> (26 февраля 2004)

⁶⁰ Xinjiang to open second boarder trade market to Kazakhstan// http://www.english.people.com.cn/200602/13/eng20060213_242204.html.

⁶¹ Торговый коридор между Казахстаном и Китаем открыт// <http://www.inform.kz/showarticle.php?id=149237> (28 марта 2006).

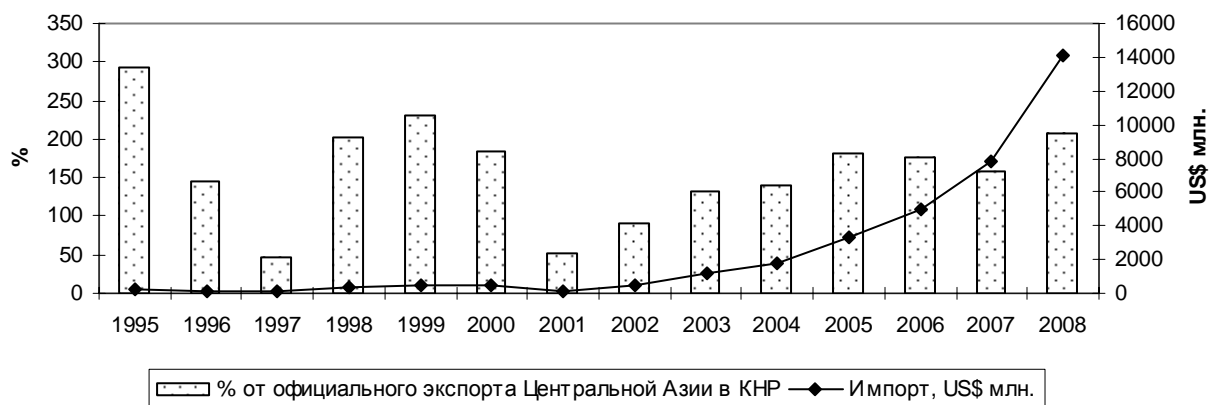
⁶² Мощности по перевалке грузов в китайском направлении достигнут 50 млн. тонн в год// <http://www.inform.kz/showarticle.php?id=148074> (10 марта 2006).

открыт информационный web-сайт о китайских товарах и поставщиках. Как подчеркивает китайская сторона: “Главное для нас, чтобы производители товаров из Гонконга, Макао и приморских городов напрямую осуществляли внешнеэкономическую деятельность с рынками Центральной Азии и России”⁶³.

Уже в 1999-2002 гг. официальная таможенная статистика стран Центральной Азии не учитывала товарные потоки из КНР в объеме US\$300-500 млн. в год (см. диаграмму 3.13). В 2003-2008 гг. нерегистрируемый центральноазиатской статистикой китайский экспорт вырос скачкообразно. В 2005 г. он составил около 3.4 млрд. долл., а в 2008 г. – превысил 14 млрд. долл. Иначе говоря, неучитываемый таможенной статистикой центральноазиатских стран импорт из КНР более чем в два раза (!) превосходит официально учитываемый китайский импорт. Столь значительные несоответствия «зеркальной» торговой статистики Центральной Азии и КНР не поддаются однозначной интерпретации. Невозможно точно определить, какая именно сторона – Китай или центральноазиатские страны – допускает существенные ошибки в таможенной статистике. Не исключен и такой вариант, когда таможенная статистика плохо налажена с обеих сторон.

Диаграмма 3.13
Импорт из Китая, не учитываемый внешнеторговой статистикой
государств Центральной Азии

Рассчитано и составлено по: внешнеторговая статистика стран Центральной Азии и КНР.

Как бы то ни было, сопоставление двух баз данных позволяет с достаточной определенностью утверждать следующее:

- во-первых, между Центральной Азией и Китаем циркулируют огромные торговые потоки, которые не находят отражения в официальной центральноазиатской статистике экспорта и импорта;

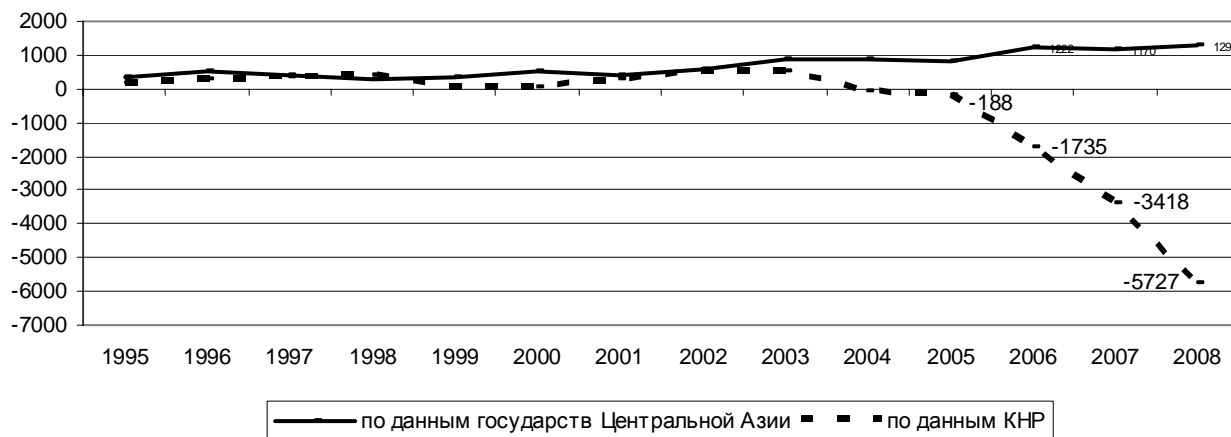
- во-вторых, экспорт Центральной Азии в Китай учитывается сравнительно лучше в сравнении с импортом региона из КНР. Иначе говоря, подавляющая часть неучтенных потоков представлена импортом Центральной Азии из Китая;

- в-третьих, с учетом нерегистрируемого импорта из Китая общерегиональный торговый баланс Центральной Азии с КНР сводится не с положительным, а огромным относительно масштабов центральноазиатских экономик и их торговли с Китаем отрицательным сальдо (см. диаграмму 3.14). В 2005 г. совокупное отрицательное сальдо центральноазиатского региона составило 188 млн. долл., в 2008 г. оно достигло уже минус 5.7 млрд. долл.;

⁶³ Панорама (Алматы), №26, 8 июля 2005.

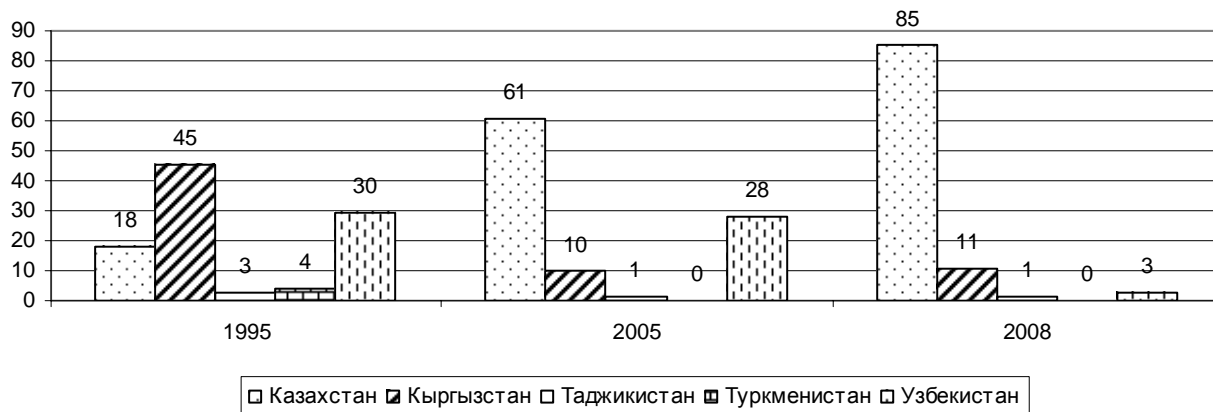
- в-четвертых, в последние годы основной поток нерегистрируемого экспорта из Центральной Азии в Китай генерируется в Казахстане (см. диаграмму 3.15). Принимая во внимание то обстоятельство, что на Казахстан приходится 95% всего официального регионального экспорта в КНР, такая ситуация представляется вполне естественной;

Диаграмма 3.14
Сальдо товарной торговли Центральной Азии и КНР, US\$ млн.

Рассчитано и составлено по: внешнеторговая статистика стран Центральной Азии и КНР.

Диаграмма 3.15
Доли центральноазиатских стран в совокупном статистически нерегистрируемом экспорте региона в КНР, %

Подсчитано и составлено по: данные внешнеторговой статистики центральноазиатских стран и КНР, база данных статкомитета СНГ. Данные по Таджикистану, Туркменистану и Узбекистану за 2008 г. являются очень грубыми авторскими оценками.

- в-пятых, основная масса нерегистрируемого импорта из КНР приходится на Казахстан и Кыргызстан (см. диаграмму 3.16). Именно через эти две страны, которые непосредственно граничат с КНР, официально нерегистрируемый китайский экспорт

проникает на центральноазиатские рынки и рынки всего постсоветского пространства, преимущественно в Россию.

Диаграмма 3.16
Доли центральноазиатских стран в совокупном статистически нерегистрируемом импорте региона из КНР, %

Подсчитано и составлено по: данные внешнеторговой статистики центральноазиатских стран и КНР, база данных статкомитета СНГ. Данные по Таджикистану, Туркменистану и Узбекистану за 2008 г. являются очень грубыми авторскими оценками.

В середине 1990-х годов главной таможенной дырой Центральной Азии был Кыргызстан. Эта страна придерживалась самого либерального экономического курса, в том числе в сфере внешней торговли. К тому же из-за провала государства как института Кыргызстан превратился в неконтролируемую территорию с легко проницаемыми таможенными границами. Таможенной границы в общепринятом понимании в Кыргызстане не существовало и не существует. В 1995 г. на Кыргызстан приходилось 53% всего неучитываемого регионального импорта из Китая.

В первой половине текущего десятилетия место главной таможенной дыры в Центральной Азии занял экономический лидер региона Казахстан. Этому способствовали либерализация казахской экономики, развитие транспортной и торговой инфраструктуры на китайско-казахской границе и, конечно, растущие масштабы казахской экономики. В 2005г. через Казахстан в Центральную Азию поступило 79% всего нерегистрируемого импорта из Китая. Неучитываемый импорт через Кыргызстан, конечно, также увеличился в абсолютном выражении. Однако, объемы этого импорта относительно потока через казахско-китайскую границу стали существенно меньше. В целом же через Казахстан и Кыргызстан проходил практически весь нерегистрируемый таможенной статистикой стран Центральной Азии китайский экспорт в регион.

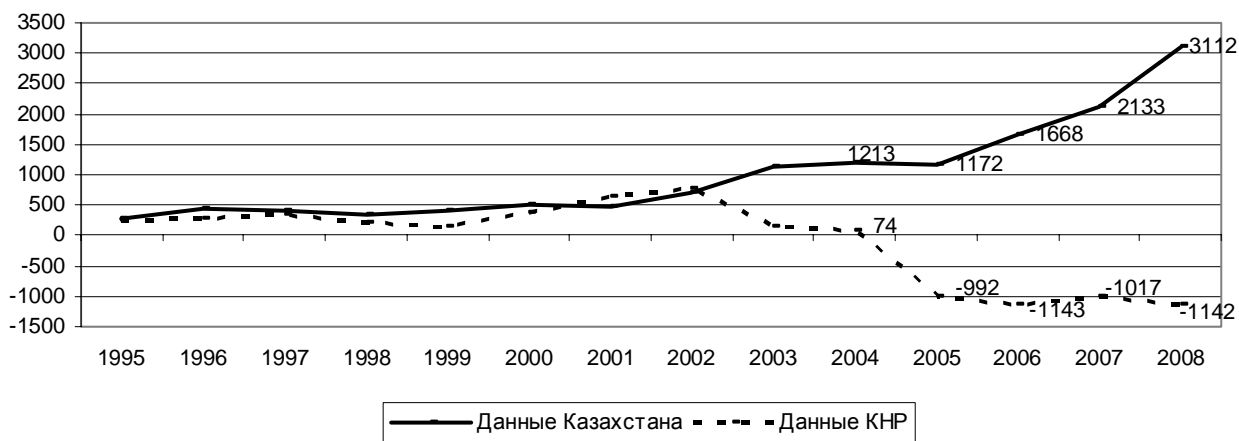
Удивительно, но в 2008 г. Кыргызстан вернул себе сомнительное лидерство по объемам нерегистрируемого импорта из КНР. Через кыргызскую таможенную границу прошло 55% нерегистрируемого импорта Центральной Азии из Китая. Доля же Казахстана снизилась до 35%.

Учет нерегистрируемых торговых потоков существенно меняет наше представление о сальдо торговли Казахстана и Кыргызстана с КНР. Согласно казахской таможенной статистике, это сальдо всегда было положительным, а в последние годы оно заметно увеличилось и в 2008 г. достигло 3.1 млрд. долл. (см. диаграмму 3.17). Однако согласно более полной таможенной статистике КНР, в действительности, начиная с 2004 г., Казахстан

имеет отрицательное сальдо в товарной торговле с Китаем. Причем в 2005 – 2008 гг. это сальдо колебалось около отметки в 1 млрд. долл.

Отрицательное же сальдо товарной торговли Кыргызстана с Китаем по данным китайской таможенной статистике постоянно расширялось и в 2008 г. достигло по предварительной оценке 8.4 млрд. долл. (см. диаграмму 3.18), что более чем в 13 раз превышает показатель, фиксируемый кыргызской статистикой внешней торговли.

Диаграмма 3.17
Казахстан: сальдо товарной торговли с КНР, млн. долл.

Подсчитано и составлено по: данные внешнеторговой статистики Казахстана и КНР. Данные за 2008 г. являются авторскими оценками.

Диаграмма 3.18
Кыргызстан: сальдо товарной торговли с КНР, млн. долл.

Подсчитано и составлено по: данные внешнеторговой статистики Кыргызстана и КНР. Данные за 2008 г. являются авторскими оценками.

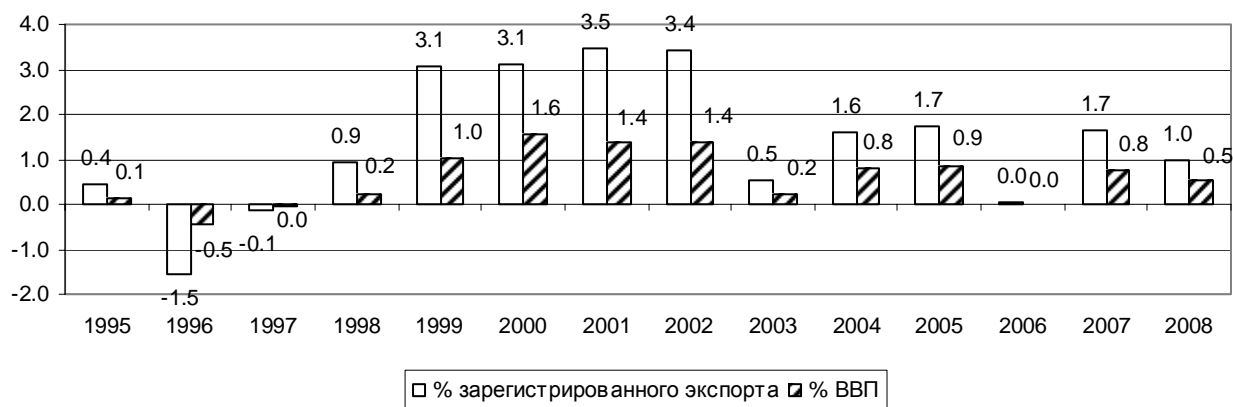
Механизм, «облегчающий» стоимость китайских товаров при их прохождении через китайско–кыргызскую границу действует следующим образом. Определяя объемы торговли, таможня Кыргызстана фиксирует вес пересекающих границу товаров, который затем умножается на средние рыночные цены, которые в 2-3 раза ниже китайских или мировых.⁶⁴ Безусловно, наряду с этим через границу идет мощный поток контрабанды.

3.2.2. Макроэкономическая значимость нерегистрируемой торговли между Центральной Азией и КНР

Составить подлинное представление о масштабах нерегистрируемой торговли между Центральной Азией и КНР возможно, только сопоставив ее с макроиндикаторами экономической активности – совокупными национальным экспортом и импортом, а также валовым внутренним продуктом.

Материалы диаграмм 3.19–3.24 показывают, что в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане нерегистрируемые экспортные потоки в КНР составляли в 2005–2008 гг. от 0% до 9.4% официального экспорта этих стран в Китай и от 0% до 3.5% их ВВП.

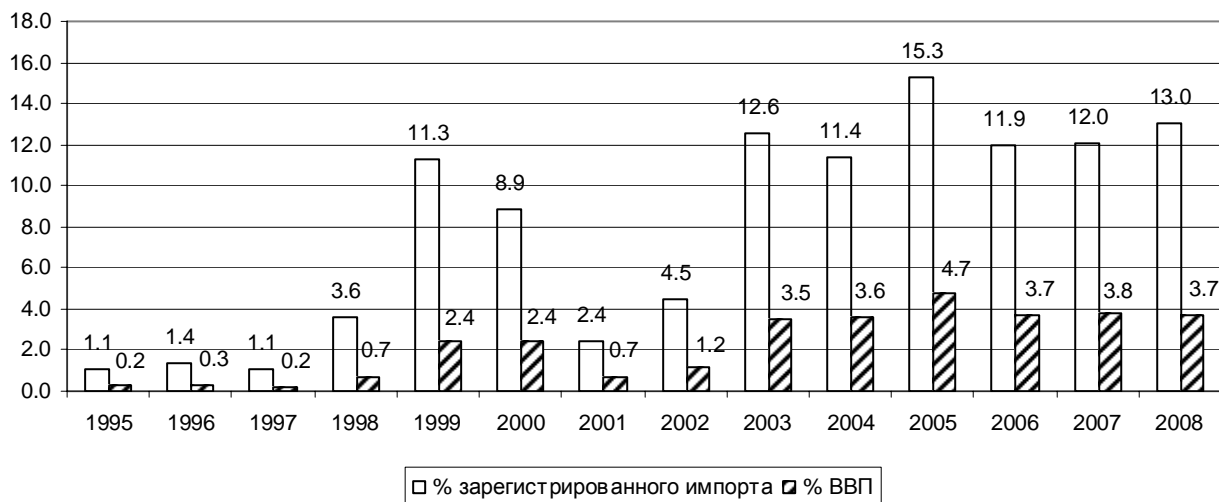
Диаграмма 3.19
Казахстан: статистически неучтенный экспорт в КНР
в % от всего официального экспорта и ВВП

Рассчитано и составлено по: данные внешнеторговой статистики Казахстана и КНР. Данные за 2008 г. являются авторскими оценками.

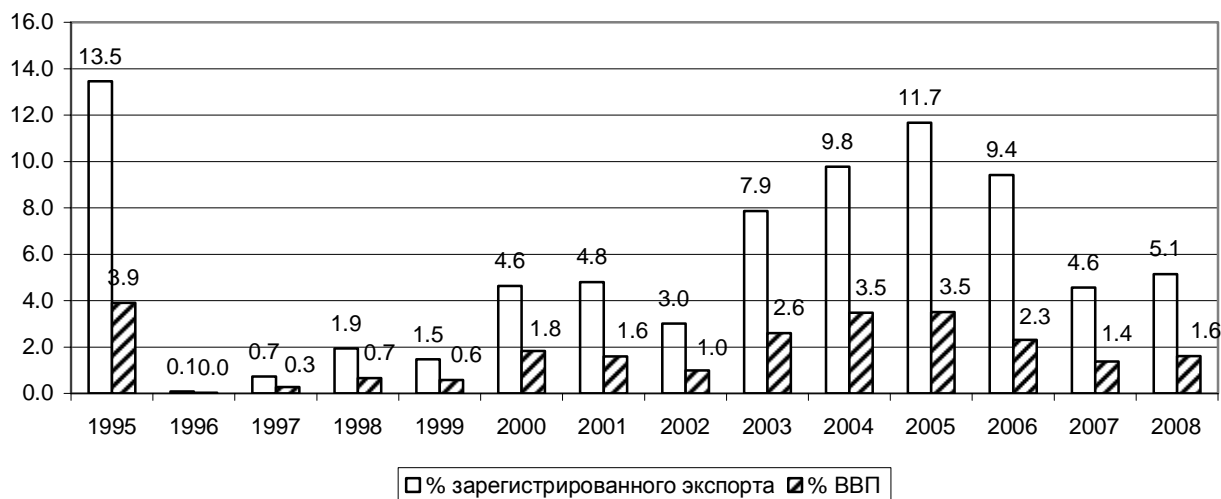
⁶⁴ Сагинбаева А. Китай и Кыргызстан: ожиданий больше, чем реального сотрудничества// Доклад на международной конференции «Китай и Центральная Азия: экономические отношения, текущая ситуация и перспективы», Бангкок, июль 2006.

Диаграмма 3.20
Казахстан: статистически неучтенный импорт из КНР
в % от всего официального импорта и ВВП

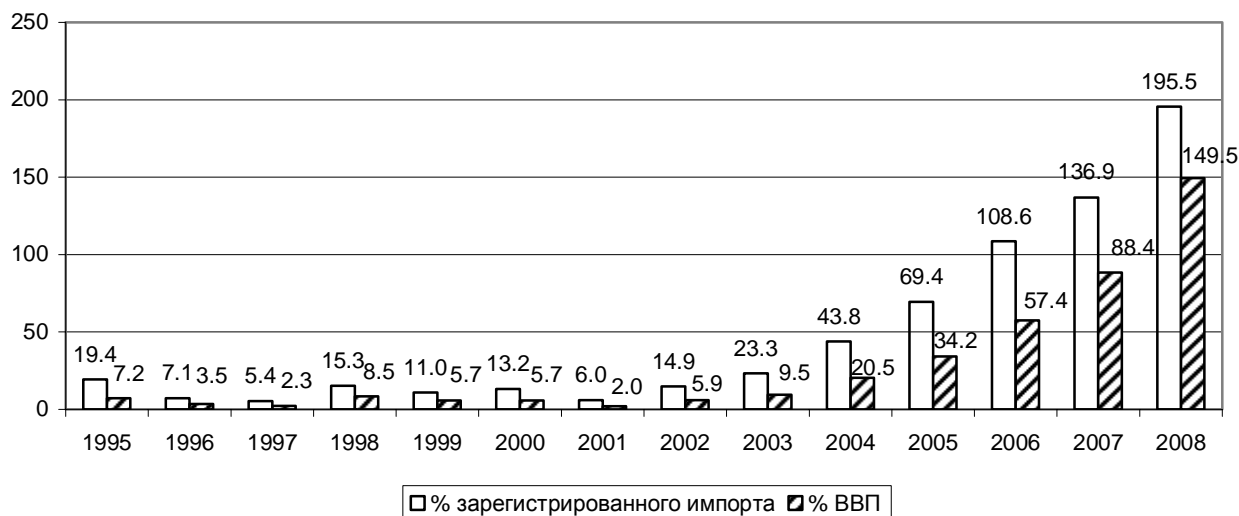
Рассчитано и составлено по: данные внешнеторговой статистики Казахстана и КНР. Данные за 2008 г. являются авторскими оценками.

Диаграмма 3.21
Кыргызстан: статистически неучтенный экспорт в КНР
в % от всего официального экспорта и ВВП

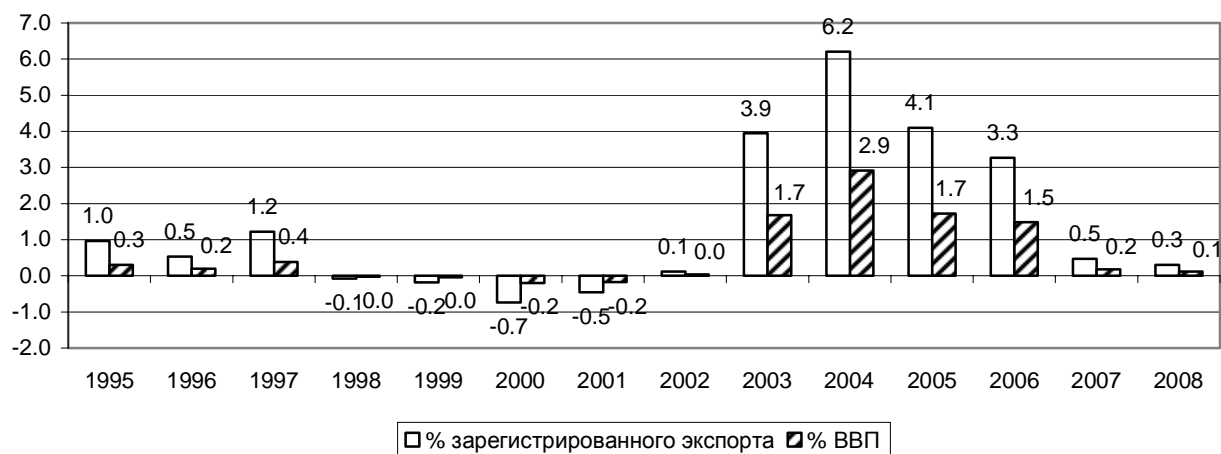
Рассчитано и составлено по: данные внешнеторговой статистики Кыргызстана и КНР. Данные за 2008 г. являются авторскими оценками.

Диаграмма 3.22
Кыргызстан: статистически неучтенный импорт из КНР
в % от всего официального импорта и ВВП

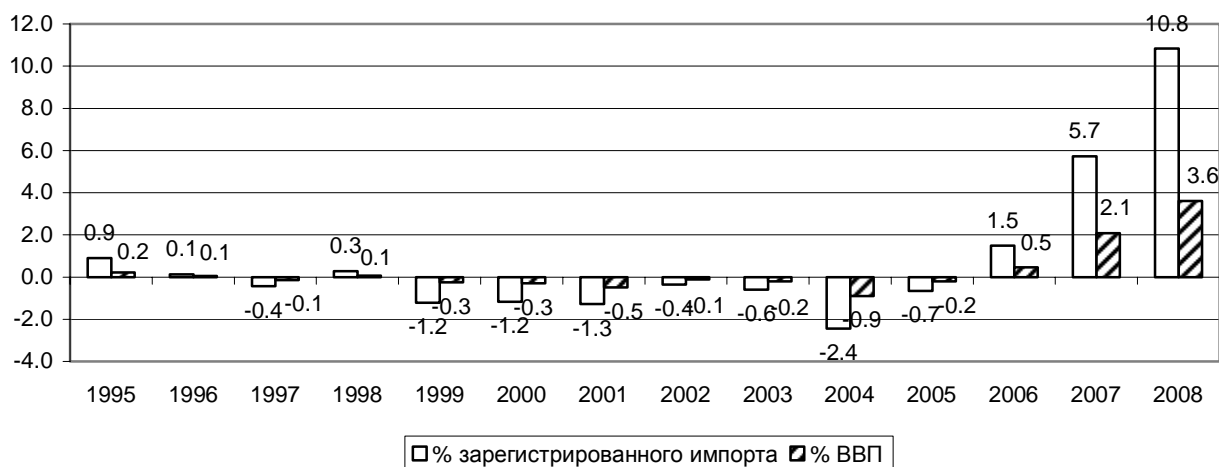
Рассчитано и составлено по: данные внешнеторговой статистики Кыргызстана и КНР. Данные за 2008 г. являются авторскими оценками.

Диаграмма 3.23
Узбекистан: статистически неучтенный экспорт в КНР
в % от всего официального экспорта и ВВП

Рассчитано и составлено по: данные внешнеторговой статистики Узбекистана и КНР. Данные за 2008 г. являются грубыми авторскими оценками и могут быть существенно пересмотрены по мере появления новой информации.

Диаграмма 3.24
Узбекистан: статистически нерегистрируемый импорт из КНР
в % от всего официального импорта и ВВП

Рассчитано и составлено по: данные внешнеторговой статистики Узбекистана и КНР. Данные за 2008 г. являются грубыми авторскими оценками и могут быть существенно пересмотрены по мере появления новой информации.

Причем если по абсолютным масштабам неофициального экспорта на китайский рынок в регионе безоговорочно лидирует Казахстан, то по отношению нерегистрируемых потоков к официальному экспорту и валовому внутреннему продукту на лидирующих позициях находится Кыргызстан. Во всех трех странах пик нерегистрируемого экспорта пришелся на 2003–2006 гг., в последние два года эти потоки демонстрируют тенденцию к снижению.

Нерегистрируемый экспорт в Китай из Таджикистана и Туркменистана крайне незначителен по объему и специально не рассматривается.

Иная картина складывается по импорту. В Казахстане в 2003–2008 гг. нерегистрируемый импорт из КНР колебался в пределах 11–15% официального импорта из этой страны и составлял от 3.4% до 4.7% казахского ВВП.

Поистине гигантские масштабы относительно скромных размеров национальной экономики приобрел нерегистрируемый экспорт из КНР в Кыргызстан. Еще в середине 1990–х годов нерегистрируемый кыргызской таможенной статистикой импорт из Китая составлял примерно пятую часть официального импорта из этой страны и 7.25 кыргызского ВВП. Однако настоящий взрыв нерегистрируемой торговли наблюдается начиная с 2002 г. В 2008 г. неотражаемый статистикой китайский импорт в полтора раза превысил ВВП Кыргызстана. Кыргызстан обогатил постсоветский экономический рост особым феноменом – международной специализацией кыргызской экономики стало обслуживание контрабандных потоков товаров из Китая в российское и казахское экономическое пространство.

В 2006–2008 гг. наблюдался резкий рост нерегистрируемого экспорта из КНР на рынок Узбекистана. Относительно официального импорта из Китая нерегистрируемые потоки возросли с 1.5% до 10.8%, относительно ВВП – с 0.5% до 3.6%.

Учитывая особенности политической и хозяйственной конструкции в современном Узбекистане, на первый взгляд трудно объяснить, каким образом столь существенные товарные потоки смогли ускользнуть от официальной статистики. Тем более что китайский импорт объективно представляет собой принципиальный вызов для современного Узбекистана. Последний является одной из немногих постсоветских стран, которая проводит

промышленную политику и пытается развивать перерабатывающие отрасли (здесь не идет речь о качестве этой политики).⁶⁵ При либерализации внешней торговли по правилам ВТО или продвигаемой КНР зоны свободной торговли в рамках Шанхайской организации сотрудничества узбекский внутренний рынок будет мгновенно насыщен конкурентной продукцией китайского производства, что поставит крест на многолетних усилиях правительства и обрушит местную промышленность.

Объяснение же сложившейся ситуации с нерегистрируемым импортом из КНР предельно просто. Из-за относительно легкой проницаемости центральноазиатских государственных и таможенных границ дешевые китайские товары уже давно заняли заметную нишу на узбекском рынке. Вопреки доминирующим представлениям, современный политико-экономический режим в Узбекистане не может быть квалифицирован как авторитарный. Экономические власти этой страны не контролируют в полной мере крупные финансовые и торговые потоки, циркулирующие в национальной экономике. По разным оценкам в узбекской экономике обращается от 1 до 2 млрд. наличных долларов, что на середину 2000-х годов составляло от 20% до 40% официального экспорта и от 25% до 50% официального импорта. В торговлю импортными товарами широкого потребления, преимущественно китайского происхождения, до самого последнего времени были вовлечены десятки, если не сотни тысяч человек.

Китайский ширпотреб входит на узбекский рынок через многочисленные таможенные и пограничные пункты и переходы на узбекско-кыргызской границе. О том, что масштабы этих нерегистрируемых официально торговых потоков достигают сотен миллионов долларов, неумолимо говорит официальная китайская таможенная статистика.

При анализе причин известных андижанских событий 2005 г. в Узбекистане мало внимания обращается на то обстоятельство, что они были напрямую связаны с деятельностью одного из крупнейших открытых рынков в Центральной Азии – базаром Кара-Суу или Корасав, расположенном на стыке кыргызской и узбекской границ.⁶⁶ Оценки нерегистрируемого торгового оборота на этом базаре на тот момент колебались в широких пределах от нескольких десятков до 100 миллионов долларов.

Осознав полную бесперспективность продолжения политики импортозамещения в ситуации бесконтрольного хождения огромных, относительно скромных размеров национальной экономики и особенно промышленных отраслей, производящих потребительские товары, торговых и денежных потоков, узбекские власти все последние годы пытались поставить эти потоки под контроль. Именно этим объясняются последние попытки ужесточения валютного и торгового режима. В июне 2002 г. Узбекистан повысил импортные тарифы для неорганизованной (или «челночной») торговли и обязал мелкооптовых торговцев в обязательном порядке осуществлять таможенное декларирование ввозимых грузов, а также получать на них сертификаты качества. С июля 2003 г. торговля на неорганизованных рынках была ограничена продовольственными товарами, а вся непродовольственная продукция должна была продаваться только в магазинах и специально оборудованных киосках. Оптовая торговля разрешалась фирмам, уставный капитал которых составлял не менее 25 тыс. долл.. С 1 ноября 2004 г. все физические лица, занимающиеся торговыми операциями, должны были вставать на учет в налоговые инспекции, а торговцы, занимающиеся импортными поставками, в обязательном порядке приобретать лицензию, иметь декларацию о таможенной очистке грузов и использовать при расчетах исключительно официальные банковские счета.

В принципе, это стандартные меры экономической политики, которые все транзитные страны начали претворять в жизнь после завершения периода «первоначального

---

⁶⁵ Промышленная политика Узбекистана подробно проанализирована в: Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира, сс.141-154.

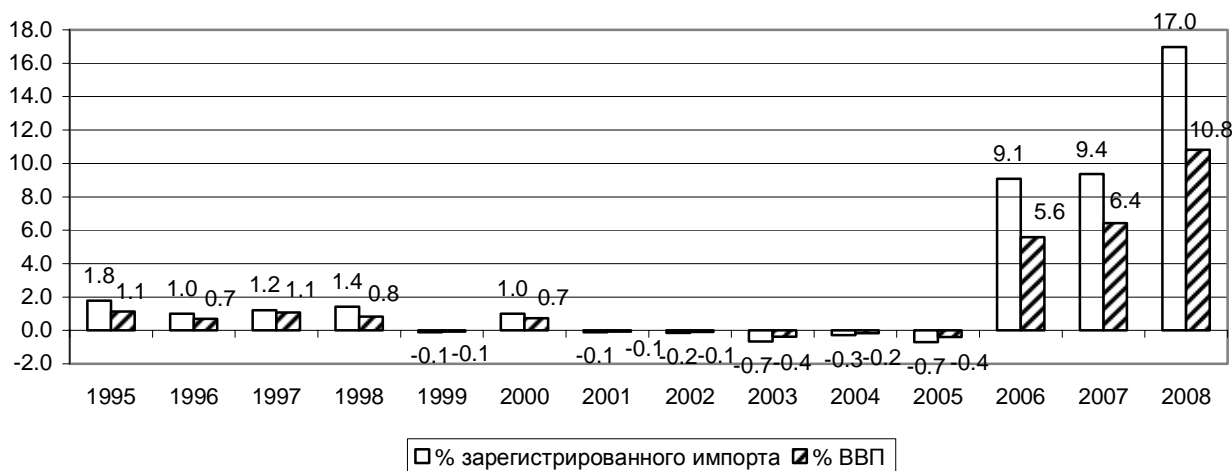
⁶⁶ Здесь и далее мы опираемся на: Резникова О.Б. Китай и Центральная Азия: асимметрии экономического взаимодействия/ Евразия: современные проблемы развития. Отв. ред. А.А.Рогожин. М.: ИМЭМО, 2005.

накопления». Другое дело, что в условиях Узбекистана такие меры заметно ухудшают материальное положение значительной части бедного и беднейшего населения, а также лишают работы десятки, если не сотни, тысяч человек. Не исключено, что попытки узбекских властей поставить под контроль масштабные потоки неорганизованной торговли стали одной из причин Андижанских событий.

Следует иметь в виду, что эти волнения в Андижане были не изолированным событием, а представляли собой только звено в цепи массовых волнений в крупнейших городах Ферганской и Кашкадарьинской областей Узбекистана – Коканде, Маргилане и Фергане. Как отмечали некоторые информационные источники: «Волнения были вызваны попыткой властей применить суровые меры к мелким предпринимателям, главным образом торговцам на базарах. По новому закону, торговцы должны иметь государственную лицензию, и им запрещено торговать товарами, которые были получены у посредников-оптовиков. Введение новых правил в дополнение к и так обременительной тарифной политике многие торговцы считают угрозой для своей деятельности. Возмущение торговцев было подогрето действиями налоговых инспекторов, которые попытались ввести новые правила в действие и, как сообщается, начали широкую и произвольную конфискацию товаров».⁶⁷

В 2006–2008 гг. после открытия прямого транспортного сообщения между Таджикистаном и Китаем, таджикский рынок переживает наплыв нерегистрируемого китайского импорта (см. диаграмму 3.25). В 2008 г. нерегистрируемый таджикской таможенной статистикой импорт из КНР достиг 17% от официального импорта из этой страны и составил 10.8% валового внутреннего продукта Таджикистана.

Диаграмма 3.25
Таджикистан: статистически неучтенный импорт из КНР
в % от всего официального импорта и ВВП

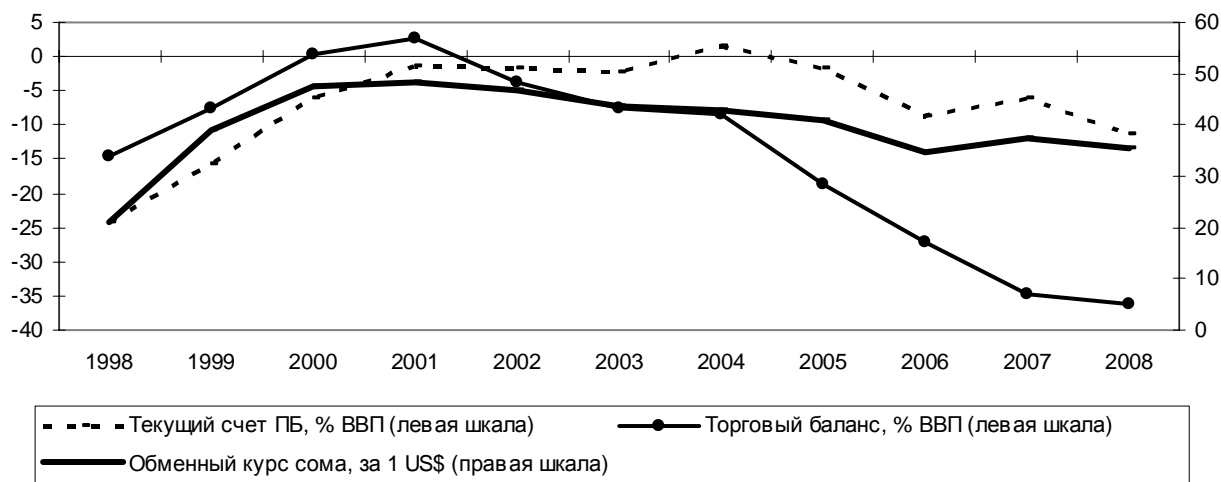
Рассчитано и составлено по: данные внешнеторговой статистики Таджикистана и КНР. Данные за 2008 г. являются авторскими оценками.

Важно подчеркнуть, что неконтролируемые потоки дешевой китайской промышленной продукции являются самым эффективным барьером на пути налаживания в центральноазиатском регионе собственной обрабатывающей промышленности. Ярким подтверждением этого тезиса является беспрецедентный опыт Кыргызстана.

⁶⁷ Исламов Э., Шарипов С. В условиях экономического гнета в Узбекистане появляются признаки нестабильности//<http://www.eurasia.net>

Начиная с 2002 г., то есть именно после того как внешняя торговля Кыргызстана и КНР стала регулироваться нормами ВТО, мы являемся свидетелями взрывного импорта товаров из Китая, который не находит отражения в кыргызской официальной статистике. Официальный торговый, а вслед за ним и текущий счет платежного баланса, перешли в область резко отрицательных значений (см. диаграмму 3.26). В действительности же, как показывает анализ, проведенный выше, фактическое отрицательное торговое сальдо Кыргызстана с КНР превышает валовой внутренний продукт страны.

Диаграмма 3.26
Кыргызстан: загадка укрепления номинального обменного курса
национальной валюты

Рассчитано по: официальная статистика Кыргызстана

Кыргызстан и ранее отличался резко несбалансированными операциями с внешним миром, но если до 1999 г. в полном соответствии с экономической логикой и законами экономики отрицательное сальдо текущего и торгового счета платежного баланса корректировалось через периодические и достаточно глубокие девальвации национальной валюты, то в последние годы номинальный обменный курс сома оставался стабильным и даже несколько подрос относительно доллара.

Каким образом при удручающем состоянии торгового и платежного баланса Кыргызстану удавалось до самого последнего времени избегать девальвации сома, кажется загадкой. Разгадка, тем не менее, очевидна. Статистически нерегистрируемая товарная масса из Китая проходит через Кыргызстан транзитом, следуя на платежеспособные рынки Казахстана и главным образом России. Обслуживаются эти контрабандные потоки не официальной финансовой системой страны, а наличными долларами и непрозрачными банковскими проводками в глобальной оффшорной системе.

С позиций Кыргызстана занятие в постсоветском разделении труда ниши «таможенной дыры» для входа китайских товаров, возможно, является удачной экономической моделью. Во всяком случае, едва ли не единственным способом хоть как-то поддержать на плаву нищающее население. Базовые экономические характеристики страны вкупе с бездарными либерализационными экспериментами 1990-х годов перемололи унаследованную экономическую структуру и не оставили стране шансов на нормальное развитие.

Однако модель экономического развития современного Кыргызстана оборачивается существенными минусами для Казахстана и особенно России. Цинично говоря, России было бы существенно выгоднее экономически и политически поддерживать «таможенную дыру»

на собственной границе с Китаем, скажем, в Читинской или Амурской области. Обслуживание контрабанды из Китая создавало бы в этих депрессивных российских регионах дополнительные рабочие места, повышало бы уровень благосостояния местного населения и даже бы увеличило налоговые возможности местных органов власти.

Серьезно же говоря, и Россия, и Казахстан должны императивно стремиться к поддержанию макроэкономической сбалансированности своих экономик, в том числе и через контроль за торговым и платежным балансом.

3.3. Прямые инвестиции

Другим направлением экономического взаимодействия стран Центральной Азии и Китая являются прямые инвестиции. Статистика о притоке прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в центральноазиатские экономики, как и о прямых капиталовложениях самих центральноазиатских стран за рубеж, скудна и противоречива. Фактически только Казахстан ведет более или менее полный мониторинг притока и оттока иностранных инвестиций. Кыргызстан вплоть до 2005 г. включительно публиковал статистику по валовому притоку иностранных ПИИ в страновом разрезе. За период 2006–2008 гг. по этой стране доступна лишь статистика чистых иностранных инвестиций (т.е. приток минус отток). Статистика иностранных инвестиций в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане, если и существует в систематическом виде, недоступна для анализа. По этим трем странам приходится опираться на спорадические оценки, время от времени появляющиеся в деловой прессе и официальных статистических публикациях.

Сразу же необходимо обозначить два важных момента. Во-первых, для Центральной Азии речь идет практически исключительно о китайских прямых инвестициях в центральноазиатские экономики. Инвестиции в обратном направлении близки к нулевой отметке. Во-вторых, 97% всех прямых инвестиций КНР в регионе (в абсолютном выражении 3.9 млрд. долл.) сосредоточены в Казахстане (см. диаграмму 3.27).

Рассчитано и составлено по: национальная статистика и оценки авторов.

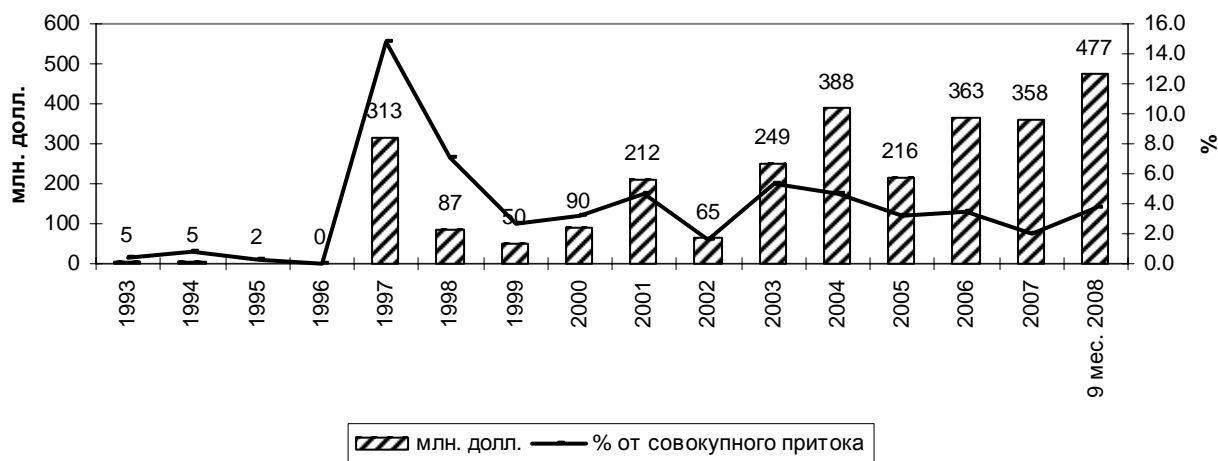
Чуть более 1% китайских прямых инвестиций (примерно 50 млн. долл.) оттягивает на себя соседний Кыргызстан. Совокупные прямые инвестиции КНР в Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан вряд ли превышают 70 млн. долл. Телекоммуникационные, инфраструктурные и энергетические проекты, которые китайские компании реализуют в

менее развитых центральноазиатских странах, не являются прямыми инвестициями. Данные проекты реализуются в счет льготных государственных кредитов КНР этим странам.

Относительно крупные прямые инвестиции КНР в Казахстан начали поступать в 1997 г., то есть с того момента, когда эта центральноазиатская страна начала приватизацию нефтегазовых и металлургических предприятий с участием иностранных инвесторов (см. диаграмму 3.28). В среднем в 1997-2008 гг. валовой приток прямых инвестиций из КНР в казахскую экономику составлял ежегодно около 250 млн. долл. В последние три года этот поток несколько возрос и достиг 400 млн. долл. в год.

На фоне других стран-инвесторов инвестиционные позиции Китая в Казахстане смотрятся достаточно скромно. Только в 1997 г. на КНР пришлось 15% совокупного притока прямых иностранных инвестиций в казахскую экономику. За последние пять лет доля Китая в общем притоке прямых инвестиций из-за рубежа находилась в районе 4–5% .

Диаграмма 3.28
Валовой приток прямых инвестиций из КНР в экономику Казахстана,
млн. долл. и %

Рассчитано и составлено по: данные национального (центрального) банка Казахстана

На 30 сентября 2008 г. (последняя дата, на которую на момент завершения настоящей работы имеется официальная статистика) Китай был только седьмым крупнейшим инвестором в Казахстан вслед за Нидерландами, США, Виргинскими островами (Великобритания), Францией, Австрией и Японией (см. диаграмму 3.29). Причем на долю китайских компаний приходится всего 3% совокупного притока прямых инвестиций в Казахстан за период 1993 – сентябрь 2008 гг. По этому показателю КНР уступает Нидерландам более чем в девять раз, США – в семь раз, Виргинским островам и Франции – два с половиной раза.

Примечательно, что по масштабам накопленных ПИИ в Казахстане Китай обходил Россию, которая лишь замыкала десятку крупнейших инвесторов в казахскую экономику. Очевидно, что в реальной действительности инвестиции российских компаний в эту центральноазиатскую страну несколько больше, чем это следует из статистики национального банка Казахстана. Не секрет, что российские инвестиции «заходят» в постсоветское экономическое пространство, включая саму российскую экономику,

опосредованно через оффшорные зоны и некоторые европейские экономики.⁶⁸ Мы, однако, не считаем, что такого рода инвестиции можно в принципе квалифицировать как российский капитал. Правильнее в этом случае говорить не о российском национальном капитале, а о глобальном оффшорном капитале, который не работает на экономику страны своего происхождения, а скорее использует последнюю в собственных бизнес-стратегиях.⁶⁹

Диаграмма 3
Прямые иностранные инвестиции в экономику Казахстана
в разрезе стран-инвесторов, % (по состоянию на 30 сентября 2008 г.)

Рассчитано и составлено по: данные национального (центрального) банка Казахстана

Диаграмма 3.30 дает представление об отраслевой структуре накопленных прямых инвестиций из КНР в казахскую экономику. 57% совокупного их объема концентрируется в добывающей промышленности, прежде всего нефтяном секторе. Вторым крупнейшим реципиентом китайских ПИИ является торговля – 10% совокупных инвестиций, третьим – транспорт (9%). ПИИ КНР в отрасли обрабатывающей промышленности составляли всего 13 млн. долл. Это меньше, чем инвестиции в один крайне скромный современный завод. В целом структура китайских инвестиций в Казахстан не отличается от структуры инвестиций всех других стран. Львиная доля инвестиций нацелена на нефтяной сектор.

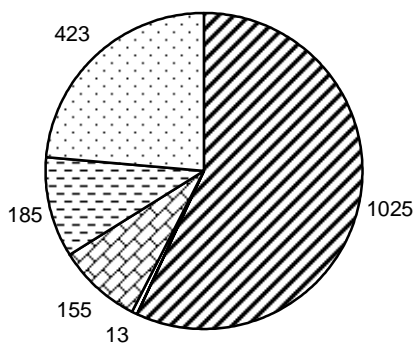
Практически во всех случаях речь идет об инвестициях общенациональных китайских компаний. Инвестиции компаний Синьцзяна в экономику всех центральноазиатских стран, в том числе Казахстана, незначительны. В 2001 г. они составляли всего 16 млн. долл., а впоследствии из-за неудовлетворительных результатов деятельности начали сокращаться.⁷⁰

⁶⁸ Фундаментальные причины такого положения рассмотрены в: Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М.: Московский общественный научный фонд, 2001.

⁶⁹ См.: Жуков С.В., Резникова О.Б. Экономические взаимосвязи на постсоветском пространстве// Вопросы экономики, №8, 2007.

⁷⁰ Фанлин Ц. Проблемы торгово-экономического сотрудничества между Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая (СУАР) и новыми независимыми государствами Центральной Азии// Вестник Московского Университета, Серия 13, Востоковедение, №3, 2003, с.44.

Диаграмма 3.30
Распределение прямых инвестиций из КНР в экономику Казахстана
по отраслям экономики, млн.долл.
(по состоянию на 30 сентября 2009г.)

Добывающая промышленность
  Обрабатывающая промышленность
  Строительство
  Торговля
  Прочее

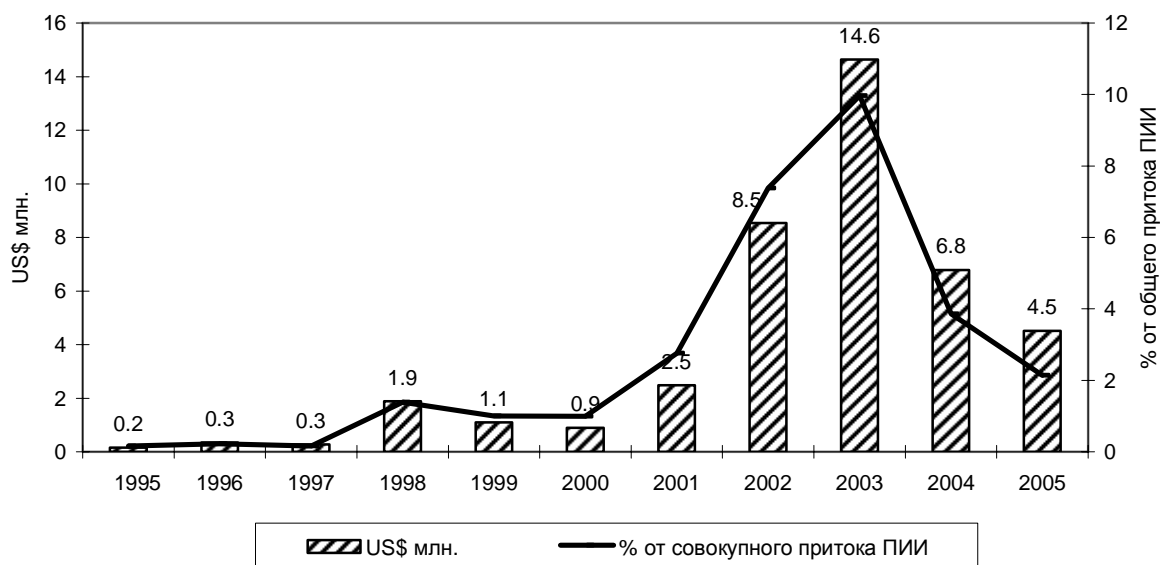
Рассчитано и составлено по: данные национального (центрального) банка Казахстана

В 2005–2008 гг. Китайская национальная нефтяная компания и инвестиционный фонд СІТІС осуществили многомиллиардные сделки по покупке нефтяных активов в Казахстане (подробнее см. **Глава 5. Центральная Азия – энергетический донор китайской экономики?**). Однако эти сделки не нашли отражения в официальной статистике как приток прямых инвестиций. Следует иметь в виду, что нефтяные активы китайская компания выкупила не у казахских, а у канадских и прочих иностранных корпораций. Данные сделки не имеют никакого отношения к финансово–экономической системе самого Казахстана, а отражают активность глобализированных оффшорных структур, использующих казахскую экономику в своих корпоративных стратегиях.

Теоретически в Центральной Азии только Казахстан располагает возможностями для осуществления инвестиций в китайскую экономику. Однако, на фоне сравнительно высоких инвестиций КНР в экономику Казахстана, обратный инвестиционный поток практически равен нулю. На начало 2009 г. в КНР действовало всего одно производство – в мае 2004 г. в специальной экономической зоне СУАР казахские бизнесмены открыли завод по производству соков из концентратов «Раимбек Фуд Синьцзян». 100% капитала этого предприятия принадлежит частным лицам.

Незначительные прямые инвестиции поступили за последние десять-пятнадцать лет из КНР в экономику Кыргызстана. Кумулятивный валовой приток китайских прямых инвестиций в кыргызскую экономику можно грубо оценить в 50 млн. долл. Локальный максимум приходится на 2003 г., когда Кыргызстан абсорбировал почти 15 млн. долл. китайских прямых инвестиций (см. диаграмму 3.31).

Диаграмма 3.31
Валовый приток ПИИ из Китая в Кыргызстан, US\$ млн. и %

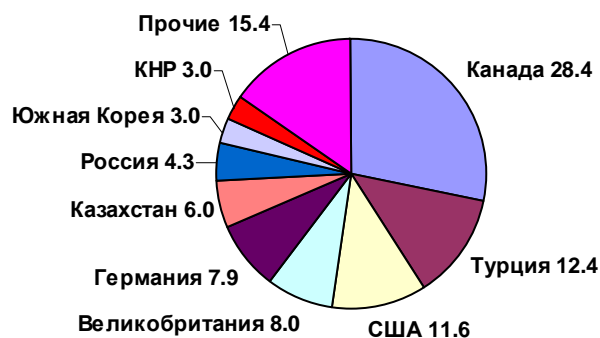

Рассчитано и составлено по: данные центрального банка Кыргызстана.

В Кыргызстан более чем скромные китайские инвестиции поступили преимущественно в сферу розничной торговли, предприятия по пошиву одежды, компании по выпуску строительных материалов (цемент, кирпич).

Китай является девятым крупнейшим инвестором в кыргызскую экономику после Канады, Турции, США, Великобритании, Германии, Казахстана, России и Южной Кореи (см. диаграмму 3.32). Доля Китая в совокупных накопленных прямых инвестициях в Кыргызстан из-за рубежа составляет 3%. В 2005–2008 гг., как это следует из статистики чистого притока прямых иностранных инвестиций, китайские компании преимущественно выводили капитал из кыргызской экономики.

Диаграмма 3.32
Доли стран-инвесторов в валовом притоке ПИИ в экономику Кыргызстана в 1995-2005гг., %

Рассчитано и составлено по: данные центрального банка Кыргызстана.

Таким образом, по абсолютным объемам китайские прямые инвестиции в Центральную Азию заметно уступают масштабам торговли КНР со странами этого региона. Это обусловлено низкой инвестиционной емкостью центральноазиатских экономик. Масштабы внутреннего эффективного спроса здесь невелики и могут быть легко покрыты за счет импорта. Невыгодное же географическое положение региона и сравнительно дорогая рабочая сила исключают его интеграцию в международное разделение труда в качестве промышленной платформы.

При этом львиная доля прямых китайских инвестиций в центральноазиатский регион направляется в нефтяной сектор Казахстана. В 2008 – 2009 гг. произошла резкая активизация сотрудничества КНР с Туркменистаном в газовом секторе, что, по-видимому, должно найти отражение в структуре будущих инвестиционных потоков.

Глава 4. Транспортные коридоры

Нарастающее торгово–экономическое взаимодействие Китая и Центральной Азии в принципе не могло бы состояться без опережающего развития трансграничной транспортной инфраструктуры. Масштабное строительство автомобильных и железных дорог, связывающих КНР с сопредельными центральноазиатскими республиками, преимущественно с Казахстаном, особенно активизировалось в середине текущего десятилетия, когда Китай в целом решил проблему интеграции Синьцзяна в единый общенациональный транспортный комплекс. Акцент в транспортной стратегии Китая сместился на интенсивное развитие инфраструктуры самого СУАР, что должно поддерживать ускоренное развитие западных провинций и обеспечить их более плотное экономическое взаимодействие между собой. Помимо всего прочего это предполагает строительство транспортных коммуникаций из автономного района вглубь центральноазиатского региона.

В самой Центральной Азии оживление взаимодействия с КНР в области транспорта рассматривается обычно в контексте создания глобального трансконтинентального коридора «Китай – Западная Европа» протяженностью 8500 км и предполагающего строительство густой сети взаимодополняемых трансконтинентальных, региональных и локальных железных и автомобильных дорог.

Китай выступает основным инвестором в совместные с центральноазиатскими странами инфраструктурные проекты. Государства региона выступают скорее пассивными получателями кредитных ресурсов и скромных прямых инвестиций из КНР. Исключением до некоторой степени является Казахстан, который в 2006 г. принял комплексную стратегию транспортного развития до 2015 г.⁷¹ При реализации данной стратегии Казахстан рассчитывает максимизировать собственные выгоды от экономического возвышения КНР и растущего товарооборота между Азией и Европой. Приток нефтедолларов в 2002–2008 гг. позволил этой ведущей центральноазиатской экономике несколько увеличить, хотя и не очень существенно, инвестиции в транспортное строительство.

4.1. Ускоренное инфраструктурное строительство на Западе Китая и транспортный выход Китая в Центральную Азию

Позиция Китая как всегда прагматична. Для него трансграничные транспортные проекты являются естественным продолжением опережающего развития западных провинций. При этом во внутрикитайском раскладе Синьцзян-Уйгурскому автономному району отводится роль регионального инфраструктурного хаба.

До середины прошлого века транспортная инфраструктура в СУАР находилась в зачаточном состоянии. В районе имелось лишь небольшое число грунтовых дорог местного значения общей протяженностью всего 3361 км. Первая относительно современная автомобильная трасса была построена только в 1928 г., причем радиус ее действия охватывал практически исключительно столицу района Урумчи. На большей части территории северного и всего южного Синьцзяна современные дорожные трассы отсутствовали.⁷²

Первая железная дорога в Синьцзяне, связавшая Урумчи с Ланьчжоу, столицей соседней провинции, была построена только в 1962 г. Города Турпан и Корла были связаны железнодорожной магистралью в 1984 г. В 1994 г. однокорейку Урумчи – Ланьчжоу сменила двухкорейка.⁷³ В 1990–2004 гг. КНР поэтапно построила транскитайскую автомобильную магистраль от порта Ляньюнган до Хоргоса. На середину текущего десятилетия протяженность железных дорог в СУАР составляла около 3 тыс. км. В 2001–2005 гг. инвестиции в строительство автомобильных дорог в автономном районе составили 4.1 млрд.

⁷¹ О Транспортной стратегии Республики Казахстан до 2015 года. Указ Президента Республики Казахстан от 11 апреля 2006 года №86 // Казахстанская правда (Алматы), 13 апреля 2006.

⁷² Road Traffic History of Xinjiang// <http://www.xinjiang.gov.cn/10050/10051/10002/10002/index.htm>.

⁷³ The Economic Development of Xinjiang after the Founding of New China// <http://www.xinjiang.gov.cn>

долл. Протяженность автомобильных дорог всех категорий достигла 90 тыс. км., из которых две трети относятся к категории современных. В 2006-2011 гг. в строительство дорог в Синьцзяне планируется инвестировать 6.88 млрд. долл.⁷⁴ Согласно же программе инфраструктурного развития Синьцзяна до 2020 г. протяженность дорог к концу второго десятилетия нынешнего века должна достигнуть 150 тыс.км.⁷⁵

Параллельно масштабные инвестиции будут вложены в строительство железных дорог. В 2006-2010 гг. СУАР планирует ввести в строй три ветки по маршрутам Урумчи – Цзиньхэ, Турфан – Корла и Куйтун – Карамай, что даст толчок ускоренному освоению месторождений полезных ископаемых.⁷⁶ Притом, что основные центры производства и потребления минерального сырья разделены друг с другом большими расстояниями, особое внимание будет уделено наращиванию общенациональных железнодорожных магистралей. В настоящее время восток и запад КНР соединены всего одной магистральной железной дорогой, которая проложена между портовым городом Ляньюнганем в провинции Цзянсу и столицей провинции Ганьсу городом Ланьчжоу через Урумчи в СУАР. Среди намеченных проектов – строительство дороги, соединяющей Урумчи с прибрежным городом Циндао в провинции Шаньдунь.⁷⁷ Строительство новых железных дорог позволит существенно увеличить транспортировку нефти, угля, руд и стали из западных провинций Китая в центральные и восточные регионы страны.

СУАР целенаправленно формируется как транспортный хаб запада Китая. Помимо железнодорожных и автомобильных трасс в Синьцзяне действует более десятка аэропортов, которые осуществляют перевозки в 64 города страны, включая Пекин и Шанхай, а также Алматы, Бишкек, Ташкент, Москву, Исламабад.⁷⁸

Масштабное инфраструктурное строительство в СУАР и в целом в западных регионах КНР объективно ведет к большому вовлечению стран Центральной Азии в совместную с Китаем инфраструктурную сеть. Создание трансграничной транспортной инфраструктуры не является для КНР самоцелью, но подчинено задаче продвижения экспорта на внешние рынки. Задача эта решается последовательно, по мере расширения присутствия китайских товаров на рынках сопредельных стран. Только после того, как объем китайского экспорта на центральноазиатские рынки достиг некоей критической массы, Китай счел целесообразным ускорить транспортное продвижение в Центральную Азию. Важно отметить, что без этого невозможно продолжение опережающего развития Синьцзяна, высокие темпы роста которого во многом опираются на торговую экспансию на центральноазиатские и евразийские рынки.

В первую очередь это касается Казахстана, сотрудничество с которым Китая в последние два десятилетия идет по нарастающей. Вплоть до начала 1990-х годов железнодорожные перевозки между востоком и западом Евразийского континента осуществлялись по транссибирскому маршруту. Однако в первой половине 1990-х годов у транссибирской магистрали появился конкурент в лице трансазиатской железной дороги. В сентябре 1990 г. в районе станций Дружба – Алашанькоу были состыкованы железные дороги Казахстана и Китая.⁷⁹ Вдобавок КНР существенно модернизировал свою железнодорожную систему, примыкающую к Центральной Азии. В мае 1996 г. завершилось

---

⁷⁴ NW China region to invest heavily in highway construction// http://www.english.people.com.cn/200603/05/eng20060305_247932.html.

⁷⁵ Xinjiang to spend 200 billion yuan on building “New Silk road”// http://www.english.people.com.cn/200512/27/eng_20051227_231048.html.

⁷⁶ Xinjiang to build three new railroads// http://www.english.people.com.cn/200512/30/eng20051230_231921.html.

⁷⁷ China builds new railway linking east and west// http://www.english.people.com.cn/200602/25/eng/20060225_245808.html.

⁷⁸ Regional Cooperation Strategy and Program for Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) member Countries (Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyz Republic Mongolia, People’s Republic of China, Tajikistan, Uzbekistan) 2005 - 2007. Asian Development Bank, July 2004, PP.49-50.

⁷⁹ Азия. Экономика и жизнь (Москва), №41, октябрь 1996.

строительство на участке Мешхед – Теджен, что связало туркменские и иранские железнодорожные пути. Параллельно Казахстан ускоренно развивал мощности морского порта Актау на Каспии, а Иран обеспечил соединение своих железных дорог с морскими портами в Персидском Заливе.⁸⁰ Таким образом, азиатские страны замкнули железные дороги в единую сеть через Центральную Азию.

Участок казахско – китайской границы в районе Дружба – Алашанькоу в начале XXI века превратился во второй по интенсивности перемещения грузов и людей контрольно-пропускной пункт КНР. В настоящее время реальный объем грузов, проходящих по направлению КНР – Казахстан, достигает 13 млн. тонн (см. таблицу 4.1). Особенно быстро транспортировка грузов по этому маршруту росла до 2006 г., причем главным образом из Казахстана в Китай, что отражало растущие поставки казахской нефти и нефтепродуктов, руд и металлов на китайский рынок.

Таблица 4.1.

Объемы железнодорожных перевозок КНР - Казахстан

	1999	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009*
Грузооборот ж/д пункта Достык – Алашанькоу, млн. тонн									
Всего	3.5	5.8	7.5	9.4	11.1	13.0	12.1	12.6	13.0
Казахстан – КНР	3.2	5.2	6.6	8.0	9.1	10.0	7.0	6.4	7.0
КНР - Казахстан	0.3	0.6	0.9	1.3	2.0	3.0	5.1	6.2	6.0
<i>в том числе</i> контейнерные перевозки, тыс. (20 футовые контейнеры)			20	40	90			134	

* - ожидаемые объемы.

Источники: В Алашанькоу состоялось совещание делегации Урумчуйской железной дороги и НК "Казахстан темір жолы"// <http://www.inform.kz/showarticle3.php?lang=rus&id=224641>; Исингарин Н. Инвестициям нужна ясность// Эксперт Казахстана (Алматы), №47, 3 декабря 2007.

С 2006 г. совокупный объем грузов, перевозимых через Дружба – Алашанькоу, стагнирует на уровне 12–13 млн. тонн в год. При этом, однако, КНР продолжала наращивать объем грузопотока в сторону Казахстана, компенсируя сокращение тоннажа встречных грузов. Дело в том, что после завершения строительства прямого нефтепровода в КНР по маршруту Атасу – Алашанькоу, нефть, прежде экспортируемая в Китай по железной дороге, переориентировалась на этот трубопровод (см. подробнее **Главу 5. Центральная Азия – энергетический донор китайской экономики?**).

Объем контейнерных перевозок, несмотря на более, чем шестикратный рост в 2003 – 2008 гг., остается достаточно скромным.

Одной из проблем является разная ширина железнодорожной колеи в двух странах. Китай имеет стандартную европейскую ширину колеи в 1435 мм в то время как Казахстан унаследовал от Российской империи и СССР железнодорожную сеть с шириной колеи 1520 мм. В настоящее время Казахстан ищет паллиативные решения через приобретение вагонов с тележками со сменяемыми ширинами колеи, а также возможное строительство специального

⁸⁰ Казахстанская правда (Алматы), 15 мая 1996; Казахстанская правда (Алматы), 27 мая 1997.

стенда на стыке дорог, который позволял бы переходить с одной колеи на другую на скорости от 12 до 40 км в час.⁸¹

В 2004 г. КНР начала строить железную дорогу по маршруту Цзиньхэ – Инин (Кульджа) – Хоргос протяженностью 286 км.⁸² Проект стоимостью 861 млн.долл. предполагает ежегодные перевозки в объеме 10 млн. тонн.⁸³ В декабре 2006 г. Казахстан и КНР достигли принципиальной договоренности о соединении железных дорог двух стран по линии Коргас (Казахстан) – Хоргос (Китай). Эта дорога будет второй после стыка Достык–Алашанькоу веткой, соединяющей Казахстан и Китай. Казахстан на своей территории разрабатывает три маршрута ответвлений от трансграничной дороги: Коргас–Сарыозек (235 км), Коргас–Кулантобе (287 км) и Коргас–Жетиген (290 км). В первую очередь запланировано построить участок Коргас–Сарыозек, что позволит оптимизировать экспортно–импортную логистику и несколько разгрузить маршрут Достык–Алашанькоу.⁸⁴ Уже в первый год эксплуатации объем перевозок по новому маршруту может достичь 5.6 млн. тонн.⁸⁵

Как отмечает казахская консалтинговая компания «Investment Group АСМЕ», после завершения строительства второй железной дороги, связывающей КНР и Казахстан, Алматы превратится в главный сухопутный порт центральноазиатского региона. Опорными пунктами транспортных коридоров станут Достык, Хоргос, Алматы и Талдыкорган (см. схему 4.1).⁸⁶ В районы Достыка и Хоргоса Китай уже выдвигает сборочные предприятия, для чего здесь созданы трансграничные особые экономические зоны с особо благоприятными условиями деятельности для промышленных и сервисных предприятий.

Параллельно железнодорожным магистралям Китай активно строит и/или финансирует строительство трансграничных автомобильных дорог, позволяющих оптимизировать транспортную логистику. В 2006 г. закончено строительство скоростной автомагистрали, соединившей Урумчи с приграничным Хоргосом, что позволило в сравнении с железной дорогой вдвое сократить время в пути между Алматы и Урумчи. С осени 2005 г. между городами Урумчи, Кульджа, Талдыкорган и Алматы организовано регулярное автобусное сообщение.⁸⁷

КНР и Центральная Азия развивают и совместные транспортные системы для перевозки пассажиров. В мае 2008 г. регулярное пассажирское железнодорожное сообщение началось между столицей Казахстана Астаной и столицей СУАР Урумчи.⁸⁸ Прежде пассажирский поезд курсировал только между Урумчи и Алматы. В ноябре 2008 г. китайская авиационная компания Хайнань открыла регулярный прямой рейс между Пекином и Бишкеком. Ранее попасть из столицы КНР в столицу Кыргызстана можно было только транзитом через Стамбул или Урумчи.⁸⁹

---

⁸¹ Тулегенова Е., Косаев К. Казахстан изучает опыт Франции по управлению пассажирскими перевозками// Панорама (Алматы), №49, 28 декабря 2007.

⁸² <http://www.inform.kz/showarticle.php?lang=rus&id=140231> (3 ноября 2005).

⁸³ New railways to link China's Xinjiang with central Asia// <http://english.people.com.cn/90001/90776/90882/6345901.html>.

⁸⁴ New railways to link China's Xinjiang with central Asia// <http://english.people.com.cn/90001/90776/90882/6345901.html>.

⁸⁵ Тулегенова Е. Минтраском подвел итоги года// Панорама (Алматы), №51, 29 декабря 2006.

⁸⁶ Балгин Р. Гроза с Востока или как ее грамотно отвести// Деловая неделя (Алматы), №34, 7 сентября 2007.

⁸⁷ Между Алматы и Урумчи открыто регулярное автобусное сообщения// <http://www.inform.kz/showarticle.php?lang=rus&id=139210> (19 октября 2005).

⁸⁸ China–Kazakhstan passenger train sets out for virgin trip// <http://english.people.com.cn/90001/90776/90883/6419550.html>; Из Астаны в Урумчи начал курсировать первый прямой поезд// Панорама (Алматы), №20, 30 мая 2008.

⁸⁹ Hainan Airlines to open direct air route from Beijing to Bishkek// <http://english.people.com.cn/90001/90776/90884/6517908.html>.

Источник: Балгин Р. Гроза с Востока или как ее грамотно отвести// Деловая неделя (Алматы), №34, 7 сентября 2007.

Планы прямого железнодорожного соединения с Китаем давно вынашивает Кыргызстан. В 1999 г. КНР запустила железную дорогу в Наньцзян на юге СУАР, которая в принципе может быть продлена до Кыргызстана и далее в Узбекистан. Проект строительства железной дороги, связывающей эти три страны был предложен еще в середине 1990-х годов. Кыргызстан рассчитывает усилить свое значение в качестве транзитной страны между КНР и Узбекистаном. В октябре 2006 г. Кыргызстан и Узбекистан в очередной раз продекларировали свою готовность реализовать данный проект, финансировать который должен, конечно, Китай.

До самого последнего времени КНР демонстрировала лишь формальную заинтересованность в данном железнодорожном маршруте, так как за ним не стоят сколько-нибудь значимые товарные потоки. В 2006 г. Китай принял специальную государственную программу «Природные ресурсы в обмен на инвестиции». Кыргызстан рассчитывает, что для строительства железнодорожного соединения с КНР могут быть использованы механизмы

этой программы. Кыргызское правительство рассматривает возможность предоставления Китаю в обмен на кредит для железной дороги участие в проектах по разработке Терексайского олововольфрамового узла и золоторудного месторождения Галды-Булак Левобережный.⁹⁰

Еще в середине 1997 г. правительства Узбекистана, Кыргызстана и Китая договорились о строительстве скоростного автомобильного шоссе по маршруту Кунград – Нукус – Ташкент – Андижан и далее через Кыргызстан на Шанхай. Данный проект может быть реализован по частям. В январе 2008 г. Азиатский банк развития (АБР) предоставил Кыргызстану кредит в 25.6 млн. долл. для реабилитации автомобильной трассы Сары-Таш – Карамкуль, которая позволит активизировать торговлю между Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном.⁹¹

Продвижение китайского экспорта в Центральную Азию способствовало расширению транспортных возможностей Таджикистана. Ранее эта республика была соединена с внешним миром единственной трассой через Узбекистан. Пограничные таджикско-китайские районы расположены в высокогорье и отличаются сложным рельефом. Для установления регулярного транспортного сообщения с Таджикистаном Китай профинансировал строительство шоссе через горные перевалы.

В 1999 г. КНР и Республика Таджикистан начали строительство автодороги Мургаб – Кульма протяженностью 32 км. Со стороны Китая было достроено Каракорумское шоссе до пограничного перехода Карасу. Дорога была введена в эксплуатацию в 2005 г. В соответствии с подписанным соглашением, автотрасса работает в летний период - таможенный пост Кульма функционирует только по 15 дней в месяц с мая по ноябрь. В настоящее время стороны решают вопрос о переходе работы транспортного перехода на круглогодичный режим работы, что позволит увеличить объем товарооборота, а точнее – китайского экспорта в Таджикистан.

В 2004 г. Таджикистан и Китай подписали Меморандум о реабилитации и строительстве автодороги Карасу – Кульма – Душанбе – Ходжент – Чанак (на границе с Узбекистаном). В 2004 – 2005 гг. была реализована первая фаза проекта по реабилитации автодороги Вахдат – Джогитал, работы по которому осуществила китайская компания SinoHydro. В июне 2006 г. начата реализация второй фазы по строительству и реабилитации автодороги.⁹² На эти цели Эксимбанк КНР предоставил кредит в размере 282 млн. долл. Эта дорога связывает Горно-Бадахшанскую область Таджикистана с Душанбе, что существенно облегчает торговлю и экономические обмены между прежде фактически изолированными друг от друга районами Таджикистана, а также открывает китайским товарам прямой выход на самый привлекательный столичный рынок. В 2006 г. товарооборот между Таджикистаном и Китаем через таможенный пост Кульма достиг 4.25 млн. долл.⁹³

В 2006 г. АБР предоставил Таджикистану кредит в 29.5 млн. долл. на реализацию проекта по реабилитации автомобильной дороги Душанбе – Вахдат – Нуробод - Саритош (на границе Таджикистана и Кыргызстана).⁹⁴ Реализация этого проекта, финансируемого Азиатским банком развития в рамках программы центральноазиатского регионального сотрудничества, разбита на три фазы. В настоящее время ведется реализация первой и второй фаз. Подрядчиком реализации двух фаз является китайская компания SinoHydro. Данный проект позволит создать надежный транспортный коридор, соединяющий Таджикистан с Кыргызстаном и дальнейшим транспортным выходом на Китай.

⁹⁰ Правительство Кыргызстана обсудило строительство железной дороги, которая свяжет КР с Китаем и Узбекистаном// http://www.cps.uz/rus/news/pravitelstvo_kirgizstana_obsudilo_stroitelstvo_jeleznoy... (9 февраля 2007).

⁹¹ <http://www.traceca-org.org/default.php?I=en>.

⁹² Китай помог Таджикистану выйти из транспортного тупика// <http://www.inform.kz/showarticle.php?id=149453> (30 марта 2006).

⁹³ Открылась автотрасса Мургаб – Кульма – Каракорум// <http://www.tribun.tj/newsphp?n=1940&=1>

⁹⁴ В Таджикистане планируется построить шесть малых ГЭС// <http://www.gazeta.kz/asp?aid=75843> (25 мая 2006).

4.2. «Шелковый путь» XXI века

География отвела Центральной Азии роль транзитного моста между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Во времена Римской империи по территории региона проходили торговые пути, соединявшие Рим с Шанхаем. Впоследствии в результате открытия морского пути из Европы в Азию португальцами Шелковый путь пришел в упадок. Со времени включения Казахстана и Средней Азии в состав Российской империи наземные коммуникации между Европой и Азией осуществлялись через территорию Сибири.

В последнее десятилетие прошлого века произошла реанимация идеи нового «Шелкового пути» через центральноазиатские страны. В современных условиях трансконтинентальные транспортные системы, призваны интенсифицировать вовлеченность Центральной Азии в глобальный товарообмен, а также обеспечить доступ к сырьевым ресурсам региона. Помимо того, некоторые центральноазиатские страны – Казахстан и до некоторой степени Узбекистан и Туркменистан – рассчитывают оттянуть на себя хотя бы малую часть из того огромного товаропотока, который циркулирует между Азией и Европой.

Бокс 4.1.

Протяженность маршрутов от тихоокеанских портов Китая и Японии до Стамбула (км)

По Транссибирской ж/д магистрали

По Трансазиатской ж/д магистрали

Тяньцзинь – Пекин – Новосибирск –
Алматы – Ташкент – Серахс – Стамбул = 12 469

Тяньцзинь – Урумчи – Дружба – Алматы -
Ташкент – Серахс – Стамбул = 11 180

Ляньюньган – Пекин – Наушки –
Новосибирск – Алматы – Ташкент –
Серахс – Стамбул = 13 360

Ляньюньган – Ланьчжоу – Урумчи – Дружба -
Алматы – Ташкент – Серахс – Стамбул = 11 010

Шанхай – Пекин – Наушки –
Новосибирск – Алматы – Ташкент –
Серахс – Стамбул = 13 780

Шанхай – Ланьчжоу – Урумчи – Дружба -
Алматы – Ташкент – Серахс – Стамбул = 11 460

Гонконг – Новосибирск – Алматы -
Ташкент – Серахс – Стамбул = 15 615

Гонконг – Ухань – Ланьчжоу – Урумчи -
Дружба - Алматы – Ташкент – Серахс -
Стамбул = 12 070

Иокогама – Ляньюньган – Пекин –
Наушки – Новосибирск – Алматы –
Ташкент – Серахс – Стамбул = 15 460

Иокогама – Ляньюньган – Ланьчжоу -
Урумчи – Дружба – Алматы – Ташкент -
Серахс – Стамбул = 13 110

Источник: Журавлев В. Конкуренты хотят отнять у БАМа звание “магистрали века”// Деловой мир, №28, 25-28 июля 1997.

Правда, в настоящее время до 98% этого грузопотока, идет морем в силу относительной дешевизны морской транспортировки.⁹⁵ Однако в среднем на перевозку

⁹⁵ Журавлев В. Конкуренты хотят отнять у БАМа звание “магистрали века”//Деловой мир (Москва), №28, 25-28 июля 1997.

грузов морем уходит 56 суток, переход же на железнодорожные перевозки позволит сократить время в пути до 11-12 суток.⁹⁶ Протяженность транспортных маршрутов от тихоокеанских портов Китая и Японии сквозь Центральную Азию до Стамбула много короче в сравнение с Транссибирской магистралью. Так, маршрут Тяньцзинь – Стамбул короче пути через Россию на 1286 км., Ляньюньгань – Стамбул – на 2350 км., Шанхай – Стамбул – 2320 км., Гонконг – Стамбул – 3545 км., Йокагама – Стамбул – на 2350 км. (см. бокс 4.1).

Транспортный путь до некоторых морских портов для Центральной Азии и Китая оказывается короче в сравнении с традиционными коммуникациями через российскую территорию. Так, расстояние от Алматы до Шанхая почти на 2.2 тысячи километров короче расстояния между Алматы и Владивостоком. Для Ташкента расстояние до Шанхая почти на 900 километров короче пути до Владивостока.⁹⁷ Принципиально важно и то, что для Алматы транспортное плечо через китайскую территорию до портов Тихого океана практически равно протяженности пути до Балтийского моря (порт Рига) и Средиземного моря (порт Мерсин).⁹⁸

Меньшая длина транспортного плеча в комбинации с конкурентным тарифом на перевозки может, в принципе, способствовать переориентации грузопотока между Азией и Европой с транссибирского маршрута через Россию на трансасиатский маршрут через Казахстан.⁹⁹

Идея создания нового «Шелкового пути», связывающего Азию и Европу через Центральную Азию, поощряется и ведущими международными финансово-экономическими институтами. Азиатский банк развития, Мировой банк, Международный валютный фонд, Исламский банк развития, программа развития ООН и Европейский банк реконструкции и развития активно вовлечены в формирование, главным образом на идеологическом и проектном уровне, идеологии трансасиатского – трансевропейского транспортного коридора. По некоторым оценкам, реализация только главных транспортных проектов, которые с большими или меньшими основаниями входят в орбиту современного «Шелкового пути», потребует инвестиций в объеме 18 млрд. долл.¹⁰⁰

Международные усилия по развитию взаимоувязанных глобальных, региональных и национальных транспортных инфраструктур с целью активизации сотрудничества между Европой и Азией были институционализированы через Организацию Объединенных Наций. Европейская экономическая комиссия ООН и Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого Океана подготовили Специальную Программу ООН для экономик Центральной Азии (СПЕКА). Программа включает в себя более тридцати крупных экономических проектов, нацеленных на стимулирование взаимодействия Центральной Азии, Ирана и Турции с Европой и АТР. В марте 1998 г. одним из приоритетов программы было провозглашено развитие транспортной инфраструктуры и упрощение процедур трансграничного перемещения товаров, услуг и людей.¹⁰¹ В декабре 1998 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла специальную резолюцию по системе транзита в Центральной Азии. Резолюция прямо призывает страны-доноры и международные организации увеличить финансовую и техническую помощь региону по совершенствованию транзита с тем, чтобы преодолеть его изолированность от мировых рынков. Одним из координаторов международных усилий в этой области является ЮНКТАД.¹⁰²

⁹⁶ Ш Шульга И. «Трансиб»: в поисках утраченного времени// Коммерсантъ-Weekly (Москва), №26, 22 июля 1997.

⁹⁷ Transit Transport Issues in Landlocked and Transit Developing Countries. Economic Commission for Asia and the Pacific, United Nations, New York, 2003, P.42

⁹⁸ Ibidem.

⁹⁹ Журавлев В. Конкуренты хотят...; Шульга И. «Трансиб»...

¹⁰⁰ \$18 Billion Plan to Build New «Silk Roads» through Central Asia// <http://www.adb.org/Media/Articles/2007/12241-central-asian-roads-transport/default.asp>.

¹⁰¹ Новые инициативы Нурсултана Назарбаева// Независимая газета (Москва), 28 апреля 1998.

¹⁰² Казахстанская правда (Алматы), 9 декабря 1998.

В 1990–е годы большинство крупных проектов в Центральной Азии по строительству транспортных сетей финансировались Японией, которая в своей официальной помощи развивающимся странам традиционно первоочередное внимание уделяет развитию инфраструктуры. В Центральной Азии основной упор изначально был сделан на железнодорожный транспорт. Во-первых, при перевозках на большие расстояния железнодорожный транспорт более экономичен, в сравнении с автомобильным. Во-вторых, и это – главное, в перспективе только по железной дороге в Центральную Азию может быть завезено многотонное оборудование и трубы, необходимые для запуска нефтегазовых контрактов и строительства нефте- и газопроводов. За счет японских кредитов были построены и реконструированы железнодорожный переход Дружба – Алашанькоу между Казахстаном и Китаем, модернизирована железнодорожная система Туркменистана, а вагонные депо в Алматы (Казахстан), Ташкенте (Узбекистан) и Ашгабате (Туркменистан) перепрофилированы в ремонтные заводы.¹⁰³

Параллельно Япония профинансировала строительство важнейших автомобильных трасс и крупных мостов регионального значения. В 1997 г. японское правительство предоставило Казахстану кредит в размере 260 млн. долл. сроком на 30 лет и под невысокий процент для строительства нового моста через реку Иртыш.¹⁰⁴ Строительные работы и поставки оборудования были выполнены японской фирмой Isikawazimi Harima.¹⁰⁵ Через мост проходит главный транзитный путь, соединяющий Китай, центральноазиатские государства и Россию. Критически важна для внутри и межрегионального сообщения и всепогодная дорожная трасса Бишкек – Ош в Кыргызстане, практически заново построенная за счет кредитов правительственного японского Фонда зарубежного экономического сотрудничества и Азиатского банка развития.¹⁰⁶ Азиатский банк развития профинансировал реконструкцию автомобильной дороги Алматы – Караганда – Астана – Боровое в Казахстане.¹⁰⁷

В 2000–е годы главным источником кредитов для инфраструктурных проектов в Центральной Азии стал Азиатский банк развития и Китай.

В силу географического фактора основные маршруты будущего Шелкового пути пройдут через Казахстан по четырем главным направлениям.

На роль основного направления претендует *Центральный маршрут* через Южный Кавказ и Турцию известный как коридор ТРАСЕКА: в марте 1993 г. Европейский Союз, пять центральноазиатских стран и три государства Южного Кавказа приняли Брюссельскую декларацию о проекте ТРАСЕКА (Transport Corridor Europe – Caucasus – Central Asia).¹⁰⁸ В сентябре 1998 г. 12 стран – Азербайджан, Армения, Болгария, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Румыния, Таджикистан, Турция, Узбекистан и Украина – подписали Основное многостороннее соглашение по развитию транспортного коридора Европа – Кавказ – Азия. Проект ТРАСЕКА включает около двух десятков крупных подпроектов по реконструкции и строительству новых шоссейных и железных дорог, реконструкции морских портов, создание инфраструктуры по обслуживанию транспортных магистралей.¹⁰⁹

Новый Шелковый путь было намечено подключить к европейской транспортной инфраструктуре через коридор Стамбул – Западная Европа. В случае строительства железной дороги с шириной колеи 1435 мм между Баку (Азербайджан) и Поти (Грузия) и налаживания паромного сообщения для вагонов европейской колеи по маршруту Актау

¹⁰³ Котова Е. Япония выбирает Туркменистан в стратегические партнеры.// Деловой мир (Москва), №38, 3-6 октября 1997; Казахстанская правда (Алматы), 1 мая 1997; Центральноазиатские новости (Ташкент), №2, 1999.

¹⁰⁴ Казахстанская правда (Алматы), 5 февраля 1998; Казахстанская правда (Алматы), 28 декабря 1996.

¹⁰⁵ Там же; Панорама, №5, 6 февраля 1998.

¹⁰⁶ Азия. Экономика и жизнь (Москва), №50, декабрь 1997.

¹⁰⁷ Панорама (Алматы), №20, 23 мая 1997.

¹⁰⁸ Артыков Д. ТАСИС – ТРАСЕКА: перспективы развития// Экономика и статистика (Ташкент), №2, 1996, с.47.

¹⁰⁹ Ibid, с.48.

(Казахстан) – Баку (Азербайджан) и Поти (Грузия) – Варна (Болгария), TRACEKA заработает в полную силу.

Дополнительно проект может активизировать экономическое сотрудничество стран Южного Кавказа и Турции, для чего необходимо построить железную дорогу Карс (Турция) – Ахалкалаки (Грузия) – Тбилиси (Грузия) – Баку (Азербайджан).

В рамках проекта TRACEKA Казахстан рассматривает возможность реализовать более 80 проектов на 30 млрд. долл. При этом 70% планируемых капиталовложений должны обеспечить частные и внешние инвесторы.¹¹⁰ Проект TRACEKA выгоден и для других центральноазиатских экономик. Для Узбекистана, например, доставка грузов железнодорожным транспортом на европейские рынки по маршруту Бухара – Фараб – Туркменбаши – Баку – Поти почти на тысячу километров короче в сравнении с традиционными маршрутами через Россию.¹¹¹

В географическом смысле самым коротким путем из Азии в Европу остается, тем не менее, Северный маршрут через Россию по направлению Достык (граница Казахстан-Китай) – Брест (Беларусь). К тому же этот маршрут проходит по равнинной местности, а значит – является сравнительно менее капиталоемким. По территории Казахстана он проходит по маршруту Достык – Актогай – Саяк – Моинты – Астана – Петропавловск (Пресногорьковская). Северный маршрут выходит на густую и разветвленную железнодорожную сеть в западных постсоветских республиках, странах Балтии и Восточной Европы, что дополнительно повышает его экономическую привлекательность. Однако для того чтобы данный маршрут заработал в полную силу, Россия должна принять эпохальное решение – согласиться построить железнодорожную магистраль с европейским стандартом колеи в 1435 мм.

В том случае, если Россия по каким-либо соображениям не пойдет на это, Казахстан рано или поздно отберет грузопотоки между Европой и Азией с действующего маршрута по Транссибу и переключит их на TRACEKA. Транссибирский железнодорожный транзит не является оптимальным по нескольким соображениям. Во-первых, из-за разницы в ширине российской и европейской железнодорожной колеи требуется дополнительная перевалка грузов или смена колесных тележек, что повышает транспортные издержки. Во-вторых, путь через Транссиб протяженнее планируемых маршрутов через Казахстан (см. Бокс 4.1 выше). В-третьих, железная дорога, стыкующаяся с казахским Достыком, проходит по территории КНР, поэтому значительную часть транспортного тарифа за перевозку грузов будут получать китайские железнодорожники. Последним нет смысла делиться доходами от перевозки грузов с российским Транссибом. В-четвертых, главным торговым контрагентом Европы в КНР являются приморские провинции, образующие Шанхайскую экономическую агломерацию. Предприятия и фирмы этой агломерации естественно заинтересованы в собственном пути в Европу, который будет находиться под их непосредственным контролем. Следует учитывать, что действующее законодательство в Казахстане допускает сдачу железных дорог в частную концессию, в том числе иностранному капиталу.

Третий Южный маршрут проходит через Иран и Турцию: 16 ноября 2006 г. Казахстан присоединился к межправительственному соглашению по сети трансасиатских железных дорог. По территории Казахстана трансасиатская сеть замкнута на маршруты Петропавловск – Достык и Семиглавый мар – Актогай, а также Бишкек – Кочкор, которая начинается с казахстанской станции Луговая.

В июле 2005 г. КНР и Казахстан подписали соглашение о строительстве трансказахской железнодорожной магистрали Достык – Актогай – Джезказган – Бейнеу – порт Актау на Каспии с выходом на паромную железнодорожную переправу в Туркменистан и далее через Иран (Горган) и Турцию в Европу. Стоимость строительства магистрали

¹¹⁰ Косаев К. В рамках проекта TRACEKA Казахстан планирует реализовать около 80 проектов на \$30 млрд.// Панорама (Алматы), №48,14 декабря 2007.

¹¹¹ Центральноазиатские новости (Ташкент), №2, 1999.

протяженностью 3083 км была на тот момент оценена в 2.5 млрд. долл. Соглашение не содержит конкретных временных сроков реализации. По оценкам китайской стороны, проект станет рентабельным только в случае достижения товарооборота в 25 млн. тонн. Данный проект поддерживает дирекция Исполкома Международного союза железных дорог. Причем на казахской территории предполагается проложить железнодорожную магистраль с европейской (как и китайской) шириной колеи, что позволит сократить время грузов в пути и снизить издержки по их транспортировке.¹¹² Европейская ширина колеи – важное конкурентное преимущество планируемой магистрали.

В 2005 г. Казахстан и Туркменистан каждый со своей стороны приступили к строительству транснациональной железнодорожной магистрали с выходом на Иран и Турцию.¹¹³ Кроме того, на территории Турции строится новая железнодорожная линия в обход озера Ван, а также намечен запуск в эксплуатацию тоннеля под проливом Босфор, соединяющего азиатскую и европейскую части Стамбула.

Южный маршрут замкнут не только на Европу. Стыковка туркменских и иранских железных дорог выводит Центральную Азию через Бендер-Аббас к рынкам Персидского залива.

При благоприятных условиях к трем главным ответвлениям нового Шелкового пути может добавиться и кажущийся в настоящее время экзотическим маршрут *Центральная Азия – Индийский океан*. После введения в Афганистан международного военного контингента и выдвижения плана строительства «Большой Азии» США предложили центральноазиатским странам, в первую очередь Казахстану, создать транспортный коридор по маршруту Алматы – Бишкек – Душанбе – Кабул – Карачи.

Направление Алматы – Бишкек – Нарын – Кашгар – Каракорумское шоссе – Исламабад – Карачи, задействующее и железнодорожный и автомобильный транспорт, открывает центральноазиатскому региону выход в порты на побережье Индийского океана. С точки зрения географических расстояний для Казахстана это даже более короткий выход к океану в сравнении с маршрутом через иранский порт Бендер-Аббас.¹¹⁴ Параллельно казахско–кыргызскому маршруту к портам Пакистана может пойти и узбекско–кыргызский маршрут вдоль магистрали Андижан – Ош – Кашгар¹¹⁵, а также таджикско–китайский маршрут Душанбе – Горный Памир – Каракорумское шоссе.¹¹⁶ Параллельно железным дорогам Казахстан намерен развернуть строительство современных автомобильных трасс. Несмотря на разворачивающийся кризис, Казахстан не оставляет планов до 2013 г. реализовать транспортные проекты совокупной стоимостью более 7 млрд. долл. При этом участок дороги Хоргос – Алматы будет передан в концессию частным инвесторам.¹¹⁷

Для Казахстана принципиально важно то обстоятельство, что развитие любого из вышеназванных транспортных маршрутов предполагает активно развивать морской порт Актау на Каспии.

Разворачивающийся в режиме реального времени глобальный экономический кризис, по-видимому, несколько замедлит реализацию проектов строительства нового Шелкового пути. В связи с сокращением спроса продвижение китайского экспорта на европейские рынки на некоторое время притормозится, а перевозчики будут стремиться максимально снизить издержки транспортировки грузов. И, хотя доставка грузов из восточных районов

¹¹² Время новостей (Москва), 11 октября 2005.

¹¹³ Лидеры Туркменистана, России и Казахстана провели переговоры по телефону// <http://www.turkmenistan.gov.tm/?idr=1&id=071220b>.

¹¹⁴ Панорама (Алматы), №42, 11 ноября 1996; Панорама (Алматы), №31, август 1996.

¹¹⁵ Правда Востока (Ташкент), 29 апреля 1997; Азия. Экономика и жизнь (Москва), №8, февраль 1997.

¹¹⁶ Aryshev M. Economic Problems at Crucial Moment of History// The Central Asian Post (Bishkek), №5, 8 February 1999.

¹¹⁷ И.С. За два месяца должна быть подготовлена схема финансирования строительства коридора Западная Европа – Западный Китай...// Панорама (Алматы), №7, 29 февраля 2009.

КНР в Европу по железной дороге занимает 11-13 суток по сравнению с 25-30 сутками морским путем, путь морем остается существенно более дешевым.¹¹⁸

Вместе с тем Китай, несомненно, активизирует усилия по укреплению позиций своих экспортеров на евразийских, в том числе центральноазиатских, рынках. Эти рынки в 2008 г. поглотили примерно 5% совокупного экспорта КНР и играют важную роль в обеспечении бесперебойной работы китайской экспортной машины. К тому же в ситуации сокращения экспортного спроса одним из способов поддержать высокую динамику в китайской экономике является наращивание спроса инвестиционного. Дорожно-транспортное строительство за счет государственных инвестиций и кредитов должно помочь китайской экономике сохранить сравнительно высокие темпы роста. Это значит, что в обозримой перспективе транспортное продвижение в сопредельные центральноазиатские страны остается для Китая приоритетной задачей.

---

¹¹⁸ Chevalier B. Euro-Asian Transport Development: An European View/ Перспективы Центральной Азии как транзитного моста между Европой и Китаем. Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан/ Фонд имени Фридриха Эберта в Казахстане. Материалы международной конференции, Алматы, 25 апреля 2005, С.18.

Глава 5. Центральная Азия – энергетический донор китайской экономики?¹¹⁹

Экономика КНР находится в стадии экстенсивного роста. Высокая динамика китайского ВВП опирается на расширенное потребление ресурсов, в первую очередь энергетических. Высокие темпы экстенсивного роста экономики КНР в ближайшие десятилетия могут быть удержаны только при условии нахождения дополнительных источников нефти и других первичных энергоресурсов. Энергетически «голодный» Китай все активнее вовлекается в глобальную конкурентную борьбу за углеводородные ресурсы по всему полю мировой экономики.

Обеспечение растущих потребностей в импорте углеводородов императивно выдвинулось в центр внешней политики КНР. Китай быстро наращивает свое присутствие в нефтегазовом секторе как традиционных продуцентов (Ближний Восток и Северная Африка), так и новых участников глобального энергетического рынка, включая Западную Африку и постсоветское пространство. Усилия КНР направлены на обеспечение непрерывных поставок нефти и газа, причем как через установление долговременных партнерских отношений с ведущими экспортерами углеводородов, так и через получение прямого доступа к энергетическим активам за рубежом в форме совместных предприятий и проектов по типу соглашений о разделе продукции. В обозримой перспективе глобальная энергетическая активность КНР и ее влияние на ситуацию на мировых энергетических рынках будут только усиливаться.

5.1. Нарастающая зависимость экономического роста Китая от импорта нефти и газа

Примерно четвертая часть энергопотребления Китая обеспечивается нефтью. За 1980–2008 гг. видимое потребление нефти (т.е. производство плюс импорт минус экспорт) выросло здесь более чем в четыре, а добыча – более чем в два раза. В 2003 г. Китай стал вторым после США крупнейшим мировым потребителем нефти, оттеснив на третью позицию Японию. В мае 2003 г. Китай, копируя американскую и европейскую политику, приступил к формированию стратегических запасов нефти. В конце января 2009 г. накопленный объем запасов достиг 44 дней суточного ее потребления¹²⁰, ориентиром на 2010 г. является 50 суточный объем запасов.

Опережающий в сравнении с производством рост спроса на нефть обеспечивается за счет импорта, который за последние четверть века вырос в сотни раз. В 1993 г. КНР превратилась в чистого импортера нефти, потребление жидких углеводородов в китайской экономике продолжает расти опережающими темпами в сравнении с их внутренним производством. В 2008 г. чистый импорт (импорт минус экспорт) нефти и нефтепродуктов достиг 205 млн. тонн. Трудно поверить в то, что еще в 1990 г. Китай импортировал менее 8 млн., а в 1980 г. – менее 1 млн. т нефти.

Согласно имеющимся прогнозам, основные результаты которых обобщены в табл. 5.1, в 2010 г. спрос на нефть в КНР в абсолютном выражении достигнет порядка 385–470 млн. т. По отношению к фактическому уровню 2008 г. рост нефтепотребления прогнозируется в вилке от 1% до 23%. К 2015 г. спрос на нефть в китайской экономике ожидается в пределах 520–659 млн. т. Иначе говоря, ожидается, что по отношению к сегодняшнему уровню потребление нефти вырастет на 36–72%. Следует учитывать, что эти прогнозы были сделаны до глобального экономического кризиса, начавшегося в последние месяцы 2007 г. Кризис, безусловно, внесет коррективы в прогнозы спроса на энергоресурсы в китайской экономике.

¹¹⁹ Исследование С.В.Жукова в рамках данной главы выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Глобализация рынка природного газа: вызовы и возможности для России», проект №09-02-0004а/Р.

¹²⁰ PetroChina Xinjiang to boost oil storage by 60%// http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2009-03/23/content_7606600.htm.

Однако при любом развитии событий индустриализирующийся и автомобилизирующийся Китай останется одним из крупнейших потребителей нефти.

Таблица 5.1.

Сценарии спроса и предложения нефти в КНР в 2005–2020 гг.*

	Спрос	Предложение	Импорт	Доля импорта в видимом потреблении, %
	млн. т			
International Energy Outlook 2008 (базовый сценарий)				
2010	438	189	249	57
2015	498	194	304	61
2020	583	199	384	66
International Energy Outlook 2007 (базовый сценарий)				
2010	470	190	280	60
2015	525	185	340	65
2020	595	210	385	65
International Energy Outlook 2006 (базовый сценарий)				
2010	470	180	290	62
2015	525	185	340	65
2020	595	210	385	65
International Energy Outlook 2005 (базовый сценарий)				
2010	458	183	275	60
2015	533	184	349	65
2020	612	183	429	70
World Energy Outlook 2005 (базовый сценарий)				
2010	435	175	260	60
2020	560	150	410	73
ОПЕК 2007				
2010	435	210	225	52
2015	520	225	295	57
2020	615	240	375	61
ОПЕК 2003				
2010	378	179	199	53
2015	468	189	279	60
2020	568	190	378	67
Institute of Energy Economics, Japan 2005				
2010	366	(200)	166	45
2020	592	(221)	371	63
Institute of Econometrics and Techno-Economics (IETC), Chinese Academy of Social Sciences 2004				
минимальный сценарий				
2010	296-325	200	96-125	32-38
2020	440	180-240	200-260	45-59
максимальный сценарий				
2010	307-380	200	107-180	35-47
2020	476	180-240	236-296	50-62
Институт публичной политики имени Д.Бейкера III, университет Райса 2005				
минимальный сценарий				

	2010	323	(200)	123	38
	2015	405			
	2020	504	(221)	283	56
максимальный сценарий					
	2010	385	(200)	185	48
	2015	558			
	2020	804	(221)	583	73
Авторы, на основе эластичностей 2006					
среднегодовой темп роста 8%					
	2010	469	(200)	269	57
	2015	659	210	449	68
	2020	936	(221)	715	76
среднегодовой темп роста 7%					
	2010	453	(200)	253	56
	2015	608	210	398	65
	2020	825	(221)	604	73
среднегодовой темп роста 5%					
	2010	422	(200)	222	52
	2015	517	210	307	59
	2020	639	(221)	418	66
Фактические значения**					
	2008***	382	190	205	54
	2007	368	187	181	49
	2006	353	184	169	48
	2005	328	181	147	45

* - в скобках приведены показатели из официальных прогнозов;

** - чистый импорт (импорт минус экспорт);

*** - предварительные данные.

Составлено и рассчитано по: World Oil Outlook 2007, OPEC Secretariat, 2007; Medlock K.B. Energy and Natural Gas in Northeast Asia. Options for the Future/ Energy Security: Implications for U.S.–China–Middle East Relations. The James A. Baker III Institute for Public Policy of Rice University, July 18, 2005; China's crude oil supply, demand and import in 2020// Alexander's Gas & Oil Connections. News and Trends: East and South East Asia, vol.10, issue #6, 23 March 2005 (<http://www.gasandoil.com>); International Energy Outlooks 2005-2007. Energy Information Administration, U.S. Department of Energy. Wash. D.C.; World Energy Outlook 2005. International Energy Agency, 2005; Ito K., Zhidong L., Komiyama R. Asian Energy Outlook to 2020: Trends, Patterns and Imperatives of Regional Cooperation. Research and Information System for Developing Countries, Discussion Paper N93, April 2005; Shihab-Eldin A., Hamel M., Brennan G. Oil Outlook to 2025. OPEC Review Paper, September 2004; китайская деловая периодика.

Если опираться на средние прогнозные показатели, исключая предельные максимальные и минимальные варианты, то для поддержания высокой экономической динамики КНР в 2010 г. необходимо импортировать 166–200 млн. тонн нефти. Между тем в 2008 г. чистый импорт сырой нефти составил около 175 млн., а нефтепродуктов – 30 млн. тонн. К 2020 г. для поддержания высоких темпов роста ВВП Китаю придется импортировать уже не менее 300-400 млн. тонн нефти.

Много сложнее оценить перспективный спрос и предложение природного газа. Природный газ в настоящее время играет незначительную роль в удовлетворении энергетических потребностей китайской экономики. Доля газа в энергетическом балансе КНР находится на уровне 4%, а потребление в 2008 г. составило примерно 75 млрд. куб. м. Из-за второстепенной роли в энергобалансе КНР импорт природного газа в 2010 г., вряд ли, превысит 40 млрд. куб. м. (см. таблицу 5.2.). Примечательно, что независимые прогнозы исходят из того, что импорт газа в 2010 г. не превысит 10 млрд. куб. м. Если опираться на официальный прогноз, то даже в 2020 г. импортные потребности китайской экономики в газе составят в максимальном варианте около 80 млрд. куб.м. Тем не менее, удельный вес импорта в видимом потреблении голубого топлива может по разным оценкам достичь 27-40%.

Таблица 5.2.

Сценарии динамики спроса и предложения природного газа в КНР в 2005-2020 гг.*

	Спрос	Предложение	Импорт	Доля импорта в видимом потреблении, %
	млрд. куб.м.			
International Energy Outlook 2008 (базовый сценарий)				
2010	76	70	6	8
2015	109	90	19	17
2020	140	106	34	24
International Energy Outlook 2007 (базовый сценарий)				
2010	78	70	8	10
2015	106	87	19	18
2020	134	98	36	27
International Energy Outlook 2006 (базовый сценарий)				
2010	84	67	17	20
2015	109	84	25	23
2020	143	98	45	31
Institute of Energy Economics, Japan 2005				
2010	88	(80)	8	9
2020	180	(120)	60	33
Институт публичной политики имени Д.Бейкера III, университета Райса 2005				
среднегодовой темп роста 4.6%				
2010	55	(80)	...	...
2015	89	-	-	-
2020	144	(120)	24	17
среднегодовой темп роста 6.6%				
2010	58.5	(80)	...	...
2015	100	-	-	-
2020	169.5	(120)	49.5	29
среднегодовой темп роста 8.6%				
2010	62	(80)	...	-
2015	111	-	-	-
2020	198	(120)	78	39
Официальный прогноз				
2010	120	80	40	33
2020	200	120	80	40
Фактические значения				

2008**	75	76	4.6	6
2007	67	68	4	6
2006	56	59	...	...
2005	47	49	...	...

* - в скобках приведены показатели из официального прогноза;

** - предварительные данные

Составлено и рассчитано по: см. источники к таблице 5.1; китайская деловая периодика.

Неудивительно поэтому, что обеспечение импорта достаточных объемов углеводородов эвентуально выдвинулось в центр внешней политики КНР. Будучи одним из крупнейших и растущих импортеров нефти, Китай естественно активно вовлечен в глобальную конкурентную борьбу за обеспечение поставок углеводородов. Столь же естественно, что в качестве одного из перспективных источников первичных энергоресурсов КНР рассматривает сравнительно богатые нефтью и газом постсоветские экономики Евразии. Помимо фактора географической близости важную роль здесь играют и процессы, разворачивающиеся в самих постсоветских экономиках.

В последнее десятилетие XX века страны, возникшие на обломках Советского Союза, позиционировались на мировом рынке в качестве поставщиков сырья и природных ресурсов, в первую очередь нефти и природного газа. В 1991–2001 гг. экспорт нефти с территории бывшего СССР, несмотря на сокращение добычи на 18%, увеличился в 2.5 раза. В результате удельный вес постсоветских государств в мировом экспорте нефти вырос с 5.7% до 10.7%.¹²¹ Рост мировых энергетических цен в последние годы закрепил эту тенденцию. В 2007 г. экс-СССР (преимущественно Россия и в меньшей, но возрастающей степени Казахстан) выступал вторым крупнейшим поставщиком сырой нефти на мировой рынок после Ближнего Востока, обеспечивая 15.2% мирового импорта черного золота. Если в 1991 г. поставки нефти на мировой рынок новыми независимыми государствами составляли всего 13% от поставок ближневосточных стран, то к 2001 г. это показатель вырос до 24.5%, а в 2007 г. достиг 42%.¹²²

За 1991 – 2001 гг. добыча газа в государствах, возникших после распада СССР, сократилась на 10%, а его экспорт, напротив, вырос почти в два раза. С начала текущего десятилетия удельный вес постсоветских продуцентов газа в мировом газовом экспорте мало изменился - в 2003 г. он составлял 31%, в 2007 г. - 28%.¹²³

5.2. Евразия – растущий поставщик нефти в КНР

За последние десять–пятнадцать лет географическая структура импорта нефти КНР претерпела серьезные изменения. На фоне снижения значимости импорта из близлежащих азиатских стран наблюдается быстрый рост импорта из Африки и постсоветских государств. Если в 1995 г. на постсоветские государства приходилось всего 0.2% нефтяного импорта КНР, то к 2006–2007 гг. этот показатель вырос до примерно 13% (см. табл. 5.3). Экс-СССР стал третьим крупнейшим поставщиком сырой нефти в Китай после Ближнего Востока и Африки. При этом вплоть до 2005 г. включительно подавляющую часть нефтяных поставок в КНР обеспечивала Россия. Но уже в 2006–2007 гг. опережающими темпами поставки сырой нефти на китайский рынок осуществлял Казахстан. В то время как в 2005 г. Россия

¹²¹ Жуков С., Резникова О. Центральная Азии и Южный Кавказ в мировой экономике/ Меняющийся мир и Россия. М. ИМЭМО РАН, 2004, с.49.

¹²² Подсчитано по: BP Statistical Review of World Energy за разные годы.

¹²³ Подсчитано по: BP Statistical Review of World Energy за разные годы; официальная статистика постсоветских стран. Учтен только экспорт газа по трубопроводам за пределы постсоветского пространства.

экспортировала в Китай в десять раз больше нефти в сравнении с Казахстаном, в 2007 г. это соотношение упало до трех, а к 2008 г. – до двух раз.

Естественно, что постсоветские нефтеэкспортеры укрепляли свои относительные позиции среди основных поставщиков нефти на Китайский рынок. В 2007 г. Россия вышла в этом списке на четвертое место, пропустив вперед только Саудовскую Аравию, Анголу и Иран. Казахстан же оказался на седьмом месте, отстав также от Омана и Судана.

Таблица 5.3.

КНР: структура импорта сырой нефти по регионам и странам (%)

	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Африка	10.7	24.4	22.2	23.0	24.2	27.2	27.7	29.0	32.5
БСВ	47.4	53.9	56.6	49.6	51.2	47.1	49.7	47.7	44.6
бывший СССР	0.2	3.1	4.0	5.8	7.2	10.0	11.1	12.8	12.6
Россия	0.2	2.1	2.9	4.4	5.8	8.8	10.1	11.0	8.9
Казахстан	0.0	1.0	1.1	1.4	1.3	1.0	1.0	1.8	3.7
Азербайджан	0.0	0.0	0.0	0.0	0.1	0.1	0.0	0.0	0.0
Грузия	0.0	0.0	0.0	0.0	0.0	0.1	0.0	0.0	0.0
Латинская Америка	0.5	0.3	0.3	0.0	1.0	2.4	3.4	6.6	6.3
Азия	39.5	14.5	14.3	17.5	15.1	11.5	7.6	3.5	3.5
Прочие	1.7	3.7	2.6	4.1	1.2	1.9	0.4	0.3	0.5
<i>в том числе</i>									
ОПЕК-12	50.6	46.9	51.4	48.3	48.5	47.2	55.2	56.3	56.8
ОПЕК-11	44.7	34.6	45.1	40.1	37.4	34.0	41.5	40.2	41.5
ОПЕК-БСВ	10.8	26.3	39.3	34.7	33.0	29.2	35.0	35.3	36.0

ОПЕК-12: двенадцать стран–членов ОПЕК, включая Анголу, присоединившуюся к организации в 2007 г.

ОПЕК-11: одиннадцать стран–членов ОПЕК без учета Анголы.

ОПЕК – БСВ: Катар, Кувейт, Ирак, Иран, Оман, Саудовская Аравия и Ливия.

Рассчитано по: UN COMTRADE Database.

Параллельно нарастала значимость нефтяного экспорта на китайский рынок и для самих постсоветских нефтеэкспортеров. Для Казахстана перелом произошел в 2006 г. (см. таблицу 5.4 и диаграмму 5.1). В 2007 г. экспорт нефти с территории Казахстана в Китай приблизился по объему к 6 млн. тонн, что составляет около 10% всего казахского нефтяного экспорта. КНР стал в том же году четвертым крупнейшим нефтяным рынком для Казахстана после Швейцарии, Италии и Франции. В 2008 г. ситуация не изменилась.

Таблица 5.4.

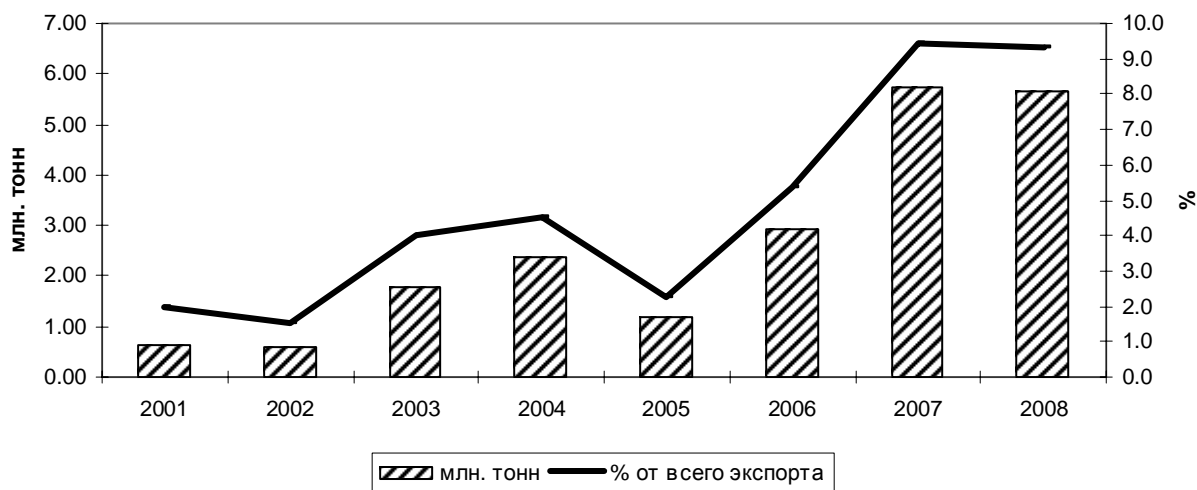
Основные экспортные рынки для казахской нефти (млн. тонн)

	2001		2004		2008
Всего	32.4	Всего	52.4	Всего	23.8
Бермудские о-ва	8.0	Швейцария	15.2	Швейцария	23.7
Россия	5.3	Италия	9.6	Италия	11.4
Италия	4.4	Франция	5.5	Франция	9.3
Украина	3.7	Россия	4.4	Китай	6.4
Виргинск. о-ва (Брит.)	3.0	Виргинск. о-ва (Брит.)	4.0	Нидерланды	5.1
ОАЭ	2.1	Китай	2.4	Израиль	4.6
Германия	1.4	Иран	1.8	Россия	4.0
Великобритания	1.4	Израиль	1.2	Румыния	2.0
Польша	1.1	Португалия	1.2	Испания	1.9

Китай	0.6	Канада	1.1	Турция	1.8
Швейцария	0.5	Испания	0.9	Иран	1.7
Финляндия	0.2	США	0.7	Словакия	1.6

Составлено по: таможенная статистика Казахстана

Диаграмма 5.1
Динамика экспорта казахской нефти в КНР, млн. тонн и %

Составлено и подсчитано по: таможенная статистика Казахстана

Казахстан естественным образом оказался в зоне интересов наращивающего нефтяной импорт Китая. После спада в первой половине 1990-х годов с 1997 г. производство нефти в Казахстане начало быстро увеличиваться и к 2008 г. достигло 70.6 млн. тонн. Доля Казахстана в мировой нефтедобыче увеличилась с 0.74% в 1997 г. до 1.8 % в 2007 г. При этом более 90% добываемой в стране нефти отправляется на экспорт. Тесное сотрудничество в нефтяной сфере между Казахстаном и КНР обусловлено естественной географической близостью и экономико-географическими факторами.

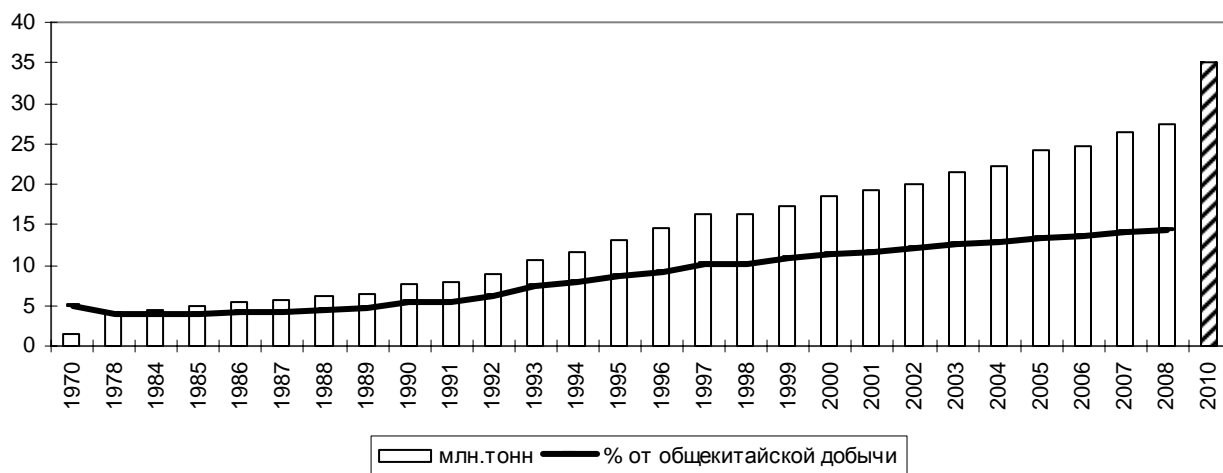
5.3. Казахстан и Китай – естественные нефтяные партнеры

Казахстан и КНР являются естественными партнерами в нефтяном секторе. Два момента следует выделить особо. Во-первых, страны имеют общую границу; во-вторых, граничащий с Казахстаном Синьцзян–Уйгурский автономный район (СУАР) является крупным нефтедобывающим центром в самой КНР.

5.3.1. СУАР во внутрикитайском нефтяном раскладе

СУАР – крупный и, что особенно важно, растущий центр нефтедобычи в Китае. В 1997 – 2007 гг. по объемам нефтедобычи автономный район занимал третье место среди китайских провинций, являющихся главными производителями нефти в стране. В 2008 г. здесь было добыто 27.4 млн. тонн сырой нефти, что составило 14% от общекитайской добычи (см. диаграмму 5.2).

Диаграмма 5.2
СУАР в общекитайской добыче нефти, млн. тонн и %

Составлено и подсчитано по: официальная статистика КНР.

В 2010 г. в СУАР планируется добыть 35 млн. тонн нефти. Притом, что доказанные запасы нефти в автономном районе составляют 3.9 млрд. тонн, а потенциальные – 20.9 млрд. тонн¹²⁴, эти планы, по-видимому, будут реализованы.

Добываемая в Синьцзяне нефть перерабатывается на шести расположенных здесь нефтеперерабатывающих заводах, а затем направляется в промышленно развитые центральные и южные провинции Китая по железной дороге.

5.3.2. Взаимодополняемость Казахстана и СУАР в нефтяной сфере

Объективная экономическая и географическая взаимодополняемость двух стран в нефтяной сфере нашла свое отражение в том, что в середине текущего десятилетия из Казахстана в Китай был построен нефтепровод. Еще в 1997 г. КНР и Казахстан подписали генеральное соглашение о строительстве нефтепровода по маршруту Атырау – Кенкияк – Кумколь – Атасу – Дружба и далее в Китай. Пропускная способность трубопровода была определена в 20 млн. т нефти в год, а ориентировочная стоимость его прокладки в 2.7-3.5 млрд. долл. Китайское правительство согласилось взять на себя значительную часть расходов. Однако на несколько лет этот проект был положен под сукно. Лишь с 2001 г. параллельно росту потребностей КНР в импортных углеводородах активность Китая на казахском направлении вновь возросла. При существующих ограничениях Китай избрал тактику постепенных шагов - нефтепровод, правда, не столь мощный, как это задумывалось первоначально, решено было построить в несколько этапов.

Нефтепровод Атасу (Казахстан) – Алашанькоу (СУАР, КНР) был построен только в декабре 2005 г. (см. рисунок 5.1.) Это первый казахский нефтепровод, не проходящий через территорию третьих стран и соединяющий местные нефтяные месторождения с зарубежными потребителями напрямую. Стоимость строительства трубопровода протяженностью 962 км и годовой пропускной способностью 10 млн. тонн составила 806 млн. долл., из которых 700 млн. долл. были привлечены под гарантии CNPC на условиях проектного финансирования. Владельцам трубопровода и оператором поставок является

¹²⁴ Xinjiang becomes China's second largest oil producer// http://www.chinadaily.com.cn/china/2009-01/02/content_7360768.htm. Следует иметь ввиду, что классификация запасов углеводородов в КНР заметно отличается от международных стандартов.

компания «Казахстанско-китайский трубопровод», акционерами которой на паритетных началах стали CNPC и национальная нефтегазовая компания «КазМунайГаз».¹²⁵ Предполагается, что до 2010 г. из Казахстана в Китай может поставляться до 10 млн. тонн нефти для переработки на нефтеперерабатывающих предприятиях в Синьцзяне.¹²⁶

Рисунок 5.1.

Источник: Требуется нефть российского производства для загрузки нефтепровода, соединившего Казахстан и Китай// Нефть и капитал, N1-2, 2006.

Нефтепровод стал основным каналом экспорта казахской нефти в КНР. В 2008 г. через него прошло 5.37 млн. тонн (см. таблицу 5.5), что составило 94% всех поставок нефти в Китай и 8.4% всей экспортной нефти Казахстана.

Параллельно нефтепроводу Атасу – Алашанькоу на китайской территории был построен нефтепровод, соединивший Алашанькоу с нефтеперерабатывающим заводом в г. Душаньцзы. Сырье из Казахстана предполагается перерабатывать на НПЗ в Душаньцзы и связанном с ним НПЗ в г. Карамай (см. рисунок 5.2). С 2008 г. совокупные мощности двух этих НПЗ доведены до 14 млн. тонн. Нефть же добываемая на китайской территории будет поставляться на НПЗ г. Урумчи.

В 2009 г. КНР и Казахстан предполагают завершить строительство нефтепровода по маршруту Кенкияк – Кумколь, что позволит увеличить совокупную мощность нефтепровода в Китай до 20 млн. тонн в год. В дальнейшем с учетом нефти, добываемой на казахстанском участке каспийского шельфа, совокупная мощность нефтепровода в Китай может быть доведена до 50 млн. тонн в год.

¹²⁵ Кошербаева А.Б. Структура и эффективность экономического сотрудничества Казахстана и КНР. КазМунайГазКонсалтинг, Астана, 2006 (mimeo)

¹²⁶ Бахтигареев Р. Казахстан не намерен предоставлять "Роснефти" налоговые льготы в рамках проекта «Курмангазы»// Панорама (Алматы), N15 апрель 2004.

Таблица 5.5.

Маршруты экспорта нефти из Казахстана								
	2005	2006	2007	2008	2005	2006	2007	2008
	млн. тонн				%			
КТК вся нефть	30.5	31.1	32.6	32.2				
<i>в т.ч.</i>								
казахская нефть	...	24.4	25.6	25.8	...	42.7	42.1	41.1
российская нефть	...	6.7	7.0	6.4	...			
Узень – Атырау – Самара	15.0	15.6	16.0	16.77	27.5	27.3	26.3	26.7
порт Актау	8.9	9.9	8.9	8.5	16.3	17.3	14.6	13.5
Атасу–Алашанькоу	0	2.16	4.77	6.11				
<i>в т.ч.</i>								
казахская нефть	0	0	4.77	5.07	0.0	3.8	7.8	8.1
российская нефть	0	0	0	1.04				
Прочее, включая жел. дорогу	0.2	5.04	5.6	6.7	0.4	8.8	9.2	10.6
Всего казахская нефть	54.6	57.1	60.8	60.7	100.0	100.0	100.0	100.0

Источники: Итоги производственной деятельности АО «КазТрансОйл» за 12 месяцев 2008 г.// <http://www.kaztransoil.kz/index.html?id=469>; деловая периодика Казахстана.

О намерении подключиться к казахско–китайскому нефтепроводу заявила частная казахстанская нефтяная компания Куат. Куат планирует построить нефтепровод, соединяющий месторождения Коньыс и Бектас в Кызылординской области с трубопроводом Атасу – Алашанькоу. Компания ведет поиск нефти и газа в Зайсане с 1996 г. Зайсанская впадина расположена в северо-восточной части Джунгарского нефтегазового месторождения. Вероятные запасы нефти и газа на контрактной территории оцениваются в более чем 1 млрд. баррелей в нефтяном эквиваленте (примерно 150 млн. тонн).

Параллельно Казахстан и КНР пытаются привлечь в трубопровод Атасу – Алашанькоу российскую нефть, для чего казахстанская сторона гарантировала российским компаниям беспрепятственный доступ в трубу.¹²⁷ Притом, что нефтепровод Казахстан-Китай технологически связан с бывшей советской системой магистральных трубопроводов через нефтепровод Омск (Россия) – Павлодар (Казахстан) – Чимкент (Казахстан) – Туркменабад (Туркменистан), КННК рассчитывает заполнить трубопровод за счет российской нефти с месторождений Сибири. Российская нефтяная компания «Сибнефть» на протяжении нескольких лет экспортировала сырье в Китай, поставляя нефть из Омска в Атасу и далее по железной дороге. Учитывая то обстоятельство, что тарифы транспортировки нефти по трубопроводам значительно ниже по сравнению даже с льготными железнодорожными тарифами, высока вероятность, что российские компании начнут экспорт нефти в КНР по новому нефтепроводу.

Расширение нефтяного сотрудничества с постсоветскими странами шло параллельно с развитием связей СУАР с другими регионами КНР. Осенью 2006 г. были введены в эксплуатацию нефтепровод и нефтепродуктовод совокупной пропускной способностью 20 млн. в год, связывающие северо-западные районы Синьцзяна со столицей соседней провинцией Ганьсу Ланьчжоу.¹²⁸ В 2008 г. к сети нефтепроводов, источником нефти для

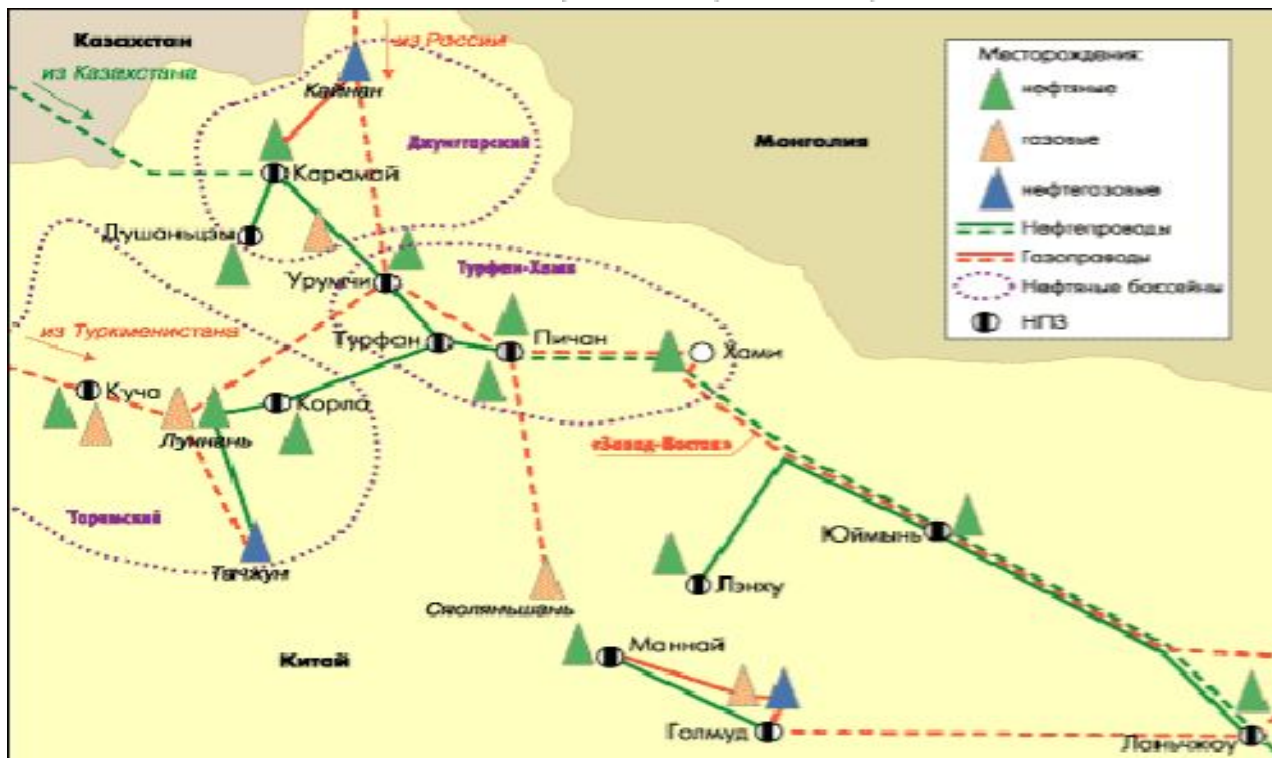
¹²⁷ Казахстан гарантирует доступ российской нефти к трубе// Время новостей, 5 мая 2006.

¹²⁸ Oil pipeline projects in West China to be in operation this year// http://www.english.people.com.cn/20060301/eng20060301_2477046.html; Время новостей (Москва), 17 августа 2005.

которых выступает СУАР, будут присоединены столицы провинций Ляолин, Хэнань и Хунань.¹²⁹

Рисунок 5.2.

Самым главным препятствием для развития нефтедобычи на северо-западе Китая является отсутствие трубопроводов, по которым сырье может быть доставлено в развитые районы страны

Источник: Нефть на диком западе Китая// <http://www.oilcapital.ru/news.asp?IDR=1&IDNEWS=32465>

Все эти обстоятельства заметно повышают роль Казахстана в обеспечении энергетических потребностей близлежащих китайских провинций. Постепенно СУАР превращается в энергетическую базу Запада КНР. К 2010-2015 гг. уже не только СУАР, но и провинции Ганьсу, Ляолин, Хэнань и Хунань, в значительной мере будут зависеть от поставок нефти из Казахстана и, возможно, России.

5.4. Казахстан – плацдарм в стратегии глобализации китайских нефтяных компаний

Относительно новым явлением в мировой нефтяной промышленности стало нарастание глобальной активности китайских нефтяных компаний. В этом плане особенно выделяется Китайская национальная нефтяная компания (КННК), которая ведет различные проекты в 26 странах мира, а нефть, добытая за рубежом, составляет чуть более одной пятой всей нефтедобычи компании.¹³⁰ Менее глобализированы на настоящий момент две другие компании китайской нефтяной триады – Китайская национальная нефтяная оффшорная компания (СНООС) и Китайская нефтяная и химическая корпорация (Sinopet). Однако и они стремятся нарастить зарубежную активность. В 2006 г. к трем нефтяным компаниям

¹²⁹ PetroChina to build two new oil pipelines// http://www.english.people.com.cn/200601/19/eng20060119_236659.html.

¹³⁰ Китайская Национальная Нефтегазовая Корпорация. Годовой отчет 2006, сс.7,48.

добавился государственный инвестиционный фонд СІПС, который приступил к скупке энергетических активов за рубежом.

В нарастающей зарубежной экспансии китайских энергетических компаний и инвестиционного фонда нет ничего удивительного. Опираясь на открытые глобализацией возможности, они, как и компании других стран, стремятся установить прямой контроль над энергетическими активами или получить к ним доступ через рыночные механизмы по всему полю мировой экономики.

В качестве одного из перспективных источников первичных энергоресурсов КНР рассматривает сравнительно богатые нефтью и газом постсоветские экономики Евразии. Помимо фактора географической близости важную роль здесь играют и процессы, разворачивающиеся в самих постсоветских экономиках в ходе рыночного транзита. В последнее десятилетие XX века некоторые страны, возникшие на обломках Советского Союза, осуществили масштабную приватизацию прежде государственной экономической структуры в том числе и в нефтяном секторе.

В России китайским компаниям удалось встроиться лишь в один проект в нефтедобыче. Осенью 2006 г. Sinopec выкупила 49% участия в совместном предприятии, созданном на базе «Удмуртнефти», годовая добыча которой в последние годы устойчиво составляет около 6 млн. т. Дальнейшее расширение участия китайских компаний в проектах добычи нефти в России зависит от того, откроет ли КНР свой внутренний рынок нефтепродуктов для российских компаний.

К началу 2009 г. китайские компании смогли существенно расширить свое участие в проектах нефтедобычи только в Казахстане. В середине 1990-х годов Казахстан беспрецедентно дешево и на льготных для иностранного капитала условиях распродал свои углеводородные запасы. В результате подавляющая часть местного нефтегазового сектора контролируется иностранным капиталом. Правда, китайские компании опоздали к первичному разделу казахского «нефтяного пирога». Единственным относительно крупным активом КННК в этой стране, приобретенным в ходе кампании приватизации в 1996 г., стали месторождения Кенкияк и Жанажол с остаточными извлекаемыми запасами нефти в 106 млн. т.¹³¹

Только к концу 1990-х и особенно в первой половине текущего десятилетия китайские компании сумели существенно укрепить свои позиции в Казахстане. Высокие мировые цены на углеводороды и обострение глобальной конкурентной борьбы за нефтегазовые активы подтолкнули КНР к активизации своей энергетической экспансии. Как считают казахстанские исследователи, в 2003 г. власти КНР изменили приоритеты в своей энергетической политике, поставив соображения безопасности выше экономической целесообразности.¹³² Этот сдвиг и предопределил активизацию китайских компаний в Центральной Азии, прежде всего в Казахстане.

В такой оценке есть рациональное зерно, но, на наш взгляд, активизация участия КНР определялась тем обстоятельством, что мировые цены на нефть вышли на новый, более высокий уровень, что серьезно изменило экономику энергетических проектов, заметно повысив эффективность транспортировки нефти на большие расстояния. Даже более важно уже отмеченное выше то принципиальное обстоятельство, что Китай непосредственно граничит с Казахстаном и представляет для последнего естественный рынок для экспорта сырой нефти, причем в данном случае отсутствуют риски, обусловленные транзитом сырья через территории транзитных государств. Свою роль сыграли и привходящие обстоятельства. На изменение позиции КНР повлияла внешняя военная интервенция в Ирак, которая подчеркнула нестабильность в регионе Ближнего и Среднего Востока, являющегося

---

¹³¹ Бутырина Е. CNPC стала 100-процентным владельцем месторождения Северные Бузачи// Панорама (Алматы), N36, сентябрь 2003.

¹³² Лаумулин М.Т., Сыроежкин К.Л. Внешняя политика КНР на современном этапе: реалии и амбиции/ Политика КНР на современном этапе: реалии и перспективы, с.65.

важнейшим источником нефтяного импорта Китая, а также ситуация вокруг российской компании ЮКОС, что фактически похоронило надежды на быстрое завершение строительства нефтепровода по маршруту Ангарск–Дацин.

Со своей стороны разворот в сторону КНР сделал и Казахстан. К этому его подтолкнули периодические попытки США разыгрывать в интересах американских энергетических компаний карту «казахгейта», неуступчивость России в вопросах транзита казахской нефти и цен на импортируемый казахский газ, стремление добиться более выгодных условий при подключении к проекту Баку-Тбилиси-Джейхан.

Бокс 5.1.

Активы и перспективные проекты китайских нефтяных компаний в Казахстане на начало 2008 г.

	Доля в капитале компании, %	Общие запасы нефти и конденсата, млн. тонн	Запасы, принадлежащие CNPC, млн. тонн
<i>Действующие проекты CNPC и инвестиционного фонда СІТІС в нефтедобыче</i>			
CNPC-Актобемунайгаз	85.6	99	85
Северные Бузачи	50	72	36
CNPC -бывшая Petrokazakhstan	67	61	41
СП Казгермунай	33.5	43	21.5
СП Тургай Петролеум	33.5	47	16
КаражанбасМунай	47.31	69	33
КуатАмлонМунай	100	28	28
CNPC-Ай-Дан-Мунай	100	...	...
Всего		419	260.5
<i>Проекты по разведке месторождений</i>			
CNPC	Лицензия на разведку и добычу нефти на блоке Барс вокруг месторождения Северные Бузачи		
CNPC – бывшая Petrokazakhstan	Лицензия на разведку месторождения Кольжан		
CNPC – бывшая Petrokazakhstan	Лицензия на разведку территории Караганда		
Sinorec	Лицензия на разведку блоков Адайский, Сазанкурак, Атырауский, Восточно-Прикаспийский, Федоровский и Бегайдар		
<i>Трубопроводы</i>			
CNPC Кенкияк – Атырау	49%		
CNPC Атасу – Алашанькоу	50%		
CNPC Кенкияк – Кумколь			
<i>Нефтеперерабатывающие заводы</i>			
Шымкентнефтеорггазсинтез	50%		

Источники: Бутырина Е. CNPC стала 100-процентным владельцем месторождения Северные Бузачи// Панорама (Алматы), N36, сентябрь 2003; Юрицын В. «Черное золото» из-под сора// Капитал (Алматы), 16 июня 2005; деловая периодика Казахстана и России.

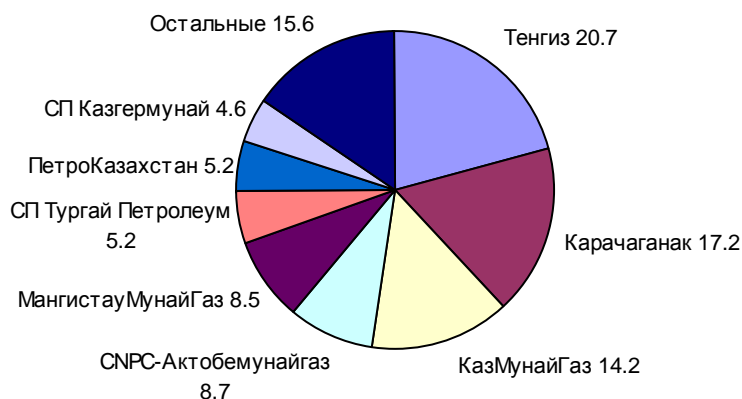
В боксе 5.1 суммирована разрозненная и порой противоречивая информация об активах в нефтяной отрасли Казахстана, над которыми китайские компании смогли установить полный или частичный контроль. В августе 2005 г. КННК приобрела второй относительно крупный нефтяной актив в Казахстане, купив за 4.18 млрд. долл. канадскую

нефтяную компанию PetroKazakhstan.¹³³ Условием сделки была последующая продажа части компании государственному нефтяному холдингу Казахстана «КазМунайГазу». В июле 2006 г. «КазМунайГаз» выкупил у КННК 33% PetroKazakhstan причем не за наличные деньги, а посредством выпуска долговых ценных бумаг с плавающей процентной ставкой.¹³⁴ Совокупные доказанные запасы, контролируемые компанией, оцениваются в 53.5 млн. тонн нефтяного эквивалента.

Осенью 2006 г. китайский государственный инвестиционный фонд CITIC за 1.9 млрд. долл. выкупил активы канадской компании Nations Energy. Главным активом последней в Казахстане является месторождение Каражанбасмунай, извлекаемые запасы которого оцениваются в 46.6 млн. т нефтяного эквивалента.¹³⁵

Китайские компании установили контроль над некоторыми нефтяными активами в Казахстане в жесткой конкурентной борьбе с другими иностранными инвесторами. Каковы относительные позиции китайских компаний? В 2007 г. около 85% добытой в Казахстане нефти пришлось всего на восемь крупнейших месторождений и компаний (см. диаграмму 5.3). Чуть менее пятой части нефтедобычи обеспечило месторождение Тенгиз (и Королевское), 17% пришлось на Карачаганак, еще 14% дали месторождения, контролируемые национальной нефтегазовой монополией «КазМунайГаз».

Диаграмма 5.3
Казахстан: распределение добычи нефти по месторождениям и компаниям в 2007 г. (%)*

* Данные по 8 крупнейшим добывающим проектам.

Рассчитано по: данные компаний; официальная статистика Казахстана.

Таким образом, позиции китайских компаний в казахской нефтедобыче достаточно прочны. По объемам текущей нефтедобычи они идут сразу же вслед за американскими компаниями, превосходя компании Великобритании, России и Италии более чем в три раза.

За 1997–2007 гг. объемы «собственной» нефти китайских компаний в Казахстане выросли с 1.6 до 12.3 млн. т (см. таблицу 5.6). В 2006–2007 гг. на них приходилось около

¹³³ Ng L., Wing-Gar C. Chinese to Pay US\$4,2 bln for PetroKazakhstan// The Moscow Times, 23 August 2005; Ребров Д. Китайское счастье// Время новостей, 23 августа 2005.

¹³⁴ Косаев К. «КазМунайГаз» приобрел долю в «ПетроКазахстане» и объявил об IPO своей «дочки»// Панорама, N26, 7 июля 2006.

¹³⁵ Скорлыгина Н. Лукойл столкнулся с китайской угрозой// Коммерсантъ, 27 октября 2006.

одной пятой всей добываемой в Казахстане нефти. При этом импорт нефти КНР из этой страны за указанный период вырос заметно скромнее. В 2007 г. китайские компании получили в Казахстане в 2 раза больше так называемой «собственной нефти» по сравнению с теми объемами, которые были экспортированы с территории этой страны в Китай. Это означает, что большую часть добываемой в Казахстане нефти китайские компании реализуют на мировом рынке в странах, предлагающих более высокие цены в сравнении с регулируруемыми ценами в самом Китае. В 2008 г., данные за который в разбивке по отдельным компаниям на момент завершения настоящей работы были еще недоступны, ситуация принципиально не изменилась. В 2007–2008 гг. все нефтедобывающие компании в Казахстане несколько замедлили темпы роста добычи.

Таблица 5.6.

Масштабы участия китайских нефтяных компаний в Казахстане

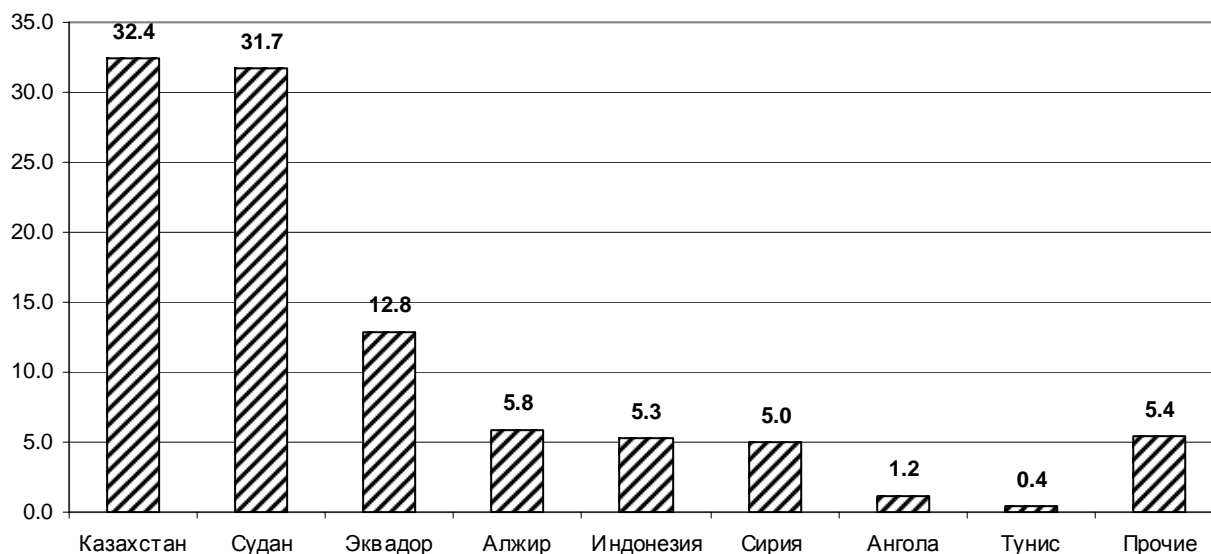
	1997	1999	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Вся добыча Казахстана, млн. т	26.6	30.1	40.1	47.2	51.4	59.4	61.5	64.9	67.2
Добыча китайских компаний, млн. т	1.6	1.4	2.0	2.6	4.1	4.8	9.8	13.9	12.3
- % от всей добычи в Казахстане	6.0	4.6	5.0	5.5	8.1	8.1	15.9	21.5	18.3
Импорт нефти КНР из Казахстана, млн. т		0.57	0.65	1.00	1.20	1.29	1.29	2.68	6.00
«Собственная нефть» КННК, % к импорту нефти КНР из Казахстана		246	308	260	342	372	760	519	205

Рассчитано по: UN COMTRADE Database; данные авторов.

Обобщенная картина добычи «собственной» нефти китайскими компаниями за пределами Китая представлена на диаграмме 5.4. Из данных диаграммы, в частности, следует, что в 2006 г. Казахстан, незначительно опередив Судан, стал главным центром китайской нефтедобычи за рубежом. При этом только эти две страны являются для КНР по-настоящему крупными производственными центрами. При этом ближайшие надежды на увеличение добычи связаны главным образом с оффшорным проектом «Великий Плутоний» в Анголе, где добыча может достигнуть 10 млн. т (доля Sinopet составит примерно 5 млн. т), а также проектом Апко в Нигерии. Менее вероятен из-за непростой геополитической ситуации прорыв в Иране.

Проекты по нефтедобыче играют важнейшую роль в стратегии глобализации производственной деятельности, активно реализуемой китайскими компаниями. За 2002–2006 гг. китайская нефтяная триада увеличили добычу нефти вне пределов Китая с 12 млн. до 35 млн. т. Отношение зарубежной добычи к совокупной добыче всеми китайскими компаниями за тот же период выросло с 7% до 16%. Наибольшей интернационализированностью отличается деятельность КННК. В 2006 г. она добыла в рамках своих проектов за рубежом 28.07 млн. т нефти по сравнению с 10 млн. т пятью годами ранее. Это составляет более четверти от всей добычи КННК на территории Китая.

Диаграмма 5.4
Распределение "собственной" нефти китайских компаний в разрезе стран в 2006 г.

Рассчитано по: Downs E.S. The Fact and Fiction of Sino-African Energy Relations// China Security, Vol. 3 №3, Summer 2007, P.46; данные авторов.

Вместе с тем следует отметить, что вплоть до настоящего времени китайские компании устанавливают контроль в основном над мелкими и нередко старыми месторождениями с падающей добычей. Такие нефтяные активы не представляют интереса для крупных транснациональных нефтегазовых корпораций. Исключением является ряд китайских активов в Африке, особенно Анголе и Нигерии. Примечательно, что в обоих случаях китайские компании действуют в составе международных консорциумов, возглавляемых соответственно British Petroleum и Total.

В Казахстане крупнейший проект с участием КННК обеспечивает добычу всего около 6 млн. тонн нефти в год, причем в 2006–2007 гг. объем производства ОАО CNPC-Актобемунайгаз стабилизировался (см. таблицу 5.7). Остальные проекты относятся к разряду мелких и сверхмелких.

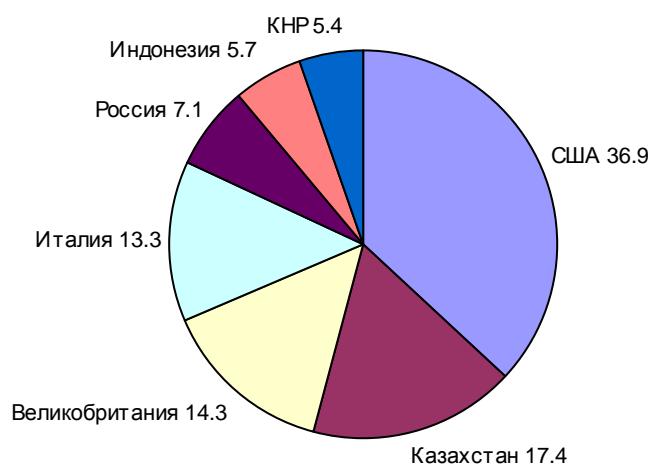
Таблица 5.7.

Добыча нефти компаниями с китайским участием, млн. тонн

	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007
ОАО CNPC-Актобемунайгаз	2.59	4.37	4.65	5.32	5.83	5.90	5.86
Buzachi Operating Ltd.	0.71	0.33	0.35	0.47	0.75	1.34	1.61
СП Казгермунай	0.60	1.02	1.57	2.15	1.87	2.88	3.06
СП Тургай-Петролеум	1.30	2.15	2.80	3.38	3.00	3.41	3.51
АО CNPC-Айдан Мунай	0	0	0.09	0.17	0.40	0.45	0.42
ОАО ПетроКазахстан	3.33	4.82	4.95	4.37	3.05	3.68	3.50
ОАО Каражанбасмунай	0.89	1.78	1.92	2.33	2.24	2.32	1.94
СП ТОО КуатАмлонМунай	0.14	0.25	0.38	0.34	0.42	0.47	0.58

Источники: деловая периодика Казахстана и России; расчеты авторов.

Диаграмма 5.5
Казахстан: распределение запасов нефти по страновой аффилиации
добывающих компаний на начало 2008 г., (%)*

* Данные по 8 крупнейшим добывающим проектам.
 Рассчитано по: данные компаний; официальная статистика Казахстана.

Если от показателей текущей добычи перейти к запасам, то окажется, что позиции китайских компаний в Казахстане довольно скромны. На начало 2008 г. под контролем китайских компаний находилось всего 5.4% совокупных запасов нефти на восьми крупнейших казахских месторождениях (см. диаграмму 5.5). Китайские компании уступали не только американским и европейским, но и российским нефтяным корпорациям и даже загадочным индонезийским инвесторам.¹³⁶

В апреле 2009 г. в рамках широкой кредитной сделки КНР–Казахстан CNPC заявила о намерении приобрести 50% акций в казахской нефтедобывающей компании МангистауМунайГаз, которая на тот момент контролировалась якобы индонезийскими инвесторами.¹³⁷ В том случае, если данная сделка будет действительно завершена, то в этом случае под контролем китайских компаний около четверти всей текущей добычи нефти в Казахстане и 8–9% извлекаемых ее запасов.

5.5. Нефтяные проекты КНР в Узбекистане, Туркменистане и Кыргызстане

В других центральноазиатских странах присутствие Китая в нефтяной сфере заметно более скромно. Речь идет об Узбекистане и Туркменистане. Таджикистан практически не добывает нефти, а в Кыргызстане среднегодовой уровень нефтедобычи не превышает 100 тыс. тонн.

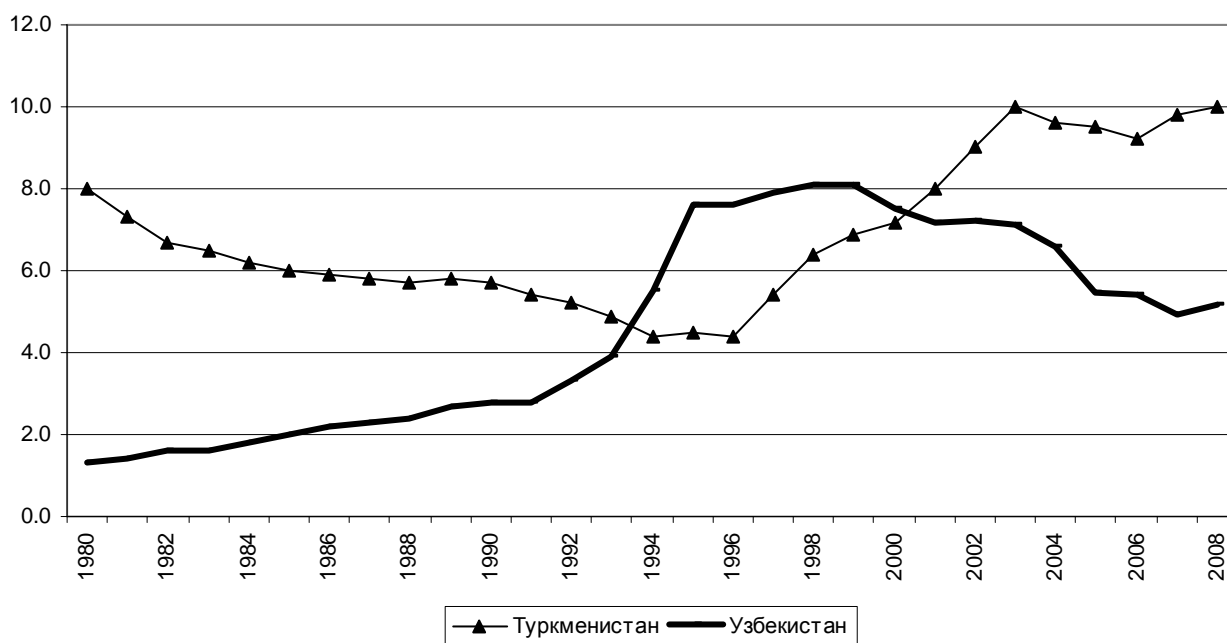
Следует при этом учитывать, что ни Туркменистан, ни тем более Узбекистан, не являются крупными производителями нефти. В Туркменистане в последние годы

¹³⁶ В многочисленных комментариях в казахской деловой периодике отмечается, что присутствие среди крупнейших иностранных инвесторов в нефтяной сектор Казахстана индонезийских компаний объясняется непрозрачностью приватизационных сделок с нефтяными активами страны. Высока вероятность, что за мифическими индонезийскими инвесторами стоят представители современной казахской номенклатуры.

¹³⁷ Tang E. PetroChina May Pay \$1.4 Billion for Kazakh Oil Stake// <http://www.bloomberd.com/apps/news?pid=newsarchive&sid=aFqAwr7ch6dQ> (17 April 2009).

нефтедобыча не превышала 10.5 млн. тонн (см. диаграмму 5.6), причем около трех четвертей добываемого черного золота перерабатывается на местных нефтехимических комплексах, в строительство которых были вложены миллиарды долларов. В Узбекистане же с 2001 г. наблюдается кризис нефтедобычи, который с 2003 г. перешел в острую фазу. В 2008 г. страна произвела всего 5.2 млн. тонн нефти и конденсата, что составляет 64% от пикового уровня 2001 г.

Диаграмма 5.6
Добыча нефти в Туркменистане и Узбекистане в 1980-2008 гг.,
(млн. тонн)*

* - данные за 2008 г. предварительные

Источники: официальная статистика Туркменистана и Узбекистана; международная деловая периодика.

В Узбекистане первопроходцами стали китайская корпорация нефтяной технологии и развития (СРТДС) и компания Ту-На. В 2004 г. последняя инвестировала 7.3 млн. долл. в восстановление месторождения Газли. В свою очередь Китайская нефтяная корпорация по технологии и развитию (СРТДС) осуществила модернизацию 10 нефтяных буровых платформ стоимостью 70 млн. долл. В июле 2004 г. КННК подписала соглашение о сотрудничестве с узбекским государственным холдингом «Узбекнефтегаз». Сотрудничество осуществляется по двум направлениям. Во-первых, в доразработке тяжелых месторождений с низкой отдачей, на которых нефть добывается на протяжении нескольких десятилетий. В Ферганской долине Узбекистана имеются нефтяные месторождения, добыча на которых осуществляется на протяжении уже почти ста лет. Всего на территории страны насчитывается около 500 подобных карликовых месторождений. Во-вторых, «Узбекнефтегаз» стремится перенять китайский опыт в бурении направленных скважин в сложных геологических структурах. Общая стоимость всех намеченных к сотрудничеству проектов оценивается узбекской стороной в 1.5 млрд. долл., причем из этой суммы 911 млн. долл. должны быть предоставлены китайской стороной.

В рамках реализации этого соглашения в 2005 г. китайские компании начали осуществление в Узбекистане 12 проектов в нефтегазовой сфере. КННК инвестирует 47.3 млн. долл. в разработку 23 нефтяных месторождений с трудно извлекаемыми запасами в Бухарско-Хивинском районе и на Усть-Юртском плато. Крупнейшее из этих мелких месторождений Умид имеет запасы в 2.5 млн. тонн. Китайская Sinopet объявила о планах инвестировать 50 млн. долл. в восстановление ряда нефтяных месторождений в восточном Андижане и Намангане. Кроме того, Sinopet намерена инвестировать 56 млн. долл. на геологоразведочные работы в тех же районах.¹³⁸ Компания Dong Shan вкладывает 57 млн. долл. в реабилитацию месторождений в Ферганской области.

С 1998 г. Китай участвует в не крупных проектах по модернизации в нефтедобывающей промышленности Туркменистана, главным образом поставляя в счет связанных кредитов буровое и подъемное нефтяное оборудование. В 1998 г. и 2000 г. объем кредитования достиг 10.7 млн.долл. В декабре 2003 г. КНР открыла Туркменистану беспроцентный кредит с 20-летним сроком погашения в размере 3.6 млн.долл. и параллельно предоставила грант в 1.8 млн.долл. для закупки запасных частей и нефтяного оборудования. Аналогичный кредит объемом около 24 млн. долл. был предоставлен Китаем Туркменистану в июле 2005г.¹³⁹

Китайские компании отметились даже в бедном энергетическими запасами Кыргызстане. Летом 2002 г. две страны подписали соглашение о сотрудничестве в разработке нефтегазовых месторождений на юге Кыргызстана. Опираясь на кредиты и техническую помощь китайских специалистов, эта центральноазиатская страна рассчитывала многократно увеличить добычу нефти с тем, чтобы избавиться от дорогого импорта.¹⁴⁰

Таким образом, даже самые последние сделки китайских компаний и инвестиционного фонда CITIC в Казахстане не делают КНР по-настоящему крупным игроком в конкуренции за центральноазиатскую нефть. Сравнительно скромное присутствие Китая в нефтедобывающей промышленности Казахстана и тем более Евразии объясняется тем, что китайские компании вплоть до настоящего времени не входят в число ведущих игроков мирового нефтяного рынка. Ни финансово, ни, что особенно важно, технологически они в настоящий момент не способны выступить инициатором и лидером крупных международных проектов. Притом, что в каспийском регионе подавляющая часть прироста добычи нефти в 2010-2020 гг. ожидается в шельфовой зоне, китайские компании не имеют опыта работы на шельфе. Не случайно все проекты с китайским участием в Центральной Азии связаны с геологическими сложными, сравнительно небольшими месторождениями, в эксплуатации и реабилитации которых китайские компании накопили немалый опыт.

Китайские государственные нефтяные компании контролируют в настоящее время в Казахстане нефтяные запасы, которых хватит не более, чем на 10 лет. Если говорить о КНР в целом, то роль центральноазиатского региона в обеспечении ее нефтяных потребностей невелика. В то же время казахская нефть играет важное и возрастающее значение для снабжения СУАР и близлежащих западных провинций.

Особо следует сказать о проблеме цен. Внутрикитайские цены на нефть и нефтепродукты остаются ниже мировых уровней. В 2005 г. убытки нефтеперерабатывающих компаний КНР, связанные с поставками нефтепродуктов конечным потребителям по заниженным ценам, составили примерно 3.74 млрд. долл. В конце марта 2006 г. отпускные цены нефтеперерабатывающих предприятий были подняты до 586 долл. за тонну бензина, 507 долл. – за тонну дизельного топлива.¹⁴¹ Однако, по прежнему внутренние цены

---

¹³⁸ Китайская Sinopet будет добывать нефть в Узбекистане// <http://www.rbc.ru> (19 июля 2005).

¹³⁹ Туркмения определилась с использованием льготного китайского кредита// www.turkmenistan.ru (2 января 2006).

¹⁴⁰ Китайская национальная нефтяная корпорация и «Киргизнефтегаз» подписали соглашение о сотрудничестве// <http://www.caspian.ru> (26 августа 2002).

¹⁴¹ Портякова Н. Китай поднял цены на топливо// Коммерсантъ, 29 марта 2006.

существенно отстают от мировых, особенно в силу бурного роста последних в последние несколько лет. То же касается и внутренних цен на сырую нефть. В мае 2006 г. цена на нефть была повышена до 62.5 долл. за тонну¹⁴², что в 4-5 раз уступало тогдашним ценам мирового рынка.

Ситуация может принципиально измениться лишь в том случае, если Китай примет стратегическое решение о диверсификации своего нефтяного импорта за счет увеличения поставок углеводородов из Каспийского региона, а китайские корпорации смогут установить контроль над крупными месторождениями на каспийском шельфе. Зачатки такого сценария уже просматриваются. В 2008 г. Казахстан и КНР активно обсуждали возможности участия китайских компаний в реализации нефтегазовых проектов на шельфе казахского сектора Каспийского моря. Первой ласточкой обещает стать проект «Дархан», по которому стороны близки к заключению соглашения о принципах работы.¹⁴³

Нельзя сбрасывать со счетов и такой вариант развития событий, при котором нефть с каспийских месторождений в КНР будет поставляться американскими и европейскими и/или российскими корпорациями. Встраивание Центральной Азии и Кавказа в международное разделение труда и процессы мирового общения происходит в условиях глобализации. Глобализация рождает новую парадигму конкуренции и сотрудничества. Конкуренция за каспийские ресурсы может привести к образованию самых неожиданных стратегических альянсов транснациональных корпораций и национальных государств.

Возможен и другой вариант. Прежние попытки китайского капитала внедриться в международный консорциум по разработке казахского месторождения Кашаган в марте-мае 2003г. окончились неудачей. Европейские и американские нефтегазовые корпорации не пустили китайские компании в проект¹⁴⁴. Летом-осенью 2005г. американские корпорации и регулирующие власти блокировали стремление КННК выкупить значительную долю контроля в нефтегазовом гиганте Unocal, резервируя акции последнего для покупки их Chevron, несмотря на то, что китайская сторона предлагала бóльшую сумму.¹⁴⁵ Впрочем, необходимо отметить, что и КНР со своей стороны прохладно встречает попытки западных ТНК и российских корпораций внедриться в крупные энергетические проекты по разработке энергоресурсов Западного региона.¹⁴⁶

В том случае, если попытки КНР подключиться к глобальным нефтегазовым структурам будут проваливаться и далее, она будет продолжать действовать в одиночку, тем более что финансовые возможности Китая постоянно растут. Центральная Азия важна не только своими потенциальными углеводородными возможностями, но и тем, что в перспективе она может обеспечить Китаю сухопутный (в комбинации с морским) выход на Иран и Европу.¹⁴⁷ Прямой выход к нефтедобывающим мощностям Персидского залива через Центральную Азию важен для КНР не столько в плане диверсификации источников углеводородов, но главным образом в качестве альтернативного Маллакскому заливу маршрута их доставки в случае непредвиденного обострения международной геополитической ситуации.

Интересно, что все последние годы Иран фигурирует среди крупнейших импортеров казахской нефти. В 2008 г. Иран импортировал из Казахстана почти столько же нефти, сколько Румыния, Испания или Турция (см. таблицу 5.4 выше). С большой долей

¹⁴² Время новостей, 8 июня 2006.

¹⁴³ Совместное коммюнике Правительства РК и Правительства КНР// <http://www.inform.kz/showarticle3.php?lang=rus&id=219714> (31 октября 2008).

¹⁴⁴ См.: СНООС не пускают в Кашаган// Время новостей (Москва), 13 мая 2003; Западные компании блокирует приобретение Sinopet доли в Кашагане// <http://www.rusenergy.com>, 14 мая 2003.

¹⁴⁵ Время новостей (Москва), 9 августа 2005.

¹⁴⁶ Сикамова А., Резник И., Левинский Р. Китай отказал «Газпрому»// Ведомости (Москва), 3 августа 2004.

¹⁴⁷ Xu X. The Oil and Gas Links between Central Asia and China: A Geopolitical Perspective// OPEC Review, Vol.XXIII, N1, March 1999, P.50.

вероятности можно утверждать, что речь идет о своповых сделках китайских компаний. С 1997 г. они поставляют в Иран нефть, добытую в Казахстане, получая взамен эквивалентный объем нефти на экспортных терминалах в Персидском заливе.¹⁴⁸

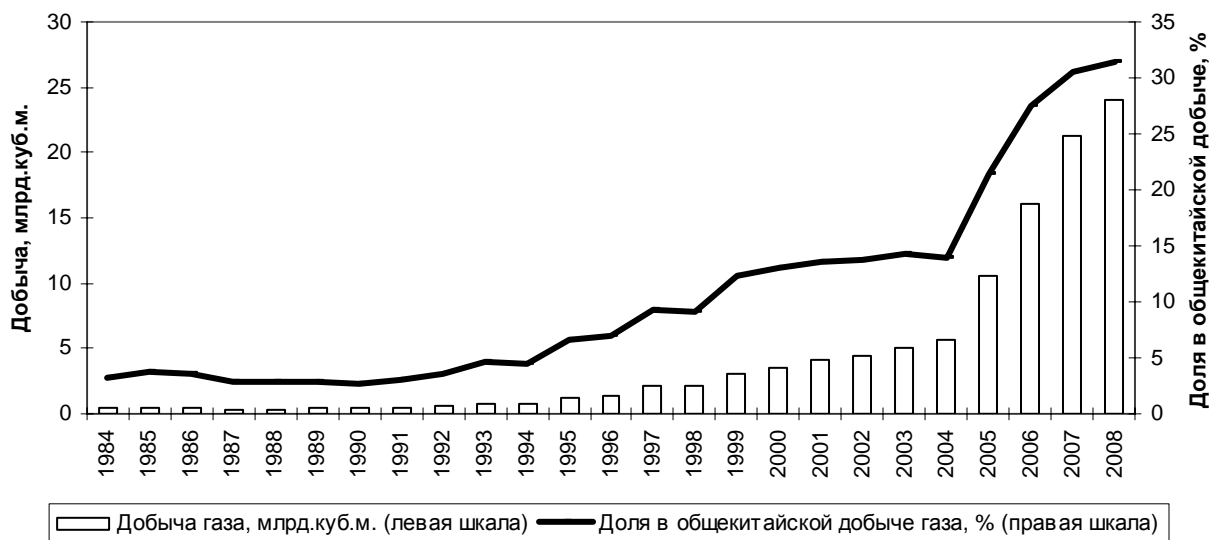
5.6. КНР в глобальной конкуренции за центральноазиатский газ

В начале текущего столетия Китай включился в идущую в Центральной Азии и Евразии в целом «газовую игру». Как и в случае с нефтью между Центральной Азией и Китаем существует объективная взаимодополняемость в газовой сфере.

5.6.1. СУАР в общекитайском газовом уравнении

Начиная с 2006 г. СУАР является крупнейшим производителем природного и ассоциированного газа в КНР. В 2008 г. добыча газа в регионе достигла 24 млрд. куб.м., между тем еще в 2000 г. она составляла 3.5, а в 1990 г. – менее 0.5 млрд. куб.м. Удельный вес СУАР в общекитайской добыче газа достиг в 2008 г. 31.5% по сравнению с 9% и 3% соответственно одним и двумя десятилетиями ранее (см. диаграмму 5.7).

Диаграмма 5.7
Динамика добычи газа в СУАР

Составлено и подсчитано по: официальная статистика КНР.

К 2010 г. КНР планирует увеличить долю газа в энергетическом балансе до 5.3%. Потребление газа должно достигнуть 90 млрд. куб. м, из которых 20 млрд. куб. м. предполагается импортировать по трубопроводам, а 30 млрд. куб.м. – в виде сжиженного природного газа.¹⁴⁹ СУАР принадлежит важная роль в реализации этих планов – в регионе сосредоточена четверть всех запасов газа КНР, причем объем доказанных запасов оценивается в 1.3, а потенциальных – в 10.8 триллионов куб.м.¹⁵⁰ Ожидается, что в 2010 г. добыча газа в СУАР достигнет 30 млрд. куб.м. В регионе открыто три только гигантских месторождения газа: Кела II (запасы 250 млрд. куб.м.), Дина II (170 млрд.куб.м.) и обнаруженное в 2007 г. Дабей II (по оценке, не менее 130 млрд.куб.м.).¹⁵¹ В конце 2008 г. на

¹⁴⁸ China's Worldwide Quest for Energy Security. International Energy Agency, 2000, pp.61-62.

¹⁴⁹ Gas pipeline gets 16b yuan boost// <http://english.people.com.cn/90001/90776/90884/6329833.html>.

¹⁵⁰ Xinjiang leads China in oil, gas production for 1st time in 2007// <http://english.people.com.cn/90001/90778/90857/90860/6332611.html>.

¹⁵¹ Major Xinjiang gasfield found// <http://english.people.com.cn/90001/90776/62806000.html>.

севере Синьцзяна было открыто месторождение Кламели, запасы которого оцениваются в 100 млрд. куб. м.¹⁵² В предстоящие пять – десять лет Синьцзян, по-видимому, превратится в основного производителя этого сырья и топлива в КНР.

Более 60% добываемого в СУАР газа направляется для использования в другие регионы страны.¹⁵³ Данная оценка относится к 2006 г. По мере ввода в эксплуатацию транскитайских газопроводов, это соотношение будет иметь тенденцию к росту. В настоящее время КНР реализует масштабные инфраструктурные проекты, которые позволят доставлять природный газ из СУАР в центральные и южные провинции, являющиеся главными потребителями газа (см. бокс 5.2). Первый магистральный газопровод Запад–Восток был пущен в эксплуатацию в 2004 г. Пропускная способность газопровода протяженностью 4 тыс. км. составляет 12 млрд. куб. м. в год. Газ из СУАР поставляется в 10 провинций, но преимущественно в Шанхай, где наблюдается опережающий рост потребления газа.¹⁵⁴ Если в 2002 г. доля газа в совокупном энергопотреблении Шанхая составляла всего 0.9%, то к 2007 г. этот показатель поднялся до 4%.¹⁵⁵ Имеющиеся запасы сырья позволяют обеспечить загрузку нефтепровода в течение 30 лет.¹⁵⁶

Ресурсной базой газопровода является зона (нередко определяемая как месторождение) Тарим, включающая более 30 нефтяных и газовых месторождений с совокупными доказанными запасами 742 млрд. куб. м. газа, позволяющими стабильно поддерживать ежегодную добычу на уровне 20 млрд. куб. м. на протяжении более 20 лет.¹⁵⁷ В 2007 г. на месторождениях Тарима было добыто 15.5 млрд. куб. м. газа или 72% от всей добычи газа в СУАР. В 2006 г. эти показатели составляли соответственно 11 млрд. куб. м. и 68%. В 2007 г. по газопроводу Запад – Восток I было прокачено 13.7 млрд. куб. м. газа, что на 40% больше аналогичного показателя предыдущего года.¹⁵⁸

Бокс 5.2.

Магистральные газопроводы Запад–Восток КНР

	Пуск в эксплуатацию	Протяженность, км.	Пропускная способность, млрд.куб.м. в год	Стоимость, млрд. долл.
Запад – Восток I	2004	4000	12	около 17
Запад – Восток II	конец 2009	4895	30	до 12
Запад – Восток III	не определен	около 5000	не менее 10	не менее 10

Источники: китайская и мировая деловая периодика.

В августе 2007 г. КНР начала строительство второго магистрального газопровода Запад–Восток. Газопровод протяженностью по китайской территории 4895 км свяжет г. Хоргос в СУАР с южной провинцией Гуандун на юге и Шанхаем на востоке Китая. Пропускная способность газопровода, состоящего из основной магистрали и восьми вспомогательных линий, составит 30 млрд. куб.м. газа в год, газ будет поставляться конечным потребителям в 13 провинциях и автономных регионах, включая СУАР, Ганьсу,

¹⁵² Energy: CNPC finds big gas reserve in Xinjiang// http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2008-12/16/content_7310552.htm.

¹⁵³ Natural gas development of XJ// [http://www.xinjiang.gov.cn/1\\$002/1\\$002\\$013/352.jsp?articleid=2007-1-3-0005](http://www.xinjiang.gov.cn/1$002/1$002$013/352.jsp?articleid=2007-1-3-0005).

¹⁵⁴ China proposes construction of 2nd west-east gas pipeline// http://english.people.com.cn/200512/06/eng20051206_226048.html.

¹⁵⁵ Gas pipeline feasibility in spotlight// <http://english.people.com.cn/90001/90778/90857/90862/6497798.html>

¹⁵⁶ China proposes construction of 2nd west-east gas pipeline// http://www.english.com.cn/200512/06/eng20051206_226048.html.

¹⁵⁷ Natural gas output top 10 Bln cubic meters in Tarim oilfield// [http://www.xinjiang.gov.cn/1\\$002/1\\$002\\$013/352.jsp?articleid=2006-12-7-0003](http://www.xinjiang.gov.cn/1$002/1$002$013/352.jsp?articleid=2006-12-7-0003)

¹⁵⁸ Gas output of China's Tarim oilfield to increase by 40%// <http://enlish.people.com.cn/90001/90778/90857/90861/6325168.html>.

Нинся, Шаньси, Ханань, Аньхуй, Хубэй, Хунань, Цзянси, Гуанси, Гуандун, Чжэцзян и Шанхай.¹⁵⁹ Основными потребителями газа будут Шанхай и Гуандун. Первоначально стоимость проекта оценивалась в 7.3 млрд.долл.¹⁶⁰, однако с учетом центральноазиатского участка (см. об этом ниже), окончательная стоимость ожидается в районе 20 млрд.долл.

В сентябре 2008 г. появились сообщения о том, что CNPC приступила к разработке проекта третьего магистрального газопровода Запад–Восток. Газопровод должен связать СУАР с провинцией Фуцзянь, где в дельтах рек Янцзы и Жемчужная наблюдается опережающий экономический рост. Как и Запад–Восток II он также рассчитывает на центральноазиатские газовые ресурсы. Полная протяженность Запад–Восток III составит 9102 км.¹⁶¹

Сама КНР на настоящий момент не располагает собственной ресурсной базой для заполнения газопровода Запад–Восток II и тем более перспективного газопровода Запад–Восток III. Недостающие объемы газа Китай рассчитывает получить в Центральной Азии и, возможно, России.

5.6.2. Прорыв в Туркменистане

Географически близкая Синьцзяну Центральная Азия естественным образом рассматривается в качестве важнейшего источника природного газа для китайской экономики. Еще в 1996 г. международный консорциум, состоящий из японской Marubeni, американской Exxon и китайской CNPC, подготовил детальное технико–экономическое обоснование строительства магистрального газопровода от туркменского газового месторождения Даулетабад до КНР, Южной Кореи и Японии через территорию Узбекистана и Казахстана. Стоимость прокладки газопровода на тот момент была оценена в 9-11 млрд. долл., и проект был признан нереалистичным.¹⁶²

Планы Китая по расширению газового сотрудничества с Центральной Азией особенно активизировались после пуска в эксплуатацию в сентябре 2004 г. магистрального газопровода Запад–Восток I, соединившего Урумчи с Шанхаем. Строительство магистрального газопровода Запад–Восток II, связывающего Синьцзян–Уйгурский автономный район с восточными провинциями КНР, уже синхронизировано со строительством газопровода в КНР из Центральной Азии.

Первоначально партнером КНР в газовой сфере в центральноазиатском регионе стал Казахстан, который рассчитывает в ближайшее десятилетие значительно увеличить добычу газа и, к тому же, представляет важное звено на пути транзита в Китай туркменского и, возможно, узбекского газа. В 2004 г. Китай возобновил переговоры с Казахстаном о возможном строительстве газопровода в КНР. Казахстан со своей стороны заявил о намерении поставить в КНР в 2008 г. до 10 млрд., а к 2020 г. – до 30 млрд. куб. м. природного газа. Газ планируется поставлять с месторождений Карачаганак, Тенгиз и Кашаган.¹⁶³

Казахстан стратегически важен для Китая и в качестве транзитного государства для импорта энергоносителей из других центральноазиатских стран. Откровенно эту мысль выразил заместитель директора Института России, стран Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук Китая Дун Сяоян: «Китай должен поддерживать развитие сотрудничества Казахстана с другими центральноазиатскими странами для того, чтобы РК стал не только политическим, но и экономическим лидером региона, особенно

¹⁵⁹ Building starts on gas pipeline// <http://english.people.com.cn/90001/90778/90860/6359407.html>.

¹⁶⁰ Chinese oil giant to finance Central Asia–China gas pipeline// <http://english.people.com.cn/90001/90778/90857/6329795.html>.

¹⁶¹ Gas pipeline feasibility in spotlight// <http://english.people.com.cn/90001/90778/90857/90862/6497798.html>.

¹⁶² Газопроводы: состояние и перспективы// Нефтегазовая вертикаль, №20, 2007.

¹⁶³ Бутырина Е. Казахстан со строительством альтернативного газопровода в Китай намерен усилить позиции в переговорах с “Газпромом”// Панорама, №39, 14 октября 2005.

региональной энергетической державой. То есть необходимо сотрудничество Казахстана не только с Китаем, но и с центральноазиатскими соседями. Можно опираться не только на свои богатства, но и на ресурсы Узбекистана и Туркменистана. Таким образом, Казахстану необходимо думать не только о своем статусе страны-производителя и экспортера углеводородов, но и играть роль транзитной страны для транспортировки энергоресурсов. Тем самым Казахстан создаст и сможет контролировать сеть поставок энергоресурсов по региону и вне его пределов. При этом будет сохранен принцип многовекторности и многообразия путей транспортировки энергоресурсов ... Казахстан на своей территории может создать рыночную сеть транзита энергоресурсов для всей Центральной Азии, которая будет контролироваться вашей же страной. Конечно, для этого нужна консолидация усилий с Кыргызстаном, Узбекистаном и другими центральноазиатскими соседями».¹⁶⁴

Некоторые эксперты полагают, что Казахстан намеренно подключил китайскую сторону к обсуждению региональных газовых проектов, рассчитывая тем самым добиться определенных уступок со стороны России.¹⁶⁵ Дело в том, что в настоящее время весь казахстанский экспорт газа идет через газотранспортную инфраструктуру российского «Газпрома». Казахстан, как и Туркменистан, и Узбекистан на протяжении ряда лет добивались от «Газпрома» повышения цен накупаемый природный газ. Появление китайской альтернативы полностью отвечает интересам всех центральноазиатских газоэкспортеров, так как усиливает их позиции в отношениях с российским «Газпромом», монополия которого на транзит и покупку голубого топлива в регионе может быть поколеблена. Более того, не исключено, что возможная переориентация даже части туркменского газа в КНР в среднесрочной перспективе обернется для «Газпрома» серьезным дефицитом сырья. Последний при заключении международных контрактов на европейском рынке исходил из того, что он будет получать весь объем экспортируемого Туркменистаном газа.¹⁶⁶

Однако версия об использовании китайского козыря в казахско–русской игре, даже если она и имеет под собой некоторые основания, очевидно, неполна. Скорее, нужно говорить о том, что остро нуждающийся в энергетических ресурсах Китай реализует собственный план, всеми способами поощряя конкуренцию между постсоветскими экспортерами газа. Нарастающее китайско–центральноазиатское газовое сотрудничество является для КНР средством косвенного давления на Россию. В марте 2006 г. КНР достиг с Россией принципиального согласия о строительстве двух газопроводов. Западный и восточный газопроводы, пропускной способностью до 30 млрд. куб. м. каждый предназначены для снабжения природным газом западных и восточных провинций Китая. При этом западный газопровод планируется построить в направлении Синьцзяна.¹⁶⁷

Учитывая, что ключевой проблемой в проектах импорта газа из России является уровень цен на газ, КНР через активизацию газового сотрудничества с Казахстаном, Узбекистаном и особенно Туркменистаном ищет рычаги дополнительного давления на Газпром. Ведение одновременных параллельных переговоров с максимально широким кругом потенциальных поставщиков сырья позволяет импортеру энергоресурсов обострить конкуренцию между ними и добиться серьезных уступок. Это – стандартный прием ведения бизнеса.

На момент написания настоящей работы основные надежды КНР в Центральной Азии связаны с туркменским газом. В 2003 – 2005 гг. CNPC в рамках серии сервисных и доразведочных контрактов с правительством Туркменистана реализовала ряд проектов на

---

¹⁶⁴ В наших интересах видеть Казахстан в качестве региональной державы – интервью с китайским ученым//<http://www.inform.kz/showarticle.php?id=148656> (20 марта 2006).

¹⁶⁵ Бутырина Е. Казахстан со строительством альтернативного газопровода в Китай намерен усилить позиции в переговорах с «Газпромом»// Панорама, №39, 14 октября 2005.

¹⁶⁶ Гриб Н., Сидоренко А. Туркменбаши положил газ на Китай// Коммерсантъ, 12 апреля 2006.

¹⁶⁷ «Газпром» и CNPC начали коммерческие переговоры// Время новостей, 12 мая 2006.

правом берегу реки Аму–Дарья и подтвердила наличие крупных углеводородных запасов в этой зоне.

Газовый прорыв произошел в апреле 2006 г., когда КНР и Туркменистан подписали стратегическое пакетное соглашение по развитию газового сектора. Соглашение предусматривает строительство магистрального газопровода из Туркменистана в КНР пропускной способностью 30 млрд.куб.м. в год. Поставки газа должны производиться на протяжении 30 лет, начиная с 2009 г.¹⁶⁸ В качестве ресурсной базы для заполнения газопровода была намечена газоносная территория на правом берегу р.Аму–Дарья с совокупными запасами до 1700 млрд.куб.м.

Самое интересное в этом соглашении то, что оплачивать туркменский газ КНР будет на границе Туркменистана. Притом, что попасть в Китай этот газ может только через территорию третьих стран, КНР, как это следует из статьи 5 соглашения, взяла на себя обязательства договориться о транзите туркменского газа через территорию последних. Уверенность КНР в том, что ей удастся урегулировать вопросы строительства газопровода и транзит туркменского газа через территорию Узбекистана и Казахстана, свидетельствует о том, эта страна полностью освоилась в регионе в качестве ведущего игрока. Китай рассчитывает связать воедино казахский, узбекский и туркменский газопроводы.

В ноябре 2006 г. Туркменистан уполномочил CNPC на проведение разведочных работ на месторождении Гунорта Йолотень с потенциальными запасами газа до 7000 млрд. куб.м. Государственный концерн Туркменгеология подписал трехлетний сервисный контракт с CNPC – Changqing Petroleum Exploration Bureau по бурению двенадцати разведочных скважин на глубину до 5000 метров на Гунорта Йолотень. Стоимость работ была определена в 152 млн. долл.¹⁶⁹

В июле 2007 г. новый президент Туркменистана Г. Бердымухаммедов подтвердил предыдущие договоренности в газовой сфере, достигнутые во время правления С.Ниязова. КНР и Туркменистан подписали соглашение о разделе продукции по разработке месторождений зоны Багтыярлык на правом берегу Аму–Дарьи. Наряду с этим было подписано соглашение о покупке природного газа, предусматривающее первые поставки в 2009 г.¹⁷⁰ Согласно информации PetroChina, с месторождений зоны Багтыярлык в газопровод ежегодно будет поставляться 13 млрд. куб. м. газа.¹⁷¹ Остальные 17 млрд.куб.м. будут поступать с других месторождений.¹⁷²

В конце 2007 г. CNPC обнародовала планы об инвестировании 216 млрд.долл. в строительство центральноазиатской части газопровода Запад – Восток II. Каждое из двух дочерних предприятий CNPC – PetroChina и China National Oil and Gas Exploration and Development Corporation (CNODC) – профинансируют по 50% инвестиций. Другое дочернее предприятие китайской национальной нефтяной компании CNPC Exploration and Development Company Ltd. (CNPC E&D) будет осуществлять строительство газопровода. С этой целью CNPC E&D создало 100% дочернюю компанию Trans-Asia Gas Pipeline Company Ltd.¹⁷³

¹⁶⁸ Туркменский газ пойдет на восток// http://www.turkmenistan.ru/?page_id=5&lang_id=ru&elem_id=event&sort=date_desc (4 апреля 2006).

¹⁶⁹ Успенский А. «Китайцы пробурят Туркмению, РБК-daily, 22 ноября 2006; “CNPC signs US\$1.5b contract with Turkmenistan”// http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2007-05/16/content_873891.htm.

¹⁷⁰ “Sino-Turkmenistan Amu Darya Right Bank natural gas project launched”// <http://www.cnpc.com.cn/eng/press/newsreleases/Worldwide/2b2f7ada-7d83-4766-9851-d5170ce54ede.htm>.

¹⁷¹ Poon. A. PetroChina first-half net beats forecasts; gas deal inked// <http://www.marketwatch.com/news/story/petrochina-first-half-net-beats-forecasts/story.aspx?guid={0EA58A30-4377-40EF-8485-B7CFF82C6F42}>.

¹⁷² Комаров В. Стройка века: жесткий график, высокие темпы// <http://www.turkmenistan.gov.tm/?idr=6&id=090129a> (29 января 2009).

¹⁷³ Chinese oil giant to finance Central Asia-China gas pipeline// <http://english.people.com.cn/90001/90778/90857/90860/6329795.html> (29 December 2007).

В апреле 2008 г. Trans-Asia Gas Pipeline Company Ltd и национальная холдинговая компания «Узбекнефтегаз» создали на паритетной основе совместное предприятие СП ООО Asia Trans Gas, которое выступает заказчиком и финансирующим органом по реализации проекта газопровода.¹⁷⁴ Практически одновременно для выполнения проекта на территории Казахстана по аналогичной схеме было создано совместное предприятие между Trans-Asia Gas Pipeline Company Ltd. и АО «КазТрансГаз».¹⁷⁵ При этом Казахстан намерен использовать магистральный газопровод для налаживания газоснабжения собственных южных областей – Южно– Казахстанской, Жамбыльской и Алматинской, которые в настоящее время вынуждены закупать газ у Узбекистана, а также экспорта собственного газа в объеме около 10 млрд. куб. м. С этой целью пропускная способность магистрального газопровода Туркменистан – Китай на территории Казахстана будет увеличена до 40 млрд. куб. м.¹⁷⁶ Первая или основная линия газопровода Центральная Азия – Китай по территории Казахстана пройдет по маршруту казахско–узбекская граница – Шымкент – Алматы – Хоргос. Вторая ветка пройдет по маршруту Бейнеу – Бозой – Кызылорда – Шымкент.¹⁷⁷

29 августа 2007 г. состоялась официальная церемония открытия строительства газопровода Туркменистан–КНР. Туркменистан предоставил CNPC лицензию оператора по поиску и разработке газа, лицензию подрядчика по добыче, а также карту контрактной территории Багтыярлык.¹⁷⁸ На территории Туркменистана связующий стык газопровода будет построен российской компанией Стройтрансгаз. Линия протяженностью 188 км. свяжет месторождение Малай на востоке страны с населенным пунктом Гедаим на границе Туркменистана и Узбекистаном.¹⁷⁹

Открытию строительства газопровода на территории Туркменистана предшествовали аналогичные мероприятия в Узбекистане и Казахстане. 30 июня 2008 г. неподалеку от Бухары было официально начато строительство узбекского участка газопровода Туркменистан–Китай.¹⁸⁰ 9 июля 2008 г. официальное открытие строительства газопровода состоялось в Казахстане.¹⁸¹ Протяженность трубопровода по территории Узбекистана составит – 530 км., Казахстана – 1300 км (см. бокс 5.3 ниже). Газопровод представляет собой систему, состоящую из двух параллельных трубопроводов диаметром 1067 мм. Пуск первого из них намечен на декабрь 2009 г., второго – на 2011 г.¹⁸²

В целом строительство центральноазиатского ответвления газопровода Запад–Восток II оценивается в 6.5 млрд. долл.¹⁸³

В конечном счете, по газопроводу в КНР из Центральной Азии может в будущем поставляться не только туркменский, но и казахский, и узбекский газ. В Узбекистане китайские компании уже принимают участие в двух перспективных газовых проектах. В июне 2006 г. Китайская национальная корпорация по добыче и развитию нефти и газа (China

¹⁷⁴ Создано узбекско–китайское СП для строительства и эксплуатации газопровода «Узбекистан–Китай» // <http://www.inform.kz/showarticle3.php?lang=rus&id=204676>.

¹⁷⁵ Газ Туркменистана пойдет в Китай по южным областям Казахстана// <http://www.inform.kz/showarticle3.php?lang=rus&id=205570>.

¹⁷⁶ В Алматинской области состоялась презентация проекта магистрального газопровода «Казахстан–Китай»// <http://www.inform.kz/showarticle3.php?lang=rus&id=206749>.

¹⁷⁷ «КазМунайГаз» и CNPC подписали соглашение о расширении сотрудничества в области поставок природного газа// <http://www.inform.kz/showarticle3.php?lang=rus&id=219732> (18 января 2009).

¹⁷⁸ Панорама: нефть и газ// Нефтегазовая вертикаль, №34, 2007.

¹⁷⁹ Russian contractor wins tender for portion of Turkmenistan-China gas pipeline// <http://business.uzreport.com/mir.cgi?lan=e&id=42951>.

¹⁸⁰ China-Uzbekistan gas pipeline starts construction// <http://english.people.com.cn/90001/90776/90883/6440685.html>.

¹⁸¹ В РК началось строительство магистрального газопровода «Казахстан–Китай»// <http://inform.kz/showarticle3.php?lang=rus&id=211300>.

¹⁸² В Бухарской области началось строительство газопровода «Узбекистан – Китай»// <http://inform.kz/showarticle3.php?lang=rus&id=210743>.

¹⁸³ Строительство газопровода Туркмения–Китай обойдется в \$6,5 млрд.// <http://www.inform.kz/showarticle3.php?lang=rus&id=201608>.

National Oil and Gas Exploration and Development Corporation – CNODC) заключила соглашение с «Узбекнефтегазом» о проведении поисковых и разведочных работ на пяти инвестиционных блоках в Усть-Юртском районе в Бухарской и Хивинской областях, а также в Ферганской области. В течение пяти лет CNODC инвестирует в проект 208 млн. долл., и в том случае, если будут обнаружены углеводороды, китайская и узбекские компании создадут на паритетной основе совместное предприятие для эксплуатации месторождений.¹⁸⁴

В августе 2006 г. КННК в составе международного консорциума, включающего также узбекский «Узбекнефтегаз», российскую Лукойл, малайзийскую Petronas и южнокорейскую национальную нефтяную корпорацию подписала соглашение о разделе продукции по проведению поисковых и разведочных работ в узбекском секторе Аральского моря. В 2007–2009 гг. консорциум, в котором каждому из пяти участников принадлежит по 20%, инвестирует 100 млн. долл. в поисковые работы. По некоторым оценкам потенциальные запасы в контрактной зоне могут составить 1 трлн. куб. м.¹⁸⁵ Следует, правда, помнить, что в конце 1990-х годов японские компании в течение нескольких лет проводили геологическую разведку в казахстанской части Аральского моря, но вынуждены были свернуть проект ввиду его бесперспективности.

Вызванный глобальным финансово-экономическим кризисом резкий спад потребления газа в Украине и Европе в 2009 г. заставил Газпром сократить закупки туркменского газа и отодвинуть на неопределенное время планы по увеличению закупок узбекского газа. Это поставило под угрозу экспортные планы Узбекистана, который в 2009–2010 гг. рассчитывал увеличить поставки газа в портфель Газпрома. Как итог Узбекистан начал прорабатывать возможности экспорта по альтернативным маршрутам. В мае 2009 г. начались узбекско-китайские консультации по вопросу поставок узбекского газа в КНР по трубопроводу Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Синьцзян.¹⁸⁶

5.6.3. Экономика газовых проектов Китай – Центральная Азия

В центральноазиатском-китайском газовом сценарии остается много неясного. Элементы неопределенности связаны в первую очередь с ценами. Внутрикитайские цены на первичные энергоносители, несмотря на заметный рост в последние годы, заметно ниже среднеевропейских уровней. В конце 2005 г. цена на природный газ первого класса для промышленных потребителей была повышена до 980 юань (примерно 120 долл.) за 1000 куб.м., цена же газа второго класса, к которому относится и газ, добываемый в СУАР), остается на более низком уровне.¹⁸⁷ Рост потребления газа по субсидируемым ценам возможен только в том случае, если центральное правительство возьмет на себя покрытие разницы между закупочными ценами и внутренними ценами для промышленных потребителей и домохозяйств. Впрочем, нельзя исключать и такой вариант, что некоторые центральноазиатские производители газа установят для КНР особый уровень цен. Намек на такую возможность есть в генеральном газовом соглашении Китая с Туркменистаном, в статье 4 которого введено нечеткое понятие «разумная и справедливая цена».¹⁸⁸

Примечательно, что вплоть до конца 2008 г. проекты экспорта центральноазиатского газа в КНР обсуждались почти исключительно в организационном и инженерно-техническом, но не экономическом ключе. Вплоть до момента завершения настоящей работы не поступило никакой сколько-нибудь существенной информации о цене экспортируемого газа. Некоторые источники, ссылаясь на официальных представителей PetroChina, отмечали,

¹⁸⁴ Китайская CNODC учредила в Узбекистане дочернюю компанию// <http://business.uzreport.com/main.cgi?lan=r&pg=130> (26 декабря 2006).

¹⁸⁵ Газ со дна Аральского моря// <http://neftegaz.ru/lenta/show/58245/> (19 сентября 2005).

¹⁸⁶ Газопровод из Туркмении в Китай будет пополняться узбекским газом// Время новостей, 15 мая 2009.

¹⁸⁷ China to raise factory price of natural price// http://www.english.people.com.cn/200512/27/eng20051227_20051227_230963.html.

¹⁸⁸ Туркменский газ пойдет на восток// http://www.turkmenistan.ru/?page_id=5&lang_id=ru&elem_id=event&sort=date_desc (4 апреля 2006).

что в январе 2008 г. Китай и центральноазиатские экспортеры якобы достигли договоренности о том, что цена на газ составит 195 долл. за 1000 куб.м. на границе Казахстана–КНР. В эту цену входят 145 долл. в качестве платежа Туркменистану и 50 долл. в качестве транзитных платежей Узбекистану и Казахстану, все в расчете на 1000 куб.м. Полагается также, что цена на газ будет привязана к стоимости корзины, состоящей из нефти и нефтепродуктов, и колебаться в определенном режиме, согласованном с динамикой мировых нефтяных цен.¹⁸⁹ Данная информация не была подтверждена ни китайскими, ни туркменскими официальными источниками.

Таким образом, на момент завершения настоящей работы перспективы экспорта центральноазиатского, главным образом туркменского, газа в КНР оставались достаточно неопределенными. В чисто рыночных координатах проект газопровода Туркменистан–Узбекистан–Казахстан–Китай может оказаться убыточным предприятием. Издержки транспортировки газа на расстояние более 6 тысяч км. способны вывести проект за рамки рыночной эффективности (см. бокс 5.3). Учитывая гигантские расстояния, проект может быть успешен только в том случае, если китайское правительство возьмет на себя издержки по созданию газотранспортной инфраструктуры, а в дальнейшем будет субсидировать прокачку газа.

Бокс 5.3.

Протяженность альтернативных маршрутов экспорта газа из Туркменистана (км)

Туркменистан – КНР						
	Туркменистан	Узбекистан	Казахстан	СУАР	Шанхай	Всего
до Шанхая	188	530	1300	4000		6018
Туркменистан – Кавказ - Турция						
	Туркменистан	дно Каспийского моря	Азербайджан	Грузия	Турция	Всего
до Анкары	990	280	410	225	320 (+800)	2225(3025)
Туркменистан – Афганистан – Пакистан – (Индия)						
	Туркменистан	Афганистан	Пакистан		Всего	
до Мултана	200	830	400		1430	
до Фазилка (Индия)	145	735	800		1680	
Туркменистан – Казахстан – Узбекистан – Россия – Украина - Европа						
	Туркменистан	Казахстан		Россия	Украина	Всего
через Казахстан	427	1253		778	1456	4682
	Туркменистан	Узбекистан	Казахстан	Россия	Украина	Всего
через Узбекистан	763	245	856	778	1456	4098

Источники: Газопроводы: состояние и перспективы// Нефтегазовая вертикаль №20, 2007; Глаголев А.И., Орлов Ю.Н. Газотранспортные проекты ОАО «Газпром» в Средней Азии; Котов В. Труба Туркменбаши// http://www.turkmenistan.ru/page_id=5&lang_is=ru&elem_id=2406&type=event&sort=date_desc. (4 июля 2003); деловая периодика.

¹⁸⁹ China, Turkmenistan agree on gas export price of 195 usd per 1000 cu m// <http://www.chinamining.org/News/2008-01-22/1200984857d8810.html>.

В принципе аналогичные соображения применимы и к газопроводу Центральная Азия–Россия–Украина–Европа. Следует, однако, помнить, что последний газопровод был создан в тотально нерыночной советской хозяйственной системе. Все начальные издержки по его строительству были профинансированы государственным бюджетом. Постсоветским хозяйствующим субъектам он достался по остаточной цене, фактически бесплатно, без обременений для структуры капитала и текущей активности компаний. К тому же этот газопровод несколько короче планируемого газопровода Центральная Азия–КНР.

Безусловно, если правительство КНР, руководствуясь стратегическими соображениями, приняло решение построить газотранспортную инфраструктуру Центральная Азия–Китай, невзирая на возможную микроэкономическую неэффективность проекта, газопровод будет построен. Вплоть до настоящего времени сверхвысокие темпы экономического роста позволяли властям КНР игнорировать вопросы рыночной эффективности инвестиций. Баланс убытков и выгод подводился на уровне экономики в целом, а не отдельных проектов. И все же вопрос о рыночной эффективности остается в повестке дня. С одной стороны, в условиях мирового кризиса Китай, возможно, более не может позволить себе мириться с чудовищной неэффективностью капитальных вложений.¹⁹⁰ С другой стороны, в отличие от своего китайского партнера, Туркменистан, Казахстан и Узбекистана заинтересованы в экспорте своего природного газа по высоким рыночным ценам и не могут позволить себе отступать от принципов рыночного ценообразования.

5.6.4. Центральная Азия как возможный газовый мост в Иран

Как возможный поставщик природного газа принципиальный интерес для КНР представляет Иран. Согласно сообщениям новостных агентств, в последние два–три года было подписано несколько соглашений о возможном участии китайских компаний в разработке газовых месторождений Северный Парс (запасы оцениваются в 1.4 трлн. куб. м) стоимостью 16 млрд. долл.

Потенциально, если КНР сочтет необходимым строительство сухопутного энергетического коридора на Иран (Ближний Восток) – Синьцзян через Центральную Азию, последняя станет ключевым партнером Китая в этом проекте. Именно в привязке к этим потенциальным проектам следует рассматривать нарастающую дипломатическую активность Ирана в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), где эта страна получила статус наблюдателя. Саммиты ШОС, ставшей в некотором смысле зонтиком для экономического и энергетического продвижения КНР на постсоветском пространстве (эти вопросы подробно анализируются в **Главе 7 «Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – механизм реализации экономических интересов Китая»**), важны для Ирана прежде всего потому, что здесь в предварительном порядке обсуждаются возможности создания инфраструктуры для транспортировки иранской (и ближневосточной) нефти и газа в Китай через территорию Центральной Азии.

Для Китая и Ирана привлекательность создания такого энергетического моста дополнительно повышается и потому, что он будет находиться вне зоны прямого действия военных сил США и блока НАТО.

5.7. Сотрудничество в ядерной энергетике

Растущий интерес Китай проявляет к сотрудничеству с центральноазиатскими странами в сфере ядерной энергетике. Казахстан – третий крупнейший производитель

---

¹⁹⁰ Подробнее о макроэкономической неэффективности инвестиционного процесса в китайской экономике см. в: Fan E.X., Felipe J. The Diverging Patterns of Profitability, Investment and Growth of China and India, 1980–2003. Centre for Applied Macroeconomic Analysis. The Australian National University. CAMA Working Paper No.22, November 2005.

природного урана в мире после Канады и Австралии. Добыча урана в республике растет опережающими темпами, в результате чего доля Казахстана в мировой добыче этого металла выросла с 7.8% в 2002 г. до 16.1% в 2007 г. (см. таблицу 5.8). Узбекистан входит в десятку крупнейших производителей природного урана. Его доля в совокупном мировом производстве стабильно составляет 5-6%.

Таблица 5.8.

Добыча урана в Казахстане и Узбекистане: фактические данные и прогнозы*

	Казахстан		Узбекистан	
	тонн	% мировой добычи	тонн	% мировой добычи
1997	795			
2000	1752			
2001	2022			
2002	2710	7.8	1860	5.2
2003	2946	9.3	1598	4.5
2004	3719	9.2	2016	5.0
2005	4346	10.4	2300	5.5
2006	5281	13.4	2260	5.7
2007	6637	16.1	2320	5.6
2008	8521			
2009	11900			
2010	(до 15000)			
2015	11700 (до 27000)			

* - при расчете доли Казахстана в мировой добыче урана использована международная статистика, которая незначительно отличается от официальной национальной статистики.

Источники: Бутырина Е. Объем добычи урана в Казахстане в 2007 году вырос на 25,7%// Панорама №3, 1 февраля 2008; Бутырина Е. “Казатомпром” в 2006 году на 3,9% увеличил добычу урана// Панорама, №3, 2 февраля 2007; казахская деловая периодика; World Uranium Mining// <http://www.world-nuclear.org/info/inf23.html>.

В 2006–2008 гг. национальная акционерная компания Казахстана «Казатомпром» подписала соглашения о стратегическом партнерстве с китайскими компаниями China National Nuclear Corporation (CNNC) и China Guandong Nuclear Power Corporation (CGNPC). Эти соглашения предусматривают долгосрочные поставки природного урана для нужд атомной энергетики КНР, совместную разработку урановых месторождений на территории Казахстана, производство топлива для китайских атомных станций, а также участие в строительстве атомных электростанций в Китае.¹⁹¹

К началу 2008 г. КНР одобрила планы по строительству 56 новых атомных станций, и по некоторым оценкам это число может увеличиться до 100–120 станций. В структуре издержек по сооружению атомной электростанции на строительство приходится примерно половина. Казахстан в партнерстве с китайскими компаниями намерен занять значительную часть этого рынка.¹⁹² В мае 2009 г. Казахстан и Китай договорились о создании совместного предприятия по строительству атомных электростанций, причем китайская сторона не

¹⁹¹ НАК «Казатомпром» превращается в холдинг с полным ядерным циклом и выпуском конечной продукции// <http://inform.kz/showarticle3.php?lang=rus&id=220186> (6 ноября 2008).

¹⁹² Мировой финансовый кризис не отразится на атомной энергетике// <http://inform.kz/showarticle3.php?lang=rus&id=220388> (11 ноября 2008).

исключила возможность сотрудничества с Казахстаном по строительству ядерных объектов в третьих странах.¹⁹³

Запасы природного урана на территории Казахстана оцениваются в 1.7 млн. тонн, что составляет около 15% мировых запасов этого металла. Из них около 1.2 млн. тонн пригодно для добычи способом подземного выщелачивания (ПВ), наиболее дешевым и щадящим по отношению к окружающей природной среде.¹⁹⁴

С 1999 г. добыча урана в Казахстане быстро растет, и к 2008 г. она составила 8521 тонн (см. таблицу 5.8). Согласно первоначальной Программе развития урановой промышленности Республики Казахстан на 2004–2015 гг. к 2015 г. добыча природного урана в стране должна достигнуть 11.7 тыс. тонн. Позднее появились некоторые признаки того, что намеченная программа может быть реализована и с опережением. В зависимости от ситуации в мировой атомной энергетике, а также скоростью прихода иностранных инвесторов в казахскую урановую промышленность, уже к 2010 г. производство природного урана может достичь 15, а с 2015 г. стабилизироваться на уровне 27 тыс. тонн.

Китайские компании примут участие в разработке трех урановых месторождений в Казахстане. CGNPC будет работать на месторождениях Ирколь с ожидаемой годовой добычей 750 тонн урана и Семизбай (500 тонн). CNNC намерена разработать месторождение Жалпак с годовой производительностью до 750 тонн урана. Добыча на Ирколе уже началась, запуск Семизбая намечена на 2009 г., и только Жалпак находится в стадии подготовки к запуску. В каждом из проектов китайские компании получили по 49% акций.¹⁹⁵

Согласно планам, раскрытым казахской стороной, Казахстан намерен поставлять в КНР природный уран, который будет обогащаться китайскими компаниями и возвращаться на Ульбинский металлургический завод (АО «УМЗ»), где будут производиться урановые таблетки, а в перспективе и топливные сборки, используемые в атомных реакторах. Как подчеркивает казахская сторона, рынок ядерного топлива Китая закрыт для иностранных поставщиков, и Казахстан фактически становится единственной страной, для которой КНР делает исключение.¹⁹⁶

Это создает дополнительные возможности для Казахстана, который не располагает всеми стадиями ядерного топливного цикла, а обеспечивает только добычу урана и изготовление топливных таблеток из различных типов сырья на АО «УМЗ». С 1973 г. УМЗ производит таблетки, которые используются на ядерных реакторах типа ВВЭР и РБМК в России и Украине.¹⁹⁷ Имея доступ к богатым запасам природного урана в условиях намечающегося его глобального дефицита, «Казатомпром» совместно с УМЗ намерен предложить мировым энергетическим компаниям выгодный пакет услуг, включая добычу и изготовление топливных таблеток. При этом важным моментом является установление сотрудничества с мировыми компаниями, имеющими недостающие стадии ядерного цикла.¹⁹⁸ Опираясь на сотрудничество с японскими, американскими, французскими, канадскими и российскими компаниями, Казахстан рассчитывает к 2015 г. занять до 30% мирового рынка готового ядерного топлива.¹⁹⁹

¹⁹³ Бутырина Е. Казахстанско–китайское СП к 2020 году построит в Китае несколько десятков атомных электростанций// Панорама, N16, 1 мая 2009.

¹⁹⁴ Бутырина Е. «Казатомпром» намерен до 2050 года добыть около 1200 тыс. тонн урана// Панорама №22, 9 июня 2006; Uranium and Nuclear power in Kazakhstan// <http://www.world-nuclear.org/info/inf89.html>.

¹⁹⁵ Казахстан и Китай будут совместно разрабатывать месторождения урана// <http://www.mineral.ru/News/34371.html> (13 ноября 2008); New Uranium Mining Projects – Kazakhstan// <http://www.wise-uranium.org/upkz.html>; Uranium and Nuclear power in Kazakhstan// <http://www.world-nuclear.org/info/inf89.html>.

¹⁹⁶ Ташимов Т. «Казатомпром» пропишется на китайском рынке// Эксперт Казахстана, №21, 4 июня 2007.

¹⁹⁷ Uranium and Nuclear Power in Kazakhstan// <http://www.world-nuclear.org/info/inf89.html>.

¹⁹⁸ Бутырина Е. По мнению специалистов, настало время развивать в РК атомную энергетику как наиболее экономичный и экологически чистый источник энергии// Панорама №23, 16 июня 2006.

¹⁹⁹ Uranium and Nuclear Power in Kazakhstan// <http://www.world-nuclear.org/info/inf89.html>.

Несмотря на то, что в настоящее время сотрудничество КНР в центральноазиатском регионе в сфере атомной энергетики развивается исключительно с Казахстаном, не исключено, что в перспективе в орбиту китайских ядерных интересов попадет и Узбекистан.

5.8. Потенциальные электромосты

Энергетическое сотрудничество КНР и Центральной Азии не ограничивается первичными энергоносителями. В последние годы были реанимированы планы экспорта электроэнергии из стран Центральной Азии в КНР. Наиболее масштабные проекты такого рода рассчитывает реализовать Казахстан.

Специальная казахстанско-китайская рабочая группа работает над проектом строительства угольной электростанции мощностью порядка 7200МВт. Электростанцию предполагается построить на угольном месторождении Экибастуз. Ежегодно она будет потреблять около 20 млн. тонн угля. Вырабатываемую электроэнергию в объеме до 40 млрд. кВт/ч. предполагается экспортировать в центральные районы Китая по высоковольтным линиям постоянного тока протяженностью 3600-4800 километров. Оценочная стоимость строительства станции составит US\$4,5-7 млрд. В качестве источника финансирования рассматривается Банк развития Китая.²⁰⁰

С 2004 г. по линиям мощностью 10 кВ через пограничные пункты Торугарт и Иркештам электроэнергию в Китай экспортирует Кыргызстан. Однако эти поставки не превышают 1 млн. кВт-ч в год, а экспортные доходы кыргызской стороны составляют около 23 тыс. долл.²⁰¹

Другим потенциальным экспортером электроэнергии в Китай может выступить Таджикистан. Согласно сообщениям таджикской деловой периодики, китайская компания China Theban Electric намерена построить в этой центральноазиатской республике две линии электропередач «Север-Юг» мощностью 500 и 220 кВт для подачи электроэнергии в сопредельные районы Китая. Первая ЛЭП намечена по маршруту Душанбе – Баткен(Кыргызстан) – СУАР. Стоимость этих проектов оценивается в 340 млн. долл., причем 300 млн. долл. должно выделить китайское правительство.²⁰²

Опуская негативные экологические последствия строительства угольных электростанций, отметим, что электроэнергетические проекты в Центральной Азии с прицелом на Китай обсуждаются с технической и финансовой точек зрения, но не в экономическом ключе. Между тем ключевой вопрос для проектов такого рода – цена экспортируемой электроэнергии. На наш взгляд, эти проекты могут быть реализованы только в том случае, если центральноазиатские государства согласны экспортировать электроэнергию в Китай по низким ценам. Однако в этом случае Китай практически полностью должен взять на себя финансирование строительства как энергостанций, так и линий электропередач. Трудно сказать насколько, особенно в условиях нарастания кризисных процессов в глобальной экономике и замедления экономического роста, китайская сторона готова к реализации такого сценария.

И, тем не менее, в долгосрочной перспективе нельзя исключать того, что КНР пойдет на финансирование данных проектов. Очевидно, что при этом оборудование для электростанций будет поставляться китайскими производителями, а китайские строительные компании будут выполнять львиную долю строительных работ. К тому же на объектах будет задействована преимущественно китайская рабочая сила. Для КНР данные проекты станут

---

²⁰⁰ Демченко М. Как преодолеть энергетический дефицит?// Деловая неделя, № 12, 31 марта 2006; Покидаев Д. ГРЭС-4: исключительно для китайцев// Известия - Казахстан; Рабочая группа приступила к подготовке ТЭО казахстанско-китайского проекта строительства электростанции// <http://www.inform.kz/showarticle.php?id=149237> (28 марта 2006).

²⁰¹ Внешняя торговля стран Содружества независимых государств, 2007, с.298.

²⁰² Время новостей, 21 апреля 2006; Почти половина внешнеторговых объемов Таджикистана приходится на страны ШОС// <http://www.inform.kz/showarticle.php?id=149458> (30 марта 2006).

классической формой продвижения экспорта оборудования и строительных услуг. Экономические выигрыши для центральноазиатских участников окажутся более скромными.

Глава 6. Центральная Азия–КНР: сравнительная конкурентоспособность

Проблематика конкурентоспособности стоит в центре многочисленных исследований по центральноазиатским экономикам, регулярно публикуемым Мировым Банком, Международным валютным фондом и некоторыми другими финансовыми и исследовательскими организациями, по-прежнему интеллектуально и идеологически направляющими рыночный переход в постсоветском пространстве. Удивительно, что при этом фактор нарастающего экономического присутствия КНР на просторах Евразии в этих исследованиях напрочь отсутствует. Намеренно или случайно, подобные исследования концентрируются на таких проблемах, как коррупция, семейная и/или олигархическая система собственности, бизнес климат и общее состояние институциональной среды. Споры нет, все эти вопросы в определенном смысле важны для уяснения перспектив центральноазиатских экономик. Однако по большому счету их глобальные конкурентные позиции заданы другими факторами.

О базовых характеристиках стран Центральной Азии, которые во многом определяют их низкие глобальные конкурентные позиции уже говорилось выше (см. **Главу 2. Синьцзян–Уйгурский автономный район (СУАР) в контексте ускоренного развития западных провинций КНР и формирования «большой Центральной Азии»**). Центральная Азия относится к группе стран, не имеющих выхода к морю, и географически удалена от главных мировых центров производства и потребления. Одно это обстоятельство ставит непреодолимые препятствия для налаживания здесь массовых обрабатывающих производств.

Другим критически важным фактором, определяющим глобальную конкурентоспособность региона, становится нарастающая экономическая экспансия Китая. Массовая и набирающая темпы торговая экспансия КНР в Евразию является частью общего процесса превращения Китая в глобальную торговую державу. Согласно оценкам Всемирной торговой организации (ВТО), в 2007 г. Китай вышел на второе место в мире по объему товарного экспорта, пропустив вперед только Германию. По экспорту услуг КНР уступал лишь США и Германии. Вклад КНР в мировой экспорт продукции обрабатывающей промышленности возрос с 3.3% в 1995 г. до 12.4% в 2006 г.²⁰³

6.1. Экономическое возвышение Китая и перспективы глобальной периферии

Выход китайской промышленной продукции на мировые рынки начинает оказывать возрастающее влияние на экономические перспективы других развивающихся стран. В боксе 6.1 обобщены выводы нескольких специальных исследований, рассматривающих влияние экономического возвышения Китая на перспективы развивающихся экономик. В самом общем виде выводы, полученные разными исследователями, сводятся к тому, что присоединение КНР к системе ВТО и в целом расширяющееся присутствие Китая в мировой торговле окажет противоречивое влияние на динамику периферии. Притом, что влияние Китая является стимулирующим для экспортеров сырья и дестимулирующим для экспортеров промышленных изделий, суммарный баланс окажется, по-видимому, отрицательным. Особенно пострадают латиноамериканские страны, с их традиционно высоким (сравнительно) уровнем оплаты труда.

С учетом результатов этих исследований и реальных процессов, наблюдаемых в экономике стран региона, и следует оценивать глобальную конкурентоспособность центральноазиатских экономик, которые, как уже неоднократно отмечалось выше, превратились в арену масштабной торговой экспансии их географического соседа. Динамичное развитие КНР, в том числе Синьцзян–Уйгурского автономного района (СУАР), оказывает весьма противоречивое воздействие на центральноазиатские экономики. С одной

²⁰³ База данных ЮНИДО – <http://www.unido.org>.

стороны добывающая и металлургическая промышленность Казахстана во все большей степени переключается на обслуживание спроса, генерируемого китайским рынком. В ближайшей перспективе на китайский рынок начнет поставляться туркменский газ. С другой стороны, однако, нарастающее взаимодействие с КНР объективно создает для центральноазиатских экономик серьезные вызовы.

Бокс 6.1.

Влияния экономического возвышения Китая на страны глобальной периферии: выводы аналитических работ и модельных расчетов

	Влияние на цены и рынки	Влияние на страны и регионы
Cerra V., Rivera S.A., Saxena S.H. (2005)	Снижение цен на некоторые виды промышленной продукции.	Индия, Индонезия, Малайзия и Филиппины, а также латинская Америка потеряют доли рынков, особенно на рынке текстильной продукции. ВВП и экономическое благосостояние этих стран, но особенно Латинской Америки снизятся.
Coxhead I. (2004)	Снижение цен на промышленные товары с низким уровнем технологии (одежда, текстиль) и средним уровнем технологии (автомобили)	Снижение совокупного ВВП в странах Юго-Восточной Азии. Снижение ВВП Вьетнама и Индонезии. Положительное влияние на экспортеров сырья.
Lall S., Albaladejo M. (2004)	Высокотехнологичная продукция – низкий риск. Продукция среднего технологического уровня (машины и оборудование, автомобили, простейшая электроника – растущие риски. Продукция низкого технологического уровня (текстиль и одежда) – высокий риск.	НИС(ы) и потенциальные НИС(ы). Все развивающиеся страны.
Wang Z. (2003)	Снижение цен на некоторые виды промышленной продукции. Рост спроса на сырье.	Относительное снижение доходов занятых в экспортной обрабатывающей промышленности. Сокращение ВВП в латиноамериканских промышленных экспортерах, особенно Мексике. Рост ВВП в некоторых странах Африки.

Источники: Cerra V., Rivera S.A., Saxena S.C. *Crouching Tiger, Hidden Dragon: What are the Consequences of China's WTO Entry for India's Trade*. IMF Working Paper N05/101. Wash. D.C.: IMF, May 2005; Lall S., Albaladejo M. *China's Competitive Performance: A Threat to East Asian Manufactured Exports?*// *World Development*, Vol.32, N 9, pp.1441-1466; Wang Z. *The Impact of China's WTO Accession on Patterns of World Trade*// *Journal of Policy Modelling*, Vol.25, N 1, January 2003, pp.1- 41.

Если посмотреть на укрупненную структуру внешнеторговых потоков Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана с КНР, то обнаруживается, что на долю крайне ограниченного числа товаров – сырую нефть, черные металлы низкой степени обработки и медь – стабильно приходится 70-80% и даже более всего экспорта Центральной Азии в Китай (подробно этот вопрос рассмотрен в **Главе 3. Взаимная торговля и прямые инвестиции**). Принципиально другие тенденции обнажает структура импорта Центральной Азии и особенно экономического лидера региона Казахстана из КНР. Мало того что китайский экспорт в ведущую и крупнейшую центральноазиатскую экономику широко диверсифицирован, но в его составе преобладают готовые промышленные изделия, а доля продукции машиностроения приближается к 40–50%. Потребительский спрос в центральноазиатских экономиках критически зависит от китайского импорта практически по всей продуктовой линейке.

Понятно, что структура торговли между Центральной Азией и КНР является всего лишь статистическим отражением объективного положения вещей. Как справедливо отмечает китайский исследователь Чжао Хуашэн, сырьевая специализация Центральной Азии проявляется в торговле региона не только с КНР, но и в не меньшей степени с Западом.²⁰⁴ К тому же функциональной роли Центральной Азии в качестве сырьевого придатка более развитых экономик нет рациональных альтернатив. Тем не менее, признание объективного характера проблемы саму проблему глобальной неконкурентоспособности постсоветских экономик не снимает.

6.2. Индикаторы сравнительной конкурентоспособности

Рассмотрим несколько макроэкономических аспектов глобальной неконкурентоспособности Центральной Азии, включая такие индикаторы как производительность труда, цена рабочей силы, энергоемкость, трудовые издержки в расчете на единицу конечной продукции. Особое внимание уделим также конкурентоспособности хлопкового комплекса, который является ключевым экономическим сектором для Таджикистана, Узбекистана и до некоторой степени Туркменистана.

Производительность (живого) труда

В таблице 6.1 представлены данные по динамике производительности труда в пяти центральноазиатских экономиках в сравнении с КНР. Из материалов таблицы в частности следует, что, при расчетах по официальным курсам национальных валют только в Казахстане объем выработки на одного занятого оказывается выше, чем в Китае. В Туркменистане этот показатель находится на сопоставимом с КНР уровне. В Аграрных же Кыргызстане и Таджикистане производительность (живого) труда составляет примерно две пятых, а в Узбекистане – около трети от китайского уровня.

Таблица 6.1.

Производительность труда в экономиках Центральной Азии относительно КНР в 1996 -2008 гг. (соответствующий показатель по КНР принят за 100%)

	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан	Россия
	по текущим обменным курсам национальных валют					
1996	271	87	47	115	120	513
2000	197	48	36	161	88	269
2005	262	37	37	102	43	388
2006	300	45	38	95	39	422
2007	310	40	39	96	34	434

²⁰⁴ Хуашэн Ч. Китай, Центральная Азия и Шанхайская Организация Сотрудничества. Рабочие материалы N5. М.: Московский Центр Карнеги, 2005.С.52.

2008	302	43	43	93	29	431
	по ППС 2004 г.					
1996	311	100	82	237	110	490
2000	297	102	75	193	106	470
2005	287	97	74	194	102	429
2006	278	91	74	210	99	416
2007	279	89	75	204	95	417
2008	273	87	73	197	92	407

Рассчитано по: национальная статистика государств Центральной Азии и КНР; международная статистика.

При расчетах по паритетах покупательной способности национальных валют производительность труда в Казахстане оказывается выше китайского уровня примерно в три, а в Туркменистане – два раза. Такое различие в первую очередь объясняется нефтегазовой специализацией обеих экономик. В свою очередь в Кыргызстане и Узбекистане выработка на одного занятого примерно на одну десятую, а Таджикистане – на четверть ниже, чем в КНР. Важно отметить, что в последние годы вся центральноазиатская пятерка ухудшила свои позиции по данному показателю относительно КНР.

Цена рабочей силы

В условиях прогрессирующей глобализации капитал легко мигрирует по всему полю мировой экономики. Конвергенция национальных налоговых систем ведет к тому, что цена капитала в различных точках глобального экономического пространства имеет тенденцию к выравниванию. Рабочая сила остается менее мобильным фактором производства в сравнении с капиталом. Цена рабочей силы в решающей степени определяется эндогенными для национальных экономик факторами. Страны с относительно низкой ценой рабочей силы обеспечивают минимизацию трудовых издержек и обычно выбираются в качестве площадок для инвестирования.

Казалось бы, центральноазиатские страны, находящиеся на сравнительно низком уровне развития и сталкивающиеся с серьезными трудностями по запуску экономического роста на рыночной основе, должны были бы быть вполне конкурентоспособными в глобальном предложении труда. И действительно, в Кыргызстане и Узбекистане заработная плата по экономике в целом в 2007 г. была более чем вдвое, а в Таджикистане – почти в пять раз ниже, чем в КНР (см. таблицу 6.2). Только в Казахстане из-за притока легких нефтедолларов в национальную экономику заработная плата в последние восемь лет заметно оторвалась от китайского показателя.

Таблица 6.2.

Динамика среднемесячной заработной платы в странах Центральной Азии и Китае, US\$

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Экономика в целом									
Казахстан	101	118	133	156	208	256	323	428	505
Кыргызстан	25	30	35	44	53	64	81	106	138
Таджикистан	9	10	12	15	21	27	35	47	...
Туркменистан	70	...	...	54	68	70	...	...	...
Узбекистан	27	27	28	40	46	55	70*	90-100*	....
КНР	94	109	125	141	161	187	219	273	350
СУАР	88	103	118	133	146	158	186	225*	290*
Обработывающая промышленность									
Казахстан	124	136	145	166	222	266	346	444	548

КНР	88	98	111	126	141	160	188	219	...
СУАР	83	99	110	123	136	151	175	...	...

* - грубые авторские оценки.

Рассчитано и составлено по: данные национальной статистики государств Центральной Азии и КНР; Статкомитет СНГ.

Однако, каких-либо примеров прихода глобальных инвесторов в экономики Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, исключая единичные сырьевые проекты, зафиксировано не было. Инвестиционные возможности же самих этих стран более чем скромны. Дело в том, что цена труда важный, но не единственный компонент производственных издержек. С учетом невыгодного географического положения Центральной Азии, транспортные издержки по входу в и выходу из центральноазиатского экономического пространства находятся на сравнительно высоком уровне. Только для компенсации своего неудачного географического расположения этим странам необходимо было бы поддерживать достаточно низкий относительно других претендентов на иностранные инвестиции уровень оплаты труда. Причем, как исчерпывающе свидетельствует опыт Кыргызстана, обеспечившего также и самые благоприятные условия для деятельности иностранных инвесторов, даже это не обязательно способствует притоку иностранных инвестиций.

Казахстан в 2000–е годы, в отличие от своих соседей по региону, в принципе располагал определенными возможностями для инвестирования в развитие обрабатывающей промышленности. Однако запретительно высокий в сравнении с Китаем уровень заработной платы в обрабатывающей промышленности Казахстана, вкупе с другими факторами, лишили его возможностей интегрироваться в мировую экономику в качестве экспортной промышленной платформы.

В 2007 г. месячная заработная плата рабочего, занятого в обрабатывающей промышленности Казахстана составляла 444 долл. в сравнении с 219 долл. в КНР. При этом в последнем случае речь идет только об обрабатывающих производствах определенного размера. С учетом так называемой «волостной промышленности» (township and village enterprises) месячная заработная плата в обрабатывающей промышленности Китая может быть грубо оценена в 110–120 долл.²⁰⁵ В текстильной и пищевкусовой промышленности средний уровень заработной платы составлял, по-видимому, всего около 100 долл. в месяц.

Вплоть до настоящего времени по развитию сферы образования и здравоохранения Казахстан опережает КНР. К тому же в стране продолжает функционировать система сплошного пенсионного обеспечения. В условиях нарастающей глобальной конкуренции относительная развитость социальной сферы в Казахстане в сравнении с Китаем автоматически повышает цену фактора труда и в конкуренции за глобальные потоки прямых инвестиций превращается скорее в недостаток, чем преимущество.

Трудовые издержки на единицу выпуска продукции

Глобальная конкурентоспособность национальной экономики определяется не только уровнем заработной платы и производительностью труда, но также и стоимостью

²⁰⁵ Официальная статистика по обрабатывающей промышленности в КНР довольно запутана. Относительно регулярные временные ряды по производству и заработной плате существуют только для предприятий определенного размера. По так называемой волостной промышленности (township and village enterprises) имеются только точечные оценки. Опираясь на серию работ Дж.Банистера, можно утверждать, что, учет волостных промышленных предприятий существенно снижает официальный уровень оплаты труда в обрабатывающих отраслях. См.: Lett E., Banister J. Labor Costs of Manufacturing Employees in China: An Update to 2003-04// Monthly Labor Review, November 2006; Banister J. Manufacturing Employment in China// Monthly Labor Review, July 2005; Banister J. Manufacturing Employment and Compensation in China. Paper written for the U.S. Department of Labor, Bureau of Labor Statistics, December 2004, p.71 (mimeo).

промежуточной продукции и факторов производства, участвующих в создании конечного продукта. Одним из наиболее часто используемых в литературе индикаторов глобальной конкурентоспособности являются трудовые издержки в расчете на единицу выпуска (unit labor cost). Этот показатель, позволяющий учесть такой важнейший экономический эффект как экономия на масштабе производства, рассчитывается по формуле:

$ULC = LC/Vad$, где:

ULC - трудовые издержки в расчете на единицу выпуска продукции;

LC – фонд оплаты труда;

Vad – добавленная стоимость.

Учитывая ограниченность исходного статистического материала, сравнения трудовых издержек единицы выпуска возможны только для пары Казахстан – Китай. На диаграммах 6.1 и 6.2 приведены различные варианты оценок трудовых затрат на единицу выпуска в обрабатывающей промышленности Казахстана относительно аналогичных показателей по КНР. Исходя из целей работы, на диаграмме представлены относительные трудовые издержки, которые рассчитаны по формулам:

$ULC_{man}^{KazChi} = [LC_{man}^{Kaz}/ExR^{KazChi}/LC_{man}^{Chi}]/[Vad_{man}^{Kaz}/ExR^{KazChi}/Vad_{man}^{Chi}]$ для показателей по текущему обменному курсу и

$ULC_{man}^{KazCh} = [LC_{man}^{Kaz}/PPP2004^{KazChi}/LC_{man}^{Chi}]/[Vad_{man}^{Kaz}/PPP2004^{KazChi}/Vad_{man}^{Chi}]$ для показателей по паритетам покупательной способности, где:

ULC_{man}^{KazChi} – трудовые издержки в расчете на единицу выпуска в обрабатывающей промышленности Казахстана относительно КНР;

LC_{man}^{Kaz} – фонд оплаты труда в обрабатывающей промышленности Казахстана;

LC_{man}^{Chi} – фонд оплаты труда в обрабатывающей промышленности КНР;

Vad_{man}^{Kaz} – добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности Казахстана;

Vad_{man}^{Chi} – добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности КНР;

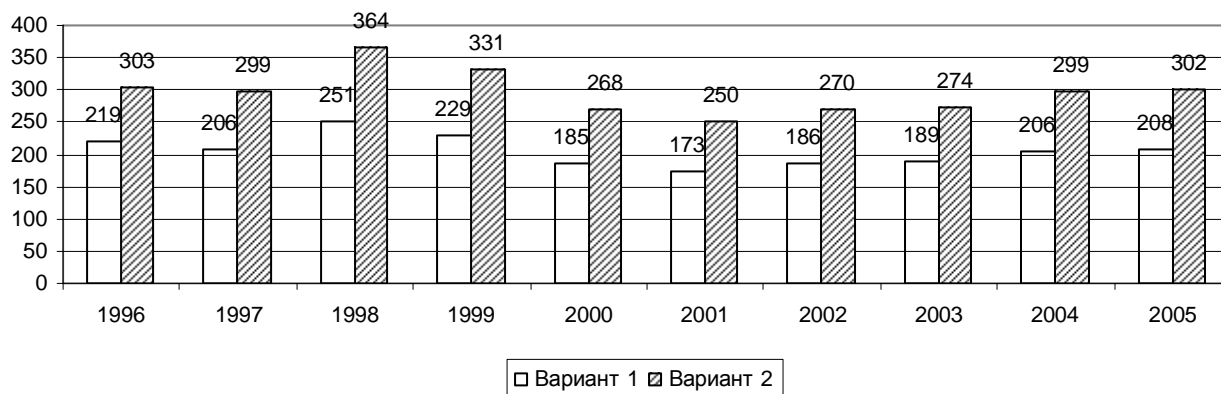
ExR^{KazChi} – обменный курс казахской тенге к китайскому юаню;

$PPP2004^{KazChi}$ – курс казахской тенге к китайскому юаню по ППС 2004 года.

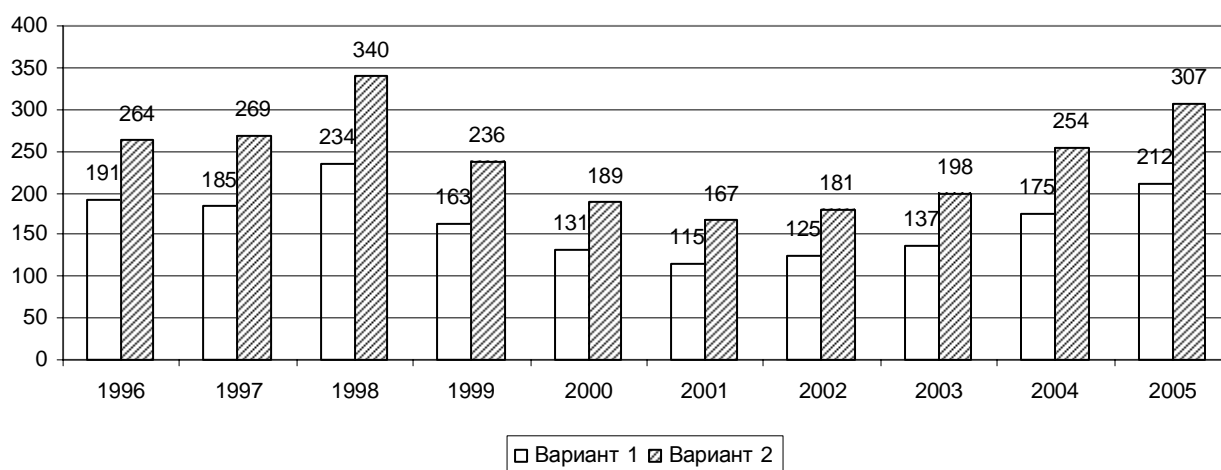
В варианте 1 по КНР учитывались все занятые в обрабатывающей промышленности, включая городские предприятия определенного размера и волостные предприятия. Для первой группы промышленных предприятий существуют регулярные временные ряды по занятости и оплате труда. Для второй группы предприятий доступны лишь точечные оценки на определенные годы. При расчетах мы полагали, что заработная плата на волостных предприятиях составляет 45% от уровня оплаты труда на городских промышленных предприятиях. В варианте 2 по КНР учтены только городские промышленные предприятия определенного размера.

Расчеты, как по официальным обменным курсам, так и по паритету покупательной способности национальных валют 2004 г. показывают, что трудовые издержки на единицу выпуска в обрабатывающей промышленности Казахстана оказываются в два–три раза выше аналогичного показателя для КНР.

Диаграмма 6.1
Казахстан: затраты труда на единицу выпуска в обрабатывающей промышленности относительно КНР (показатели по КНР = 100%, официальный обменный курс)

Диаграмма 6.2
Казахстан: затраты труда на единицу выпуска в обрабатывающей промышленности относительно КНР (показатели по КНР=100%, ППС 2004 г.)

Вариант 1: учитываются все занятые в обрабатывающей промышленности КНР. Совокупные расходы на заработную плату и в Казахстане, и в КНР получены путем умножения средней заработной платы на число занятых. Полагается, что уровень оплаты труда в волостной промышленности КНР составляет 45% от соответствующего показателя на предприятиях определенного размера;

Вариант 2: по КНР учитываются только предприятия определенного размера.

Рассчитано и составлено по: национальная статистика Казахстана и КНР; международная статистика.

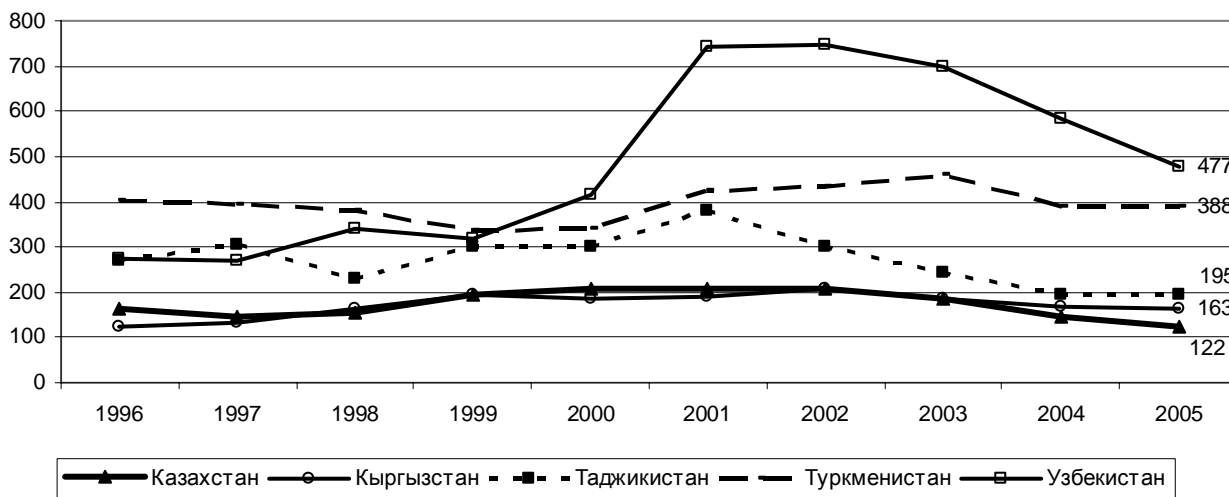
Энергоемкость

Важным компонентом производственных издержек являются затраты на энергию. Высокая энергоемкость местных экономик работает не в пользу Центральной Азии. В 2005 г. по удельным затратам энергии на единицу ВВП Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Кыргызстан среди 125 стран мира, по которым имеется соответствующая статистика, занимали соответственно первое, второе, восьмое и десятое место. Казахстан находился на семнадцатой позиции. При использовании ВВП по паритетам покупательной способности национальных валют Узбекистан и Туркменистан занимали соответственно второе и третье

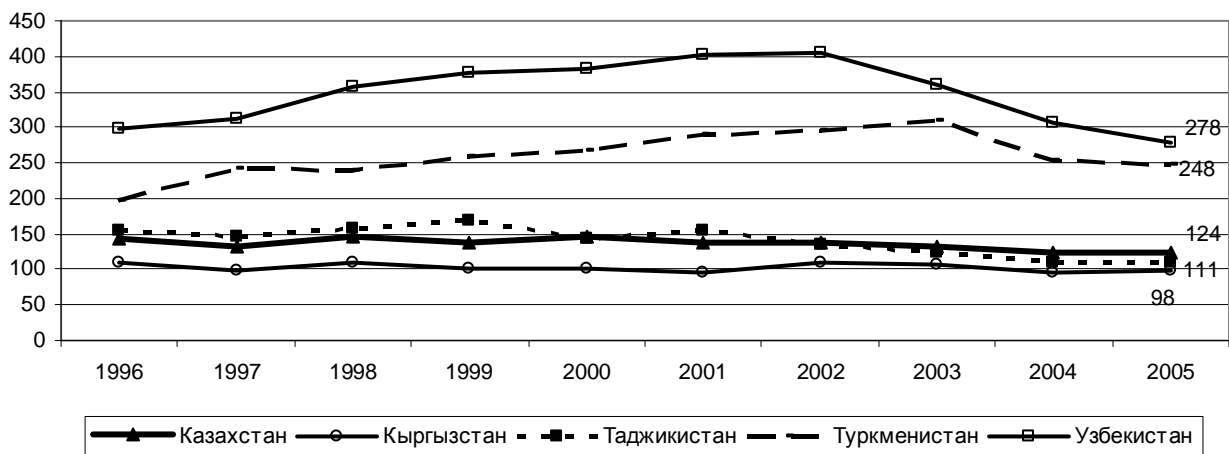
место, Казахстан – тринадцатое, Таджикистан – шестнадцатое и Кыргызстан – двадцать шестое место.²⁰⁶

В расчете на единицу ВВП Узбекистан затрачивает в 2.8–4.8 раз больше энергетических ресурсов в сравнении с Китаем. Для Туркменистана соответствующие показатели составляют 2.5–3.9 раз, Казахстана – 1.2 раза (см. диаграммы 6.3 и 6.4).

Диаграмма 6.3
Динамика относительной энергоёмкости центральноазиатских экономик
(по текущим обменным курсам, показатели для КНР приняты за 100)

Диаграмма 6.4
Динамика относительной энергоёмкости центральноазиатских экономик
(по ППС 2004 г., показатели для КНР приняты за 100)

Рассчитано и составлено по: World Development Indicators. World Bank CD-ROM 2008.

Самой низкой энергоёмкостью производства в Центральной Азии отличается Кыргызстан, однако и здесь она при расчетах по ППС 2004 г. оказывается равна китайскому уровню, а при расчетах по официальным обменным курсам национальных валют в 1.5 раза выше, чем в КНР. Более того, обращает на себя внимание то обстоятельство, что при восстановлении экономического роста в постсоветских экономиках во второй половине

²⁰⁶ Рассчитано по World Bank Development Indicators, CD-ROM 2008.

1990-х годов удельное потребление энергоресурсов здесь относительно Китая стабилизировалось и не демонстрирует тенденции к снижению, как это было в период спада первой половины прошлого десятилетия. В Узбекистане же даже, напротив, удельная энергоёмкость ВВП после 1998 г. относительно КНР заметно выросла.

Эффективность хлопкового комплекса

Для Таджикистана Туркменистана и Узбекистана сельскохозяйственная продукция, главным образом хлопок–волокно, составляет важную часть совокупного товарного экспорта. В этой тройке стран и Кыргызстане сельское хозяйство, если опираться на официальные данные, обеспечивает от одной до двух третей совокупной занятости. От стабильности ситуации в деревне в решающей степени зависят экономические перспективы аграрных центральноазиатских экономик. Между тем появляется все больше свидетельств тому, что центральноазиатские производители хлопка начали проигрывать конкурентную борьбу китайским производителям, что обусловлено разными общеэкономическими возможностями государства и избранными моделями реформирования унаследованной от СССР командно–административной хозяйственной системы.

Притом, что КНР с декабря 2001 г. является членом Всемирной Торговой Организации (ВТО), известно, хотя и без достаточной детализации, что в аграрном секторе китайской экономики широко практикуются субсидирование и прочие меры поддержки производителей. Согласно имеющимся оценкам в 1998-2001 гг. только прямая поддержка государства производителям хлопка в КНР составляла 1200-2650 млн. долл. в год. По абсолютным размерам поддержки собственных хлопкопроизводителей Китай занимает второе место в мире после США.²⁰⁷ В этом отношении центральноазиатские экономики находятся в изначально проигрышной позиции. Во-первых, потому, что, следуя неолиберальным (Казахстан и Кыргызстан) и/или этатистским (Узбекистан) рецептам развития, страны региона сократили, а точнее – практически прекратили поддержку аграрного сектора. Во-вторых, они в принципе не располагают для этого необходимыми ресурсами (кстати, во многом благодаря избранным вариантам реформирования). Не удивительно поэтому, что если в 1992 г. совокупное производство хлопка волокна в пяти центральноазиатских странах составляло 46% от китайского производства, то к 2007 г. этот показатель снизился до 23%.²⁰⁸

С 1 января 2006 г. в КНР отменили все налоги на сельскохозяйственный сектор. Ещё в марте 2004 г. на 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) в числе приоритетов экономической политики государства было названо решение «трех сельских вопросов» – села, сельского хозяйства и крестьянства. Общий подход к решению этих вопросов укладывается в формулу: «сокращение налогового бремени, увеличение бюджетных ассигнований».²⁰⁹

Рыночные и нерыночные преимущества, которыми располагают китайские сельскохозяйственные производители в сравнении с центральноазиатскими, способствуют тому, что относительная эффективность хлопкового комплекса (измеряемая через урожайность) в регионе снизилась относительно китайских показателей в разы и продолжает оставаться на абсолютно низком уровне (см. диаграмму 6.5). В 2007 г. урожайность хлопка относительно китайского уровня в Кыргызстане составляла 65%, Узбекистане 54%, Таджикистане – 40% и Туркменистане – всего 35%. Между тем в 1970 г. эти показатели составляли соответственно 182%, 192%, 209% и 160%. В конечном счете, это ведет к

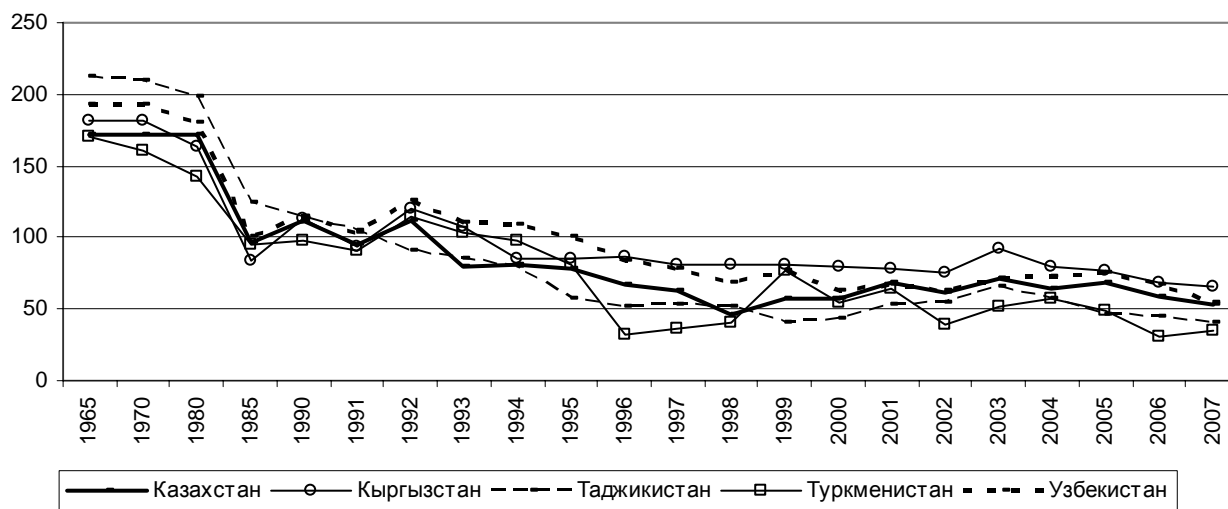
²⁰⁷ Developed Country Cotton Subsidies and Developing Countries: Unraveling the Impacts on Africa. Overseas Development Institute Briefing Paper, July 2004, p.2; Cotton Price Distortions. Building a Case for Reform. Centre for International Economics and Cotton Research and Development Corporation. 25 June 2002, p.8.

²⁰⁸ Подсчитано по данным ФАО: <http://www.fao.org>.

²⁰⁹ В Китае отменены все сельскохозяйственные налоги// <http://www.inform.kz> (4 января 2006).

снижению эффективности главной сельскохозяйственной отрасли Центральной Азии и ставит под вопрос сам факт ее существования, во всяком случае, в нынешних масштабах.

Диаграмма 6.5
Динамика урожайности хлопчатника в государствах Центральной Азии
относительно КНР (показатели по КНР приняты за 100)

Подсчитано по: статистическая база ФАО – <http://www.fao.org>.

С учетом же того обстоятельства, что, согласно различным методикам подсчета, Узбекистан тратит в расчете на 1 тонну выращиваемого хлопка в 1.7–5.8, а Туркменистан - в 3.0–7.4 раз больше воды в сравнении с Китаем²¹⁰, становится очевидным, что поддерживать хлопковый комплекс центральноазиатские страны могут лишь за счет внеэкономических факторов (поддержание низкой оплаты труда, принудительную централизацию закупок по заниженным ценам и т.п.).

В конце 2004 г. в СУАР, а в 2005 г. по всему Китаю, сельское хозяйство было полностью освобождено от налогов. Очевидно, что в новой ситуации евразийские рынки столкнутся с резким усилением конкуренции со стороны китайской сельскохозяйственной продукции.

Таким образом, на уровне экономики в целом, в обрабатывающем секторе и в возрастающей степени в сельском хозяйстве Центральная Азия демонстрирует слабую конкурентоспособность в сравнении с КНР и встроенным в единый народно-хозяйственный комплекс Китая СУАР. То обстоятельство, что это превосходство необязательно обеспечивается чисто рыночными механизмами, не имеет принципиального значения.

Конкуренцию китайским товарам на своем внутреннем рынке проигрывают как рыночные Кыргызстан и Казахстан, так и этатистско-дирижистский Узбекистан. Имеет смысл более подробно рассмотреть данный вопрос на примере Казахстана и Узбекистан. Принимая во внимание объективные ограничения, лишь эти две центральноазиатские страны могли бы в принципе рассчитывать на развитие некоторых отраслей обрабатывающей промышленности.

6.3. Перспективы обрабатывающих комплексов в Казахстане и Узбекистане

Конкуренцию китайским товарам на своем внутреннем рынке проигрывают как рыночные Кыргызстан и Казахстан, так и этатистско-дирижистский Узбекистан. Имеет смысл более подробно рассмотреть данный вопрос на примере Казахстана и Узбекистан. Принимая во внимание объективные ограничения, лишь эти две центральноазиатские страны

²¹⁰ Подсчитано по: Chapagain A.K. et al. The Water Footprint of Cotton Consumption. Value of Water Research Report Series No.18. UNESCO-IHE, September 2005, P.15.

могли бы в принципе рассчитывать на развитие некоторых отраслей обрабатывающей промышленности.

Казахстан

В первой половине текущего десятилетия рост физических объемов добычи и экспорта нефти вкупе с повышением мировых цен на энергоресурсы способствовал росту доходов государства. В распоряжении правительства появились ресурсы, которые могли быть использованы с целью диверсификации национальной экономики. В 2003 г. Казахстан разработал стратегию индустриально–инновационного развития до 2015 года.²¹¹ С 2005 г. основной идеей, положенной в основу реализации инновационно–индустриальной стратегии развития Казахстана, стала поддержка промышленных кластеров²¹², идеология которых была заимствована из работ М.Портера.²¹³

Внимательное ознакомление с документами, идеологически обеспечивающими промышленную политику в современном Казахстане, позволяет сделать два вывода. Во-первых, стратегия фактически полностью игнорирует сравнительную неконкурентоспособность казахской экономики на уровне факторов производства. Во-вторых, прорывные для своего времени идеи М.Портера оказались отражены в стратегии в несколько искаженном виде. Напомним, что М.Портер выстроил парадигму конкурентоспособности для кластеров, эвентуально сложившихся в рыночной экономике. Нигде и никогда М.Портер не давал рекомендации по искусственному выращиванию кластеров, речь может идти только о поддержке естественно сложившихся кластеров, доказавших свою конкурентоспособность.

В либерализированной казахской экономике китайские производители господствуют на практически всех важнейших отраслевых рынках. Рассмотрим несколько конкретных примеров.

За счет местного текстильного производства обеспечивается только 8% потребностей в текстильных и швейных изделиях, причем казахские производители в основном заняты пошивом спецодежды для размножившихся силовых и квазиполицейских структур в рамках фактического госзаказа.²¹⁴ Как эмоционально заметила председатель правления ассоциации предприятий легкой промышленности Казахстана Л.Худова: «Экспансия китайских товаров, известных всем своей дешевизной, ранила нас прямо в «сердце»». ²¹⁵ При этом Казахстан остается достаточно крупным производителем хлопкового волокна, что, казалось бы, позволяет рассчитывать на становление собственной текстильной промышленности.

Одним из пунктов промышленной программы правительства стало создание хлопкового кластера в Южно-Казахстанской области на базе свободной экономической зоны «Онтустик». Создание СЭЗ нацелено на получение продукции с более высокой добавленной стоимостью, поскольку более 90% производимого хлопкового волокна уходит на экспорт. В рамках проекта на площади в 200 гектаров за счет бюджетных средств планируется построить порядка 15 предприятий по производству пряжи, ткацкие, отделочные, красильно-швейные предприятия, создать около 6000 новых рабочих мест. Предприятия, работающие на территории СЭЗ, получают льготы и преференции: нулевую ставку НДС, полное

²¹¹ Стратегия индустриально–инновационного развития Республики Казахстан на 2003–2015 годы. Астана: Министерство индустрии и торговли Республики Казахстана, 2003.

²¹² Еженова К. Как нарисовать казахстанский куб, не нарушая законов геометрии// Эксклюзив (Алматы) №6, июнь 2005, с.3-12.

²¹³ Портер М. Международная конкуренция. М.: «Международные отношения», 1993.

²¹⁴ Разумов Я. Производственники опасаются, что текстильная кластерная инициатива может также заглохнуть, как в свое время программа импортозамещения// Панорама (Алматы), №26 7 июля 2006; Шатерникова А. Предприятия текстильной промышленности считают необходимым распространение на них преференций, положенных участникам СЭЗ «Онтустик»// Панорама (Алматы), №46, 2 декабря 2005.

²¹⁵ Текстильная промышленность Казахстана нуждается в помощи государства// <http://www.inform.kz/showarticle.php?lang=rus&id=136909> (14 сентября 2005).

освобождение от корпоративного подоходного налога, имущественного и земельного налогов.²¹⁶

Интересно, что по приглашению казахского руководства М.Портер посетил Казахстан и ознакомился с реальной ситуацией на месте. Еще интереснее, что идею хлопкового кластера М. Портер оценил следующим образом: «... но Казахстану не следует производить одежду, поскольку производители одежды находятся рядом в Китае. Вы могли бы поставлять хлопок и хлопчатобумажную пряжу в Китай, а потом импортировать одежду из Китая».²¹⁷

Прочные позиции китайские компании занимают на строительном рынке Казахстана. Национальные предприятия строительного сектора конкурентоспособны только в производстве строительного песка, щебня, асбеста, известняка и частично цемента, то есть в секторе сырьевого направления. Полуфабрикаты и готовая продукция в массовом порядке импортируется. В периоды строительного бума 2004–2008 гг., подстегнутого притоком легких нефтедолларов и безудержными заимствованиями частных казахских банков за рубежом, ежегодный импорт в страну строительных материалов достигал в среднем один млрд. долл. Значительная масса стройматериалов поставлялась из КНР. Причем не только по официальным каналам. Доля теневого завоза стройматериалов, по оценкам специалистов отрасли, достигала едва ли не половину объемов всего строительного рынка.²¹⁸

По сходному сценарию эволюционирует ситуация на рынке машиностроительной продукции. Как отметила Ассоциация производителей оборудования и услуг для недропользователей: «С точки зрения перспектив и проблем нас в последнее время серьезно беспокоит, что наш сосед Китай, добившись признанных в мире и объемных и качественных показателей в легкой и иных отраслях перерабатывающей промышленности, очень серьезно начал заниматься освоением машиностроительной тематики. Как с точки зрения продукции машиностроения в потребительских целях, так и, собственно, машиностроения для производства. Они начали серьезно развивать свое станкостроение, выпуск оборудования. Китайцы делают очень заметные шаги в этом направлении; еще в лучшем случае пять лет, а, скорее всего, два - три года, и они реально могут нас заместить на нашем внутреннем казахстанском рынке». Если раньше в Казахстан завозилось оборудование из Европы, что-то - из США, Кореи, Японии, Тайваня, то сейчас КНР начинает поставлять в Казахстан легковые и грузовые машины, автобусы, следом идет специальная техника на базе этих машин и все чаще - станки и оборудование. При этом все это обладает действительно неплохим качеством при невысоких ценах.²¹⁹

При тех макроэкономических ограничениях, в рамках которых развивается экономика современного Казахстана – открытость операций по текущему и капитальному счету платежного баланса и свободная конвертация национальной валюты – стране нечего противопоставить импортному валу из КНР, опирающейся на глобальную конкурентоспособность на уровне факторов производства. Такая ситуация порождена не ошибками или недоработками экономических властей, но складывается объективно.

Узбекистан

В Узбекистане, поддерживающемся закрытость национальной экономики, конкуренция со стороны китайского импорта ощущается, конечно, в меньшей степени, чем в

---

²¹⁶ Шатерникова А. Условиями, необходимыми для развития текстильной и легкой промышленности, участники рынка считают обеспечение равных конкурентных возможностей для всех участников ВЭД и налоговых преференций отечественным производителям // Панорама (Алматы) №37 30 сентября 2005.

²¹⁷ Еженова К. «Терпение – вот чего нам всегда не хватает» (интервью с Майклом Портером) // Эксклюзив (Алматы) №3, март 2005, с.23.

²¹⁸ Когда в Казахстане спадет «девятый вал» импорта стройматериалов? // <http://www.inform.kz/showarticle.php?id=144859> (18 января 2006).

²¹⁹ Разумов Я. Ассоциация производителей оборудования и услуг для недропользователей критикует Программу диверсификации и развития машиностроительной отрасли // Панорама, №2, 20 января 2006

практически полностью либерализованных Казахстане и Кыргызстане. В рамках политики индустриализации в этой крупнейшей по численности населения центральноазиатской стране многие, если не большинство, рыночных ниш административно закреплены за национальными производителями.

Дело, однако, в том, что имеющей конкурентные преимущества на уровне факторов производства и опирающейся на эффект экономии на масштабе производства китайской экономике, в принципе, безразлично осуществляет ли она экспортную экспансию в открытую и либерализованную или командно–административную хозяйственную систему. Сравнительно низкие цены обеспечивают китайскому экспорту вход в том числе и на внешне отгороженные от глобального экономического поля национальные рынки. Этому немало способствует пористость постсоветских таможенных границ (см. об этом подробно **Главу 3. Взаимная торговля и прямые инвестиции**), а также целенаправленная государственная политика КНР по продвижению экспорта. Но в основе безостановочного движения «китайского экспортного катка» лежит все-таки его глобальная ценовая конкурентоспособность.

Парадоксально, что при этом не имеет значения, во всяком случае, в обозримой временной перспективе, что сама китайская экономика, строго говоря, не является рыночной. Дело в том, что в быстро растущей гибридной экономике, сочетающей как рыночные, так и командно–административные механизмы, многочисленные дислокации и «издержки нерыночности» камуфлируются стремительным наращиванием и без того масштабного экономического потенциала. Углубляющееся внутреннее разделение труда в гигантской и находящейся в режиме расширения экономике позволяет не обращать внимания на эти издержки и перекосы. Иными словами, макроэффективность экономического роста позволяет игнорировать микроэкономическую неэффективность этого роста.²²⁰

Конечно, рано или поздно дислокации и встроенные дисбалансы достигнут критической массы и скажутся на динамике гибридной экономической системы и даже, возможно, сойдут с траектории поступательного развития. Однако до тех пор, пока прогрессирующая глобализация предъявляет спрос на конкурентные преимущества, генерируемые странами, располагающими дешевым и квалифицированным трудом, последние будут подниматься в мировой экономической иерархии. Немаловажно и то, что укрепляющаяся в роли глобальной промышленной фабрики китайская экономика сама начинает диктовать условия глобальной экономической игры, в том числе задавать глобальный стандарт производственных издержек. Внутренние китайские издержки производства во многих отраслях промышленности становятся глобальной нормой. И не суть важно, является ли экономическая система, задающая глобальную норму издержек в расширяющемся круге промышленных производств, рыночной или гибридной.

Сталкиваясь с нарастающим импортом, который оказывается более конкурентоспособным в сравнении с внутренним производством, странам типа и калибра Узбекистана остается только усиливать административные барьеры на входе в свою экономическую систему и/или расширять поддержку национальным производителям нерыночными методами.

И для Казахстана, и для Узбекистана также закрыты возможности конкуренции с китайскими производителями на рынках третьих стран.

Параллельно продвижению в центральноазиатские экономики китайского промышленного экспорта Китай все чаще становится и поставщиком в регион (относительно) передовых технологий. В Узбекистане на базе собственных технологий китайские компании активно участвуют в развитии современных телекоммуникаций, включая мобильную и фиксированную связь. В Туркменистане в поле зрения китайских

---

²²⁰ Этот неординарный тезис сформулирован в: Taylor.L. Economic Openness – Problems to the Century's End. World Institute for Development Economics Research, Working Paper N 41. Helsinki, April 1988.

интересов оказались железные дороги. В 2005 г. Туркменистан закупил в КНР первую ограниченную партию железнодорожных пассажирских вагонов. В 2007 г. в рамках межправительственного соглашения страны заключили контракт на поставку 200 железнодорожных вагонов и 17 дизельных генераторов. Вся железнодорожная техника и пассажирские вагоны изготавливаются в КНР специально для Туркменистана, с учетом технических характеристик путевого хозяйства и обслуживающих служб. Составы будут водить тепловозы, также изготовленные в Китае: в 2005–2006 гг. в Туркменистан было поставлено 47 железнодорожных локомотивов.²²¹

Появляются примеры и чистого импорта технологий из КНР. В 2006 г. Национальная атомная компания (НАК) “Казатомпром” построила молибденовую обогатительную фабрику на территории гидрометаллургического завода Степногорского горно-химического комбината (СГХК в Акмолинской области). Технический проект обогатительной фабрики был выполнен китайским инженерно-исследовательским институтом цветных металлов ENFI совместно с ТОО “Институт высоких технологий”, дочерним предприятием “Казатомпрома”. Поставка оборудования осуществлялась торгово-промышленной компанией “Синьянь” с шести машиностроительных заводов КНР.²²²

По мере повышения уровня технологического развития китайской экономики Центральная Азия, импортирующая капитальные товары из КНР, все сильнее будет втягиваться в китайский технологический ареал.

---

²²¹ Аширова Г. В Туркменистане обновление парка пассажирских вагонов проходит с помощью Китая// Деловая неделя (Алматы), №9, 8 марта 2007.

²²² Бутырина Е. “Казатомпром” открыл в Степногорске молибденовую обогатительную фабрику// Панорама (Алматы), №16 28 апреля 2006.

Глава 7. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – механизм реализации экономических интересов Китая

Формально Шанхайская организация сотрудничества образована 15 июня 2001 г. Однако исторически ШОС корнями уходит в позднесоветский период. В 1996 г. Казахстан, КНР, Кыргызстан, Россия и Таджикистан образовали «шанхайскую пятерку», которая позднее была переименована в «Шанхайский форум». Впоследствии к форуму присоединился Узбекистан. Второе дыхание ШОС получил после событий 11 сентября 2001 г. и появления американских военных баз в Кыргызстане и Узбекистане. С начала 2004 г. в Пекине на постоянной основе начал работать Секретариат Шанхайской организации сотрудничества, на который возложена функция координации деятельности шестерки стран-участниц по обеспечению безопасности и содействия торгово-экономическому сотрудничеству.

За последние несколько лет в рамках ШОС был выдвинут ряд инициатив экономического порядка, однако реальная экономическая деятельность организации, как и действительные интересы составляющих ее стран, только начали становиться предметом углубленного анализа.²²³ В центре внимания настоящей главы, учитывая общую задачу исследования, находится экономическая связка Центральная Азия – Китай.

7.1 ШОС: первая китайская организация многосторонней дипломатии

Шанхайская организация сотрудничества представляет собой постоянно развивающееся образование, быстро и гибко адаптирующееся к изменениям глобальной и региональной ситуации. И символически, что следует уже из названия организации, и, главное, фактически, стратегическая инициатива в ШОС принадлежит Китаю. В самом общем виде эта организация представляет собой дипломатический механизм, который позволяет КНР решать многоплановые задачи в Центральной Азии в собственных национальных интересах.

Изучение работ китайских исследователей по проблематике ШОС показывает, что в ее деятельности КНР особо выделяет следующие главные линии:

линия КНР - Центральная Азия: Основные задачи Китая в Центральной Азии сводятся к следующему:

во-первых, подавление сепаратистских сил в Синьцзяне и недопущение контактов местных сепаратистов с их возможными сторонниками в соседних центральноазиатских республиках;

во-вторых, сохранение Западных провинций и прилегающей Центральной Азии в качестве стабильного стратегического тыла КНР;

в-третьих, использование энергетического потенциала Казахстана и Туркменистана для поставок нефти, а в перспективе – и природного газа, для нужд китайской экономики.²²⁴

Исторически между Синьцзян–Уйгурским автономным районом (СУАР) с одной стороны и Казахстаном и Кыргызстаном, с другой, наблюдалась массовая миграция населения. Около 5% населения СУАР (примерно 830-850 тыс. человек) составляют казахи.²²⁵ Численность уйгуров в Казахстане составляет 200-250 тыс. человек и приближается к 50 тыс. в Кыргызстане.²²⁶ Одно это делает безопасность СУАР и Центральной Азии взаимосвязанными. КНР стремится не допустить сотрудничества

²²³ См.: Михеев В.В. Китай–Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М.: 2009; Сыроежкин К.Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. Алматы: КИСИ, 2006; ШОС: становление и перспективы развития. Под ред. М.Ашимбаева и Г.Чуфрина. Алматы: ИМЭП, 2005.

²²⁴ Huasheng Z. China, Russia, and the U.S.: Their Interests, Postures, and Interrelations in Central Asia// Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden), N5 2004, P.116-125; N6 2004, P.86-94.

²²⁵ В 2000 г. в СУАР насчитывалось 813 тысяч казахов (4,5% совокупного населения автономного района) и 39,2 тысяч кыргызов (0,2%). См. подробнее: Сыроежкин К.Л. Мифы и реальности этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы: «Дайк-Пресс», 2003, с.255.

²²⁶ Там же, с.436.

сепаратистских сил в СУАР с уйгурскими общинами Казахстана и Кыргызстана. Учитывая глобальную тенденцию к усилению борьбы с терроризмом, КНР закрепил борьбу с терроризмом и сепаратизмом в качестве основной задачи ШОС.

После государственного переворота в Кыргызстане 24 марта 2005 г. и массовых выступлений в узбекском Андижане в мае 2005 г. вопросы стабильности в Центральной Азии переместились в центр внимания КНР. Китай исходит из того, что при определенных условиях нестабильность из Центральной Азии может быть продавлена в западные провинции, в первую очередь Синьцзян.

Сохранение Центральной Азии в качестве стратегического тыла КНР помимо всего императивно требует, чтобы регион не находился под контролем какой-либо сверхдержавы или группы держав. С учетом этого момента в деятельности ШОС возникают линии КНР–США и КНР–Россия.

Линия КНР – США: военное присутствие США в Центральной Азии и Афганистане вблизи китайских границ Китай рассматривает как угрозу своим интересам. КНР полагает, что в случае закрепления американского патронажа над Центральной Азией, США смогут удерживать регион под своим контролем.²²⁷ По-видимому, КНР полагает, что активное присутствие США в регионе позволяет последним решать следующие задачи: вести разведку близлежащих китайских территорий; каким-либо образом поощрять активность сепаратистов в Синьцзяне и западных провинциях; контролировать крупнейшие нефтегазовые месторождения Казахстана, а также маршруты экспорта каспийских нефти и газа на мировые рынки.

Для КНР, которая примеривается к статусу великой державы XXI века, такая ситуация, конечно же, неприемлема. После военного броска в Центральную Азию и Афганистан американские военные базы функционирует уже не только на восточных, но и западных, границах КНР. И там и тут эти базы позволяют осуществлять контроль (а при определенном развитии событий могут представлять угрозу) для путей импорта нефти. Притом, что, по мнению КНР, США проводят политику двойных стандартов в отношении террористических организаций, американцы могут разыграть карту уйгурского сепаратизма в СУАР.²²⁸ Именно поэтому КНР активно выступает против любых попыток расширения функций военного контингента в Афганистане. По мнению Китая, действия США и НАТО должны быть строго подчинены подавлению террористических групп Талибан и Аль-Каиды, скрывающихся на афганской территории, и помощи стабилизации хрупкой афганской государственности.

Неудивительно поэтому, что чем дальше, тем больше риторика ШОС приобретает антиамериканский характер. В июле 2005 г. саммит ШОС заявил о недопустимости долгосрочного пребывания войск США в регионе, что свидетельствует о том, что КНР и далее будет стремиться выдвинуть американские военные базы из Центральной Азии, в том числе и используя механизм Шанхайской организации сотрудничества.

Линия КНР – Россия: КНР не скрывает своих претензий на лидирующую роль в ШОС. Китайские аналитики отмечают, что, во-первых, возможности России оказывать влияние на ситуацию в Центральной Азии слабеют²²⁹, во-вторых, откровенно указывают, что ШОС позволяет центральноазиатским странам выстраивать баланс отношений между Россией и Китаем.²³⁰ Таким образом, Китай не скрывает, что механизм ШОС используется

---

²²⁷ Lifan L, Shiwu D. Geopolitical Interests of Russia, the U.S. and China in Central Asia// Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden), N3 2004, P.139-146.

²²⁸ Это эксплицитно отмечает Ч.Хуашен. См.: Хуашен Ч. Взгляд Китая на роль США по обеспечению безопасности в Центральной Азии/ Сотрудничество стран Центральной Азии и США по обеспечению безопасности в регионе. Материалы международной конференции. Под ред. М.Ашимбаева и Дж.Минутти. Алматы: Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента РК, 2005, с.44.

²²⁹ Lifan L, Shiwu D. Geopolitical Interests of Russia... .

²³⁰ Xing G. The Shanghai Cooperation Organization in the Fight against Terrorism, Extremism and Separatism// Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden), N4 2002.

им и в качестве инструмента, позволяющего играть на имеющихся российско – центральноазиатских противоречиях.

Особое значение имеют настойчивые попытки Китая по приданию деятельности Шанхайской организации сотрудничества четкого экономического измерения. КНР последовательно стремится активизировать экономическое направление деятельности ШОС путем создания государствами-членами организации зоны свободной торговли. Впервые эту задачу китайская сторона поставила в мае 2002 г. В августе 2003 г. Китай предложил комплекс мер по снижению нетарифных барьеров во взаимной торговле, включая упрощение таможенных процедур и санитарно – гигиенических стандартов. В сентябре 2004 г. КНР предложила членам – ШОС создать единое экономическое пространство.

В принципе для КНР такая позиция представляется вполне логичной. Опираясь на универсальные политико-дипломатические рычаги, Китай стремится обеспечить продвижение своего экспорта на внешние рынки, особенно в Казахстан и Россию, где массовый приток нефтедолларов в 2004–2008 гг. способствовал заметному увеличению платежеспособного спроса.

Фактически создание зоны свободной торговли или единого экономического пространства между участниками ШОС представляет собой своеобразный вариант мини-ВТО (Всемирной торговой организации). Не имея возможности в настоящее время применить весь комплекс рычагов из арсенала ВТО – членами ВТО являются только КНР и Кыргызстан – Китай стремится создать подобные рычаги в рамках ШОС. Другое дело, что стремительное продвижение китайского экспорта на центральноазиатские рынки и так происходит практически свободно и не нуждается в специальных мерах поддержки в виде свободной торговой зоны. Настойчивые усилия КНР по экономизации ШОС заставляют многих аналитиков полагать, что за этими усилиями стоят долгосрочные энергетические интересы. Некоторые аналитики отмечают, что в рамках ШОС Китай активно продвигает свои энергетические интересы. Причем делает это вопреки интересам России.²³¹

Следует при этом иметь в виду, что основные вопросы экономического, политического и стратегического порядка КНР решает посредством двустороннего диалога с каждой из центральноазиатских стран в отдельности. ШОС фактически дублирует двусторонние отношения КНР–Казахстан, КНР–Узбекистан и т.д. Сотрудничество Китая с Центральной Азией по большому счету не нуждается в механизмах ШОС. Можно согласиться с М.Лаумулиным, считающим, что Китай стремится максимально расширить функции ШОС, придать ей экономическое измерение, особенно в области энергетических ресурсов, с целью обеспечения доминирующего положения КНР в регионе. Фактически речь идет о превращении Китая в «мягкого экономического гегемона» или «мягкого экономического лидера» для всей Центральной Азии. В полном соответствии с вековыми традициями китайской дипломатии, ШОС обеспечивает превращение Китая в фактического лидера региона таким образом, чтобы не ущемлять ни сами центральноазиатские страны, ни Россию, которая последние несколько веков доминировала в Центральной Азии.²³²

7.2. ШОС и ЕврАзЭС как интеграционные торгово–экономические блоки

Особый интерес представляет вопрос о потенциале ШОС в качестве ядра протоинтеграционной группировки, включающей КНР, Россию и Центральную Азию. Учитывая то обстоятельство, что на роль интеграционного ядра в Евразии претендует также другое торгово–экономическое образование в лице ЕврАзЭС, возможности этих двух организаций целесообразно рассмотреть параллельно.

²³¹ См.: Miller L. New Rules to the Old Great Game: Assessment of the Shanghai Cooperation Organization's Proposed Free Trade Zone// The CEF Quarterly, October 2004.

²³² Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том I. Алматы: 2005, с.597.

Характер и направление экономического взаимодействия в современной Евразии, неотъемлемой органической частью которой является Китай, императивно заданы двумя решающими факторами. Во-первых, предельной разновесностью экономических потенциалов стран этой зоны, во-вторых, принципиально разными типами роста, сложившимися в китайской и постсоветских экономиках.

Начнем с асимметрии экономических потенциалов. Первое, что бросается в глаза при взгляде на экономическую карту современной Евразии, это предельная экономическая разновесность составляющих ее частей. Экономике-гиганты и достаточно крупные экономики соседствует здесь с экономиками-карликами. Если брать ШОС в целом, то оказывается, что на долю КНР приходится примерно 70% совокупного ВВП этой организации. Россия формирует примерно четверть, Казахстан – всего 2%, а на долю вместе взятых Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана приходится только 1% совокупного валового внутреннего продукта (см. таблицу 7.1).

Таблица 7.1.

Структура распределения ВВП в ШОС и ЕврАзЭС, (%)*

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
ШОС									
Казахстан	1	1	1	1	2	2	2	2	2
Кыргызстан	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Россия	19	18	19	20	23	25	26	27	27
Таджикистан	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Узбекистан	1	0	0	0	0	0	0	0	0
КНР	78	79	79	77	75	73	71	70	70
ЕврАзЭС									
Беларусь	4	3	4	4	3	3	3	3	3
Казахстан	6	6	6	6	6	6	7	7	7
Кыргызстан	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Россия	86	87	87	88	88	88	88	88	89
Таджикистан	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Узбекистан	4	2	2	2	2	1	1	1	1

* - ВВП по официальным обменным курсам. Показатели округлены до целых чисел

Расчитано по: национальная статистика, база данных статкомитета СНГ; данные по Туркменистану и Узбекистану за 2008 г. являются грубыми авторскими оценками.

В 2002–2008 гг. в постсоветских экономиках, ведомых сырьевым экспортом, вслед за ростом мировых цен на сырьевую группу товаров наблюдалось укрепление номинального обменного курса национальной валюты. Обвал мировых сырьевых цен со второй половины 2008 г. привел к тому, что Россия и с некоторым опозданием Казахстан начали глубокую девальвацию своих национальных валют. Это означает, что по крайней мере в 2009–2010 гг. доля КНР в совокупном ВВП ШОС вернется к уровню в 75-80%, как это было до повышательного сырьевого цикла.

Еще более асимметричны экономические потенциалы стран, составляющих ЕврАзЭС. На Россию приходится около 90% совокупного ВВП организации. Следующая по абсолютным масштабам казахская экономика уступает российской в почти в 13 раз, а на долю взятых вместе Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана приходится только 1% совокупного ВВП организации.

В устойчивых интеграционных группировках столь резкой асимметрии в распределении экономической активности, как правило, не наблюдается. В Евросоюзе и АСЕАН, представляющих собой наиболее успешные примеры региональной экономической

интеграции, имеется по 4–5 стран с примерно сопоставимым экономическим потенциалом. Даже в Содружестве независимых государств, которое в принципе относится к классу резко асимметричных образований, доминирующая российская экономика сосуществует с двумя примерно одинаковыми по масштабам кластерами государств, первый из которых представлен экономиками Казахстана и Украины, а второй – экономиками Азербайджана, Беларуси и Туркменистана.

Пожалуй, лишь торгово–экономический блок НАФТА (США, Канада и Мексика) представляет собой пример успешно функционирующей интеграционной группировки, в которой масштабы экономик стран–участниц столь же резко несопоставимы, как в ШОС и ЕврАзЭС. Следует, однако, иметь в виду, что экономика Канады исторически коэволюционировала в тандеме с экономикой США, причем в рыночном режиме, а экономика Мексики с конца 1970–х годов также развивается в фарватере американской экономики.

Вторым фактором, императивно задающим масштабы и наполнение экономического взаимодействия в Евразии, является структурная взаимодополняемость постсоветских и китайской экономик. Следует различать два типа структурной взаимодополняемости КНР с экономиками Евразии: во-первых, собственно экономическая взаимодополняемость; во-вторых, транспортная взаимодополняемость, вытекающая из сложного географического положения некоторых постсоветских стран и регионов Китая.

В основе экономической взаимодополняемости китайской и евразийской экономик лежат разные типы экономического роста. Если экономика КНР представляет собой яркий пример догоняющей индустриализации, при которой за спрессованный временной период страна опережающими темпами проходит разные стадии промышленной зрелости, то все более или менее успешные постсоветские экономики позиционировались на мировом рынке в качестве поставщиков природных ресурсов, в первую очередь углеводородов, а также черных и цветных металлов и отчасти сельскохозяйственного сырья.

Транспортная взаимодополняемость обусловлена тем обстоятельством, что Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, некоторые континентальные регионы России и Синьцзян–Уйгурский автономный район КНР (СУАР) не имеют выхода к морю, а значит и не располагают прямым доступом к мировым внешнеторговым потокам. Для них приграничное сотрудничество, как и налаживание трансграничных транспортных коридоров к открытым торговым путям через территорию соседей не имеют альтернатив.

Неизбежным следствием структурной взаимодополняемости постсоветских и китайской экономик вкупе со встроенными макроэкономическими ограничениями сложившихся моделей экономического роста является с одной стороны закрепление за первыми функции сырьевого придатка Китая, с другой, превращение постсоветского пространства в рынок сбыта китайской промышленной продукции.

Принципиальное отличие торгово–экономических блоков, образованных с участием постсоветских экономик, от стандартных рыночных образований обнаруживается при рассмотрении такого критически важного индикатора региональной интеграции как удельный вес блокового/регионального экспорта в совокупном экспорте стран–участниц. На пространстве бывшего СССР наиболее плотно взаимоувязаны между собой экономики Содружества независимых государств и в несколько меньшей степени четверка участников Единого экономического пространства (ЕЭП) – Беларусь, Казахстан, Россия и Украина (см. таблицу 7.2).²³³

В ЕврАзЭС доля внутрирегионального экспорта снижается до 10–12%, а в ШОС – до всего 4–5%. Международные сопоставления показывают, что ЕврАзЭС является столь же рыхлым торгово–экономическим блоком как и Меркосур (Аргентина, Бразилия, Парагвай и

---

²³³ Следует иметь в виду то обстоятельство, что торговля между постсоветскими экономиками содержит значительный элемент повторного счета (особенно это касается энергетических поставок), который не может быть удовлетворительным образом элиминирован из официальной статистики.

Уругвай), а ШОС – представляет собой вполне виртуальное интеграционное образование подобное Совету сотрудничества стран Персидского залива (Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия).

В Евросоюзе и НАФТА на внутриблочную торговлю приходится 54–66% совокупного экспорта государств–членов данных интеграционных группировок. Столь высокий уровень взаимного экспорта является статистическим отражением глубокой меж- и внутриотраслевой интеграции. Ни ЕврАзЭс, ни тем более ШОС не обладают даже слабыми признаками интеграционных образований. Причина такого положения – фактическое отсутствие в экономической структуре постсоветских экономик рыночной обрабатывающей промышленности. Только обрабатывающая промышленность с ее развитыми пучками прямых и обратных межотраслевых связей способна выступить в качестве фундамента экономической интеграции.

Таблица 7.2.

Доля регионального экспорта в совокупном товарном экспорте торгово-экономических блоков, %

	1995	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007*
СНГ	27.3	19.8	19.5	20.0	20.5	17.8	18.3	20.2
ЕЭП	23.1	17.2	16.9	17.3	17.7	17.4	15.2	16.6
ЕврАзЭс**	12.5	11.6	11.5	11.8	12.2	10.2	10.4	11.9
ШОС	5.7	4.1	4.1	4.3	4.4	4.6	4.6	5.4
<i>для сравнения</i>								
ЕС	62.4	66.8	66.9	67.2	66.8	66.0	66.2	
НАФТА	46.2	55.6	56.7	56.1	55.9	55.8	53.8	
АСЕАН	24.6	23.0	23.0	24.7	24.9	25.3	24.9	
МЕРКОСУР	18.9	16.4	11.5	10.3	11.1	11.0	11.6	
СССПЗ	6.8	4.8	5.9	5.1	5.0	4.8	4.8	

* - предварительные данные

** - до 2005 г. без Узбекистана

СНГ: двенадцать стран - членов Содружества независимых государств;

ЕЭП (Единое экономическое пространство): Беларусь, Казахстан, Россия, Украина;

ЕврАзЭс: Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан;

ЕС – Евросоюз;

НАФТА (Североамериканская зона свободной торговли): Канада, Мексика, США;

АСЕАН

МЕРКОСУР (Общий рынок стран Южного конуса): Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай;

СССПЗ (Совет сотрудничества стран Персидского залива): Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия;

Рассчитано и составлено по: национальная статистика; Статкомитет СНГ; World bank, World Development Indicators, CD-ROM 2008.

7.3. Формальное и неформальное экономическое взаимодействие между странами – членами ШОС и ЕврАзЭс

Экономическое взаимодействие между странами разворачивается на уровне потоков экономических ресурсов (торговля, обмен технологиями, финансовые инвестиции) и факторов производства (труд и капитал). Переплетение национальных экономик на уровне факторов производства является наилучшим индикатором развития экономической интеграции. Между тем, внешнеторговые потоки между участниками ШОС и ЕврАзЭс по

стоимости многократно превосходят скромный обмен инвестициями. Ни Китай, ни особенно Россия не направляют в экономику своих партнеров сколько-нибудь значимых инвестиционных ресурсов. Инвестиционные возможности остальных участников протоинтеграционных группировок, мягко говоря, невелики.

Примечательно, что на конец сентября 2008 г. по накопленным прямым инвестициям в Казахстане – единственной центральноазиатской стране, привлекающей сравнительно крупные прямые инвестиции из-за рубежа – КНР в полтора раза обходит Россию (см. **Главу 3. Взаимная торговля и прямые инвестиции**). Российские инвестиции в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане незначительны, главным образом в силу того обстоятельства, что в этих странах объективно отсутствуют привлекательные в рыночном смысле объекты для капиталовложений. Реструктурирование задолженности Кыргызстана России в 1996 г. в обмен на контроль над некоторыми местными промышленными предприятиями и в расчете на приток прямых российских инвестиций представляло собой типичную сделку в череде перераспределения собственности в 1990–е годы, включая «чековую приватизацию», «залоговые аукционы», «пузырь ГКО и КНО» и т.п.. В изменившейся конфигурации спроса и производственных издержек кыргызская промышленность абсолютно нежизнеспособна, а активы местных предприятий имеют нулевую, если не отрицательную, рыночную стоимость. Нежизнеспособны с рыночной точки зрения и заявленные электроэнергетические проекты в Кыргызстане и Таджикистане, в которые обе страны ожидают приток российских инвестиций.

На фоне незначительного инвестиционного и научно-технологического обмена единственным значимым каналом взаимодействия постсоветских экономик с китайской является торговля.²³⁴ В 2000-2008 гг. экспорт постсоветских участниц ШОС в КНР вырос в стоимостном объеме в 4.7 раза, причем экспорт центральноазиатской четверки увеличился в 11, а России – в 4 раза. Импорт пяти постсоветских стран из КНР за тот же период вырос в 34 раза, при этом российский импорт увеличился в 37, центральноазиатской четверки – в 24 раза. В результате опережающего роста импорта в сравнении с экспортом торговый баланс пятерки стран с КНР стал в конце обозначенного периода отрицательным.²³⁵

В 2008 г. Китай оттягивал на себя почти 5% российского экспорта и примерно 10% совокупного экспорта центральноазиатской четверки. В Казахстане на КНР пришлось 10.8% национального экспорта, Узбекистане – 5%, Кыргызстане – 2.8%. КНР была третьим крупнейшим экспортным рынком для Казахстана, шестым для Кыргызстана и России. Некоторое снижение в сравнении с предыдущими годами относительной роли китайского рынка для российского экспорта объясняется наблюдавшимся ростом цен на энергоносители: нефть, нефтепродукты и природный газ, цены на который движутся вслед за ценами на нефть с некоторым лагом. В результате в 2007 – 2008 гг. стоимостной объем российского экспорта на европейские рынки рос опережающими темпами, а удельный вес Китая в совокупном товарном экспорте России несколько снизился.

Заметно более значимую роль КНР играет в импорте постсоветских экономик. В 2008 г. на китайские поставки пришлось более 17% импорта Кыргызстана. Для России этот показатель находился на отметке 13%, Казахстана – 12%. Для Казахстана и Кыргызстана Китай является вторым, а для России – первым, крупнейшим поставщиком импортных товаров. Некоторый спад в торговле Узбекистана с КНР, как по импорту, так и по экспорту

---

²³⁴ Здесь мы абстрагируемся от того обстоятельства, что российские поставки вооружений в Китай фактически представляют собой пример технологического донорства со стороны России. Механизмы и схемы оплаты, наличие в контрактах ограничений по использованию технологий и другие принципиально важные с экономической точки зрения условия этих контрактов недоступны для анализа. В любом случае речь идет о нерыночном или неполностью рыночном взаимодействии.

²³⁵ По мере публикации более свежей статистики данные по Туркменистану и Узбекистану могут быть пересмотрены.

объясняется тем, что в 2005–2006 гг. эта торговля в значительной мере развивалась за счет кредитов, предоставленных китайской стороной, которые к 2007 г. были израсходованы.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что КНР закрепила в качестве ведущего экспортера практически во все страны ШОС, а для России и особенно Казахстана превратилась в один из главных экспортных рынков.

Для самого Китая торговля с партнерами по ШОС не является критически важной. Показательно, что на фоне роста доли пятерки партнеров КНР по организации в китайском экспорте с 1.2% в 2000 г. до 3.6% в 2008 г., доля той же пятерки стран в китайском импорте снизилась с 3.7% в 2001 г. до 3.0% в 2008 г. Иначе говоря, Китай успешно осваивает постсоветские рынки, в то время как его партнеры по ШОС наращивают экспорт в КНР заметно медленнее, чем растет импорт этой страны в целом. И это, несмотря на более чем благоприятную ценовую конъюнктуру на рынках сырьевых товаров и металлов низкой степени переработки, составляющих основу постсоветского экспорта всех постсоветских стран в Китай. Логично предположить, что в результате произошедшего в 2008–2009 гг. обвального снижения цен на энергоресурсы и металлы доля партнеров по Шанхайской организации сотрудничества в импорте КНР станет еще ниже.

Опережающий рост экспорта привел к тому, что с 2006 г. Китай поддерживает положительное торговое сальдо в торговле с другими членами ШОС (см. диаграмму 7.1). В 2008 г. это сальдо сложилось в районе 18 млрд. долл., из которых около 7 млрд. долл. пришлось на торговлю с Россией, и примерно 11 млрд. долл. – на торговлю с центральноазиатской четверкой.

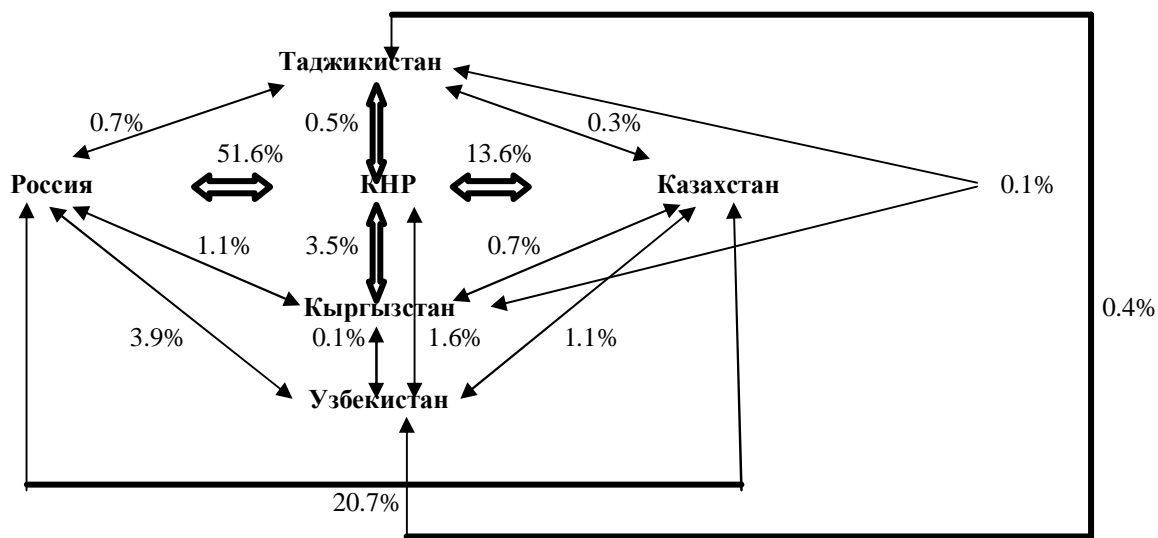
Диаграмма 7.1
Сальдо товарной торговли КНР со странами-членами ШОС, млн. долл.

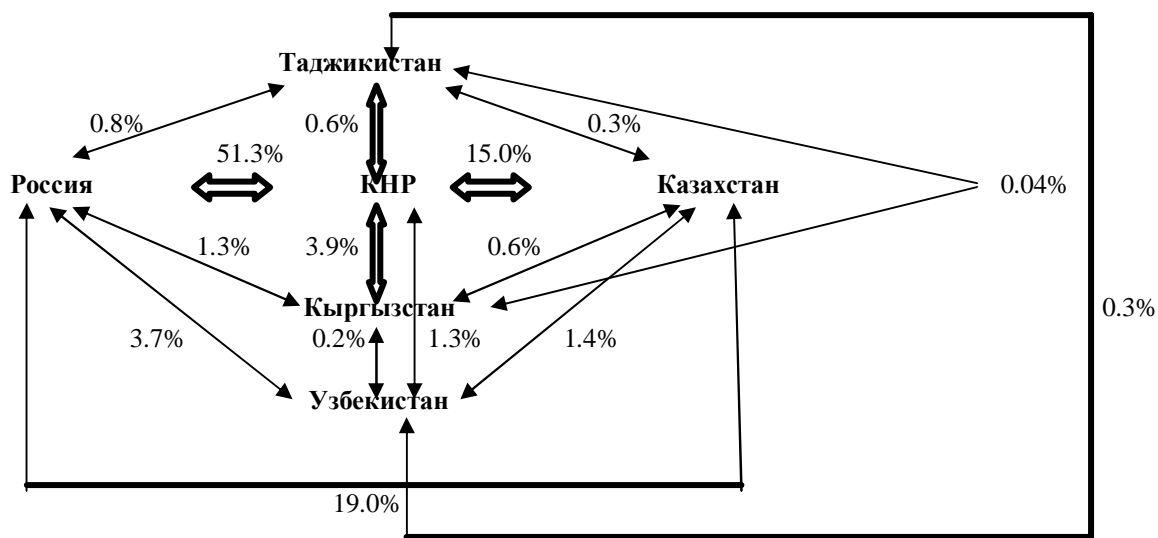
Рассчитано и составлено по: таможенная статистика КНР.

С учетом вышеизложенного стоит более детально взглянуть на торговые потоки в рамках ШОС и ЕврАзЭС. Оказывается, что в 2007 г. (последний год, на который имеется относительно подробная статистика по всем рассматриваемым странам) 51.3% совокупного экспорта внутри Шанхайской организации сотрудничества приходилось на пару Россия–Китай, 19.0% – пару Россия–Казахстан и 15.0% – на пару Китай–Казахстан (см. схему 7.1). На все остальные торговые связи пришлось всего 14.7% совокупного регионального экспорта организации. Более того, если исключить Казахстан, КНР и Россию, двусторонний экспорт остальных трех членов ШОС составил всего 0.7% от совокупного регионального экспорта. В 2006 г. структура внутриблокового экспорта в ШОС была практически аналогичной.

Структура экспортных потоков в ШОС в 2006 г.

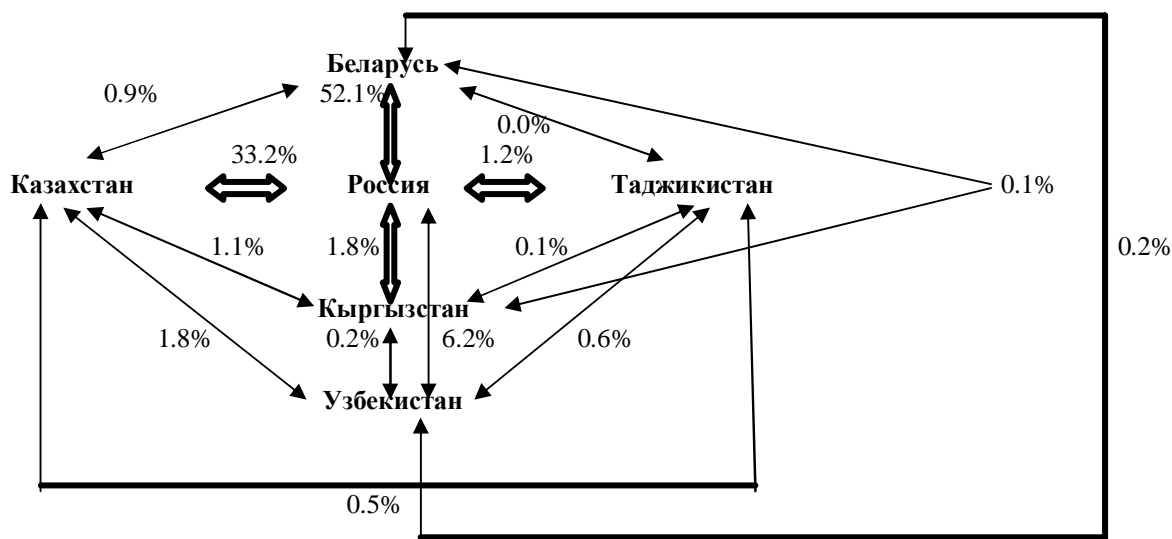
Структура экспортных потоков в ШОС в 2007 г.

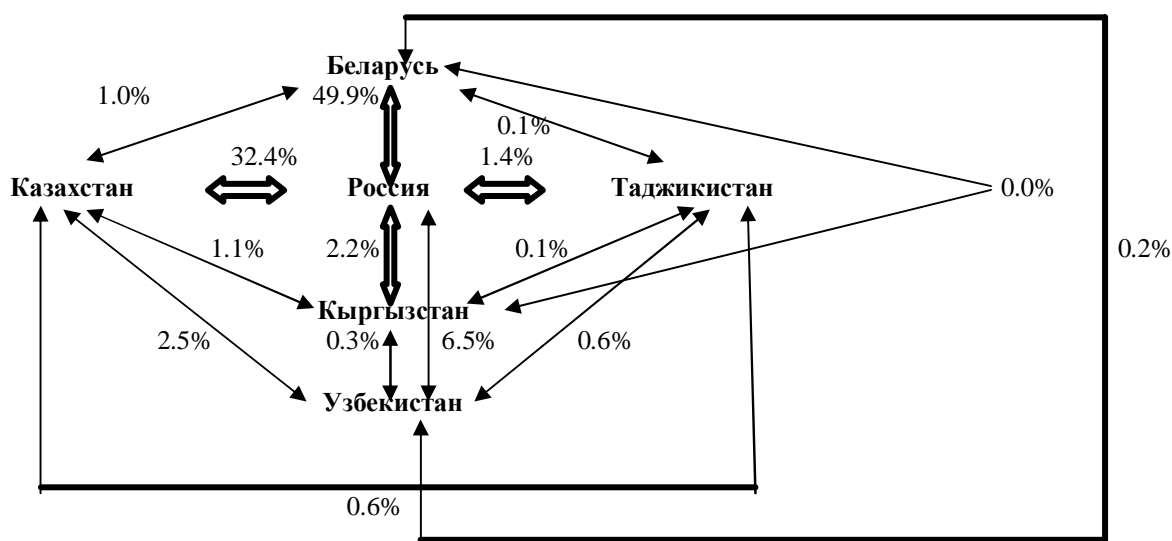
Рассчитано и составлено по: национальная таможенная статистика; база данных статкомитета СНГ.

Экспорт в торгово-экономическом блоке ЕвразЭс завязан почти исключительно на Россию (см. схему 7.2).

Структура экспортных потоков в ЕврАзЭС в 2006 г.

Структура экспортных потоков в ЕврАзЭС в 2007 г.

Рассчитано и составлено по: национальная таможенная статистика; база данных статкомитета СНГ.

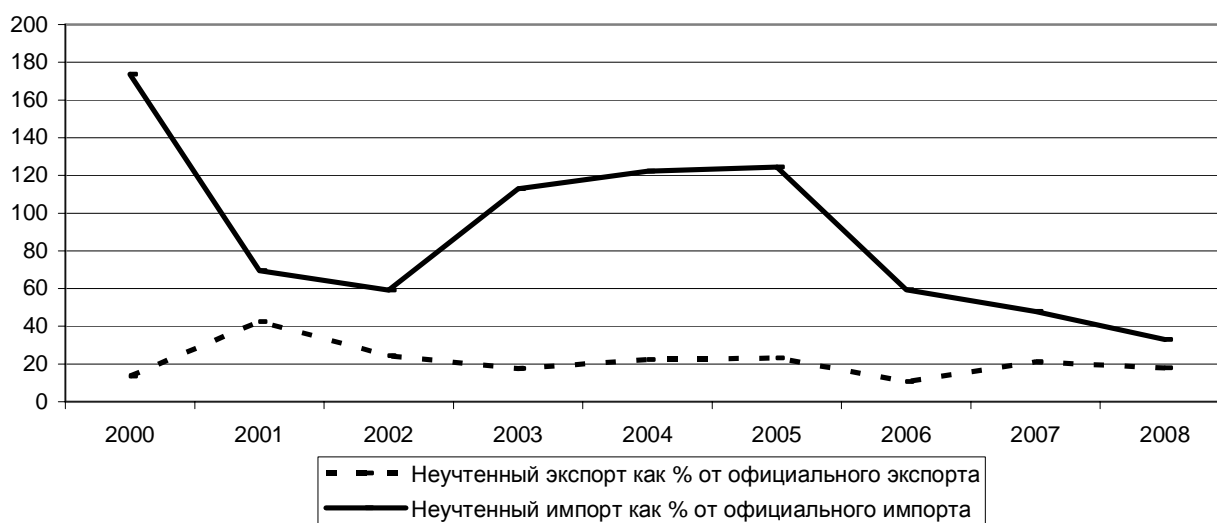
Совокупные экспортные потоки внутри блока, не ориентированные на российский рынок, составляли всего 7.4% в 2007 г. и 5.5% в 2006г. При этом на связку Россия–Беларусь пришлось 49.9% (52.1%) всего регионального экспорта, а на связку Россия–Казakhstan – 32.4% (33.2%).

Таким образом, и Шанхайская организация сотрудничества, и ЕврАзЭС в экономическом смысле представляют собой организации с «коренными» и «второстепенными» участниками. В случае ШОС основная масса экспортных потоков

замкнута в треугольнике Россия–Китай–Казахстан, в случае ЕврАзЭС – в треугольнике Россия–Беларусь–Казахстан. Показательно, что в шосовском треугольнике «младший» партнер – Казахстан интенсивно торгует с двумя другими странами, в евразэсовском же треугольнике все торговые связи замкнуты исключительно на Россию, а взаимный экспорт Казахстана и Беларуси крайне незначителен. Очевидно, что столь асимметричное торгово-экономическое образование как ЕврАзЭС не отличается устойчивостью. По большому счету все участники этого блока через региональные экспортные потоки связаны почти исключительно с российским рынком.

Вплоть до настоящего момента при анализе мы опирались на официальную статистику рассматриваемых стран, не учитывая так называемые «неорганизованные» или не попадающие в постсоветскую статистику, но фиксируемые китайской стороной, торговые потоки. Все последние годы «неорганизованные» потоки быстро растут как по абсолютным размерам, так и относительно официально учитываемой торговли (подробно этот вопрос рассматривается в **Главе 3. Взаимная торговля и прямые инвестиции**). В 2008 г. неучтенный официальный постсоветской статистикой экспорт пятерки членов ШОС в Китай превысил 5 млрд. долл., а неучтенный импорт из КНР – приблизился к отметке в 12 млрд. долл. Неучтенный экспорт стабильно составляет примерно 20% официального экспорта, а неучтенный импорт, хотя и относительно снизился в последние два–три года, но в 2008 г. все еще составлял около одной трети от официального импорта (см. диаграмму 7.2).

Диаграмма 7.2
Пятерка стран ШОС: значимость статистически неучтенной торговли с КНР, %

Рассчитано и составлено по: национальная таможенная статистика; база данных статкомитета СНГ.

Притом, что по стоимости неучтенный импорт из КНР более чем в два раза превосходит неучтенный экспорт, остановимся на импортных потоках более детально. Начнем с каналов входа неучтенного китайского экспорта в постсоветские экономики.

Как и следовало ожидать, до 2005 г. включительно самая крупная часть неучтенных китайских товаров поступает через пористую российскую таможенную границу (см. таблицу 7.3). Примечательно, однако, то обстоятельство, что, начиная с 2001 г. неучтенный китайский поток через российскую границу снизился в абсолютном выражении, но вплоть до 2007 г. оставался значительным. Не попадающие в официальную постсоветскую статистику потоки через казахскую и кыргызскую границу, напротив, постоянно увеличиваются (см. подробнее **Главу 3. Взаимная торговля и прямые инвестиции**). Понятно, что неучтенный

импорт, пришедший через казахскую таможенную границу, в значительной своей массе реэкспортируется в Россию. Находящийся же в бедственном положении Кыргызстан реэкспортирует в Россию и в несопоставимо меньшей степени в Казахстан практически весь нерегистрируемый китайский импорт.

Таблица 7.3.

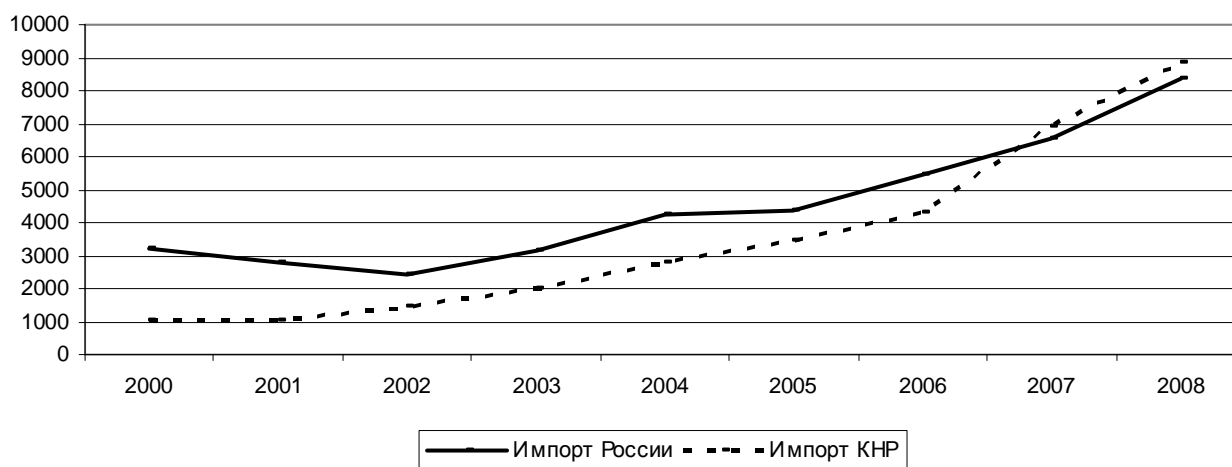
Каналы входа статистически неучтенного импорта из КНР в экономическое пространство пятерки стран-членов ШОС

	% от всего неучтенного импорта из Китая					Неучтенный импорт из Китая, млн. долл.
	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Узбекистан	Россия	
2000	25	4	0	-2	72	1777
2001	13	2	0	-3	88	1208
2002	20	6	0	-1	75	1490
2003	27	4	0	0	69	3921
2004	24	7	0	-2	71	6127
2005	28	8	0	0	64	9340
2006	36	24	2	1	37	7857
2007	33	28	2	3	34	11885
2008	42	67	5	6	-19	11687

Рассчитано и составлено по: национальная таможенная статистика; база данных статкомитета СНГ. За 2008 грубые предварительные оценки.

В середине текущего десятилетия Россия ужесточила таможенную дисциплину и попыталась перекрыть «черные» и «серые» потоки товаров через свою таможенную границу. В принципе эта политика дала положительные результаты. Другое дело, что она была во многом обесценена из-за вала нерегистрируемого импорта через казахскую и в возрастающей степени кыргызскую таможенную границу.

Диаграмма 7.3
импорт КНР и России из центральноазиатской четверки ШОС, млн.долл.

Рассчитано и составлено по: таможенная статистика КНР и России.

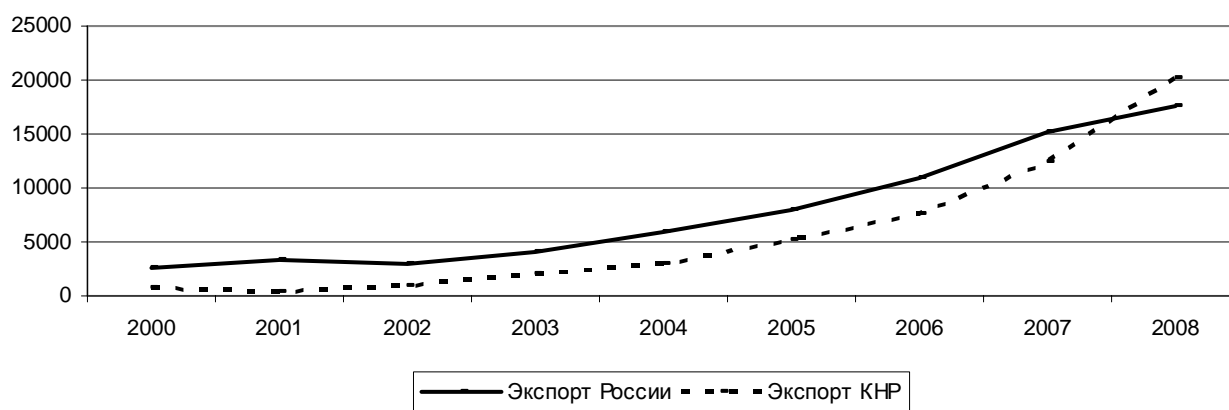
С учетом нерегистрируемых потоков товаров полезно сопоставить торговлю центральноазиатской четверки ШОС с Россией и КНР. Как это отчетливо демонстрируют

материалы диаграммы 7.3, в 2007 г. экспорт Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана в Китай практически сравнялся с экспортом этой четверки стран в Россию. В 2008 г. экспорт четверки в Китай по стоимости превышал ее же экспорт на российский рынок.

Импорт центральноазиатской четверки членов ШОС в 2008 г. из Китая также обогнал ее импорт из России (см. диаграмму 7.4). Между тем еще в 2000 г. китайский экспорт в центральноазиатские члены ШОС составлял всего 28% от российского экспорта на те же рынки. Одним словом, постсоветская Центральная Азия, как, впрочем, и все регионы современного мира, ускоренными темпами превращается в рынок сбыта китайской продукции. Опережающий рост торговли придает определенный динамизм связке Центральная Азия – КНР в рамках ШОС, хотя и недостаточный для того, чтобы говорить о серьезном интеграционном потенциале этой организации.

Диаграмма 7.4
Экспорт КНР и России в центральноазиатскую четверку ШОС,
млн. долл.

Рассчитано и составлено по: таможенная статистика КНР и России.

Наряду с торговыми потоками сравнительно интенсивное экономическое взаимодействия между постсоветскими экономиками и частично между постсоветскими экономиками и КНР наблюдается по линии такого фактора производства как труд, миграционная подвижность которого в условиях глобализации резко возросла. Основой трудовой миграции в постсоветском пространстве и Евразии является неодинаковая обеспеченность трудовыми ресурсами. Если Беларусь, Казахстан и Россия представляют собой трудодефицитные страны, то центральноазиатские республики и КНР, напротив, относятся к категории трудоизбыточных стран (см. таблицу 7.4). Понятно, что речь идет о структурном дефиците или избытке труда, которые в свою очередь определяются структурой экономики и макроэкономическими ограничениями, в рамках которых развиваются национальные экономики.

Вплоть до самого последнего времени рабочая сила из трудоизбыточных постсоветских экономик в массовом порядке находила занятость в России и в меньшей степени Казахстане. По нашим грубым оценкам в 2006 г. в российской экономике было занято от 1.7 до 2 млн. гастарбайтеров из центральноазиатских экспортеров труда (см. таблицу 7.5). Отношение рабочих-мигрантов, экспортированных в российскую экономику, достигало 24–26% от официальной занятости в Кыргызстане, 27–30% - в Таджикистане и как минимум 7% в Узбекистане. Переводы трудовых мигрантов из России очень консервативно можно оценить в 11-13% ВВП Кыргызстана, 13–14% ВВП Таджикистана и 3% валового внутреннего продукта Узбекистана. По абсолютному объему трудовые трансферты из

России существенно превышают объемы официальной помощи развитию и тем более приток прямых иностранных инвестиций в кыргызскую, таджикскую и узбекскую экономики.²³⁶

Таблица 7.4.

Страны–члены ШОС и ЕврАзЭС: наделенность факторами производства

	Капитал	Труд	
		неквалифицированный	квалифицированный
Беларусь	дефицит	дефицит	дефицит
Казахстан	избыток	дефицит	дефицит
Кыргызстан	дефицит	избыток	нет спроса
Таджикистан	дефицит	избыток	нет спроса
Туркменистан	избыток	избыток	нет спроса
Узбекистан	дефицит	избыток	нет спроса
Россия	избыток	дефицит	дефицит
КНР	избыток	избыток	избыток

С 2007 г. после введения ограничений на торговлю на мелкооптовых и розничных рынках для неграждан России при параллельном ужесточении правил регистрации и приема на работу иностранных граждан в Российской Федерации приток трудовой миграции из трудоизбыточных республик может несколько снизиться. Вместе с тем, учитывая более чем сложное социально–экономическое положение в ненефтяных постсоветских экономиках, не стоит ожидать, что трудовая миграция из трудоизбыточных стран снизится существенно. Если, конечно, Россия и Казахстан в ущерб своим экономическим интересам не закроются от потока гастарбайтеров.

Кризис привел к резкому снижению спроса на труд рабочих мигрантов в России и Казахстане. Однако, судя по данным демографических прогнозов, в ближайшие 10–20 лет Россия будет проходить через фазу острой депопуляции, в том числе сокращения населения в трудоспособном возрасте.²³⁷ Причем особенно быстро будут численно сокращаться возрастные группы 15-24 года и 40-49 лет.²³⁸ Это означает, что в среднесрочном и долгосрочном периоде Россия будет вынуждена в массовых масштабах привлекать трудовых мигрантов из бывших советских республик.

Численность трудовых мигрантов из КНР в России и на всем постсоветском пространстве может быть грубо оценена в 200–300 тыс. В перспективе трудовой поток из Китая может вырасти. В ходе двусторонних переговоров с Кыргызстаном относительно условий вступления последнего во Всемирную торговую организацию (ВТО) КНР дальновидно уделила пристальное внимание проблемам миграции рабочей силы. В результате Кыргызстан взял на себя обязательство предельно либерализовать регулирование трудовой миграции. Как известно, одной из самых мощных тенденций современной мировой экономики является либерализация сферы услуг. В общем соглашении об услугах ГАТС–ВТО деятельность национальной рабочей силы за рубежом определяется как услуга. Притом, что прецедентов массированного импорта Китая рабочей силы из-за границы замечено не было, понятно, что речь идет об облегчении доступа китайской рабочей силы к рынку труда в Кыргызстане.

²³⁶ Подробнее см.: Резникова О.Б. Перспективы миграций на постсоветском пространстве// Кавказ&Глобализация, Том 2, Выпуск 4, 2008 (СА&СС Press, Швеция).

²³⁷ Резникова О.Б. Взаимодействие России и развивающихся стран по линии человеческого капитала: возможности для сотрудничества и нарастающая конкуренция/ Современное состояние бизнес–среды развивающихся стран в свете национальных экономических интересов России (итоговый документ). М.: ИМЭМО РАН, 2008.

²³⁸ Резникова О.Б. Межстрановые миграции в постсоветском пространстве/ Миграционные процессы в развивающихся странах Азии и Африки. Отв. ред. А.А. Рогожин. М.: ИМЭМО РАН, 2007.

Таблица 7.5.

Оценка значения трудовой миграции для центральноазиатских «доноров труда», данные на 2006 г.

	Оценка трудовой миграции, тыс. чел.		Трудовая миграция в Россию		Оценка переводов трудовых мигрантов из России		Все переводы в % от ВВП
	тысяч человек	% от официальной занятости	тысяч человек	% от официальной занятости	млн. долл.	% от ВВП	
Кыргызстан	450-500	31-32	350-400	24-26	315-360	11-13	14-16
Таджикистан	600-650	32-35	500-550	27-30	360-396	13-14	15-17
Узбекистан	700-800	8-9	550-600	7-7.5	360-396	3	4
Всего	1750 –1950		1400–1550				

Источник: Резникова О.Б. Постсоветская трудовая миграция// МЭиМО, №3, 2009.

Неудивительно, что китайские рабочие в массовом порядке присутствуют в кыргызской экономике на полностью легальных основаниях. По данным Госкомитета Кыргызстана по миграции и занятости, из пяти тысяч торговцев Карасуйского рынка в г.Ош три тысячи являются китайцами, на рынке Дордой в Бишкеке доля торговцев из Китая достигает почти трети. Аналогичная ситуация и на других рынках и торговых комплексах страны. Все производство и торговля игрушками в Кыргызстане находятся в руках китайцев. На трех кирпичных заводах, расположенных в округе Бишкека, заняты практически одни китайцы.²³⁹

Вскрыв рынок труда для своей рабочей силы в Кыргызстане, КНР стремится на тех же условиях заключить соглашения и с другими центральноазиатскими экономиками, а также Россией. Имеется информация, что на двусторонних переговорах по условиям вступления в ВТО Россия фактически согласилась с китайскими требованиями максимально либерализовать рынок рабочей силы и трудовую миграцию.

Казалось бы, с учетом опыта Кыргызстана, трудоизбыточные Таджикистан и Узбекистан были бы в принципе не заинтересованы в открытии своего рынка труда для иностранных рабочих. Тем не менее, на всех инфраструктурных проектах, финансируемых Китаем в Таджикистане, в массовом порядке занята именно рабочая сила из Китая. При этом, как отмечают некоторые авторы, в Таджикистане общество не воспринимает массовое присутствие китайских рабочих как острую проблему.²⁴⁰ По-видимому, такую ситуацию можно частично объяснить тем, что не находящая себе применения внутри страны таджикская рабочая сила экспортируется в Россию, а также спецификой политической ситуации в этой стране.

7.4. Действительные интересы участников ШОС

Проведенный анализ показывает, что с экономической точки зрения ШОС представляет собой рыхлое, даже искусственное, образование, не имеющее собственной экономической повестки дня. Никаких объективных признаков интеграции между экономиками стран-участниц этих организаций не обнаруживается. С учетом этого обстоятельства особый интерес представляют реальные интересы отдельных стран-участниц ШОС.

КНР

Главным бенефициаром от открытия Евразии глобальной конкуренции является КНР. В самом общем виде ШОС представляет собой бюрократический механизм, который позволяет КНР не столько решать, сколько идеологически озвучивать свою повестку дня для Евразии, а частично – и свою глобальную повестку дня. Основные вопросы экономического, политического и стратегического порядка КНР решает в двусторонних форматах КНР – Россия, КНР – Казахстан, КНР – Узбекистан и т.д. В практическом плане Китай мало нуждается в ШОС. Нет ни одной значимой проблемы в отношении с новыми независимыми государствами, которую КНР не мог бы решить в двустороннем порядке. В чем же тогда заключается привлекательность ШОС для Китая?

Не стоит сбрасывать со счетов элемент национальной гордости – ШОС представляет собой первую международную организацию, в названии которой присутствует китайский этноним (Шанхай). Понятно, что этот момент является особенно ценным для выстраивания внутрикитайской идеологической картинки мира – традиционно китаецентричной. Для набирающего силу китайского национализма лидерство КНР в новой организации,

---

²³⁹ Сагинбаева А. Китай и Кыргызстан: ожиданий больше, чем реального сотрудничества// Доклад на международной конференции «Китай и Центральная Азия: экономические отношения, текущая ситуация и перспективы», Бангкок, июль 2006.

²⁴⁰ Касенова Н. Новый международный донор: помощь Китая Таджикистану и Киргизстану. Центр Россия/ННГ, Russie.Nei. Visions, IFRI, n36. January 2009.

возникшей уже после крушения биполярной структуры мира, является несомненной ценностью. Более того, возможность апеллировать к опыту ШОС получила и китайская дипломатия, которая рекламирует опыт межстранового сотрудничества под руководством Китая в Евразии и предлагает другим странам строить отношения по сходному алгоритму.

Особо следует сказать и об интересах Синьцзян–Уйгурского автономного района. Диспропорции в социально–экономическом развитии провинций представляют собой одну из острейших проблем развития КНР. Отставание в развитии западных регионов рассматривается в Китае как важнейшая внутренняя проблема, требующая незамедлительного решения. Через граничащий с Казахстаном СУАР проходит основная масса нарастающих контактов КНР и Центральной Азии, что буквально превратило столицу района г.Урумчи в фактическую экономическую столицу формирующегося региона «большая Центральная Азия» (подробнее см. **Главу 2. Синьцзян–Уйгурский автономный район (СУАР) в контексте ускоренного развития западных провинций КНР и формирования «большой Центральной Азии»**).

Но не эти аспекты являются главными. ШОС функционально решает важнейшую задачу КНР по «мягкому обволакиванию» Евразии. Принципиально интересы Китая в Евразии не отличаются от интересов ведущих развитых стран – это доступ к природным ресурсам и рынкам. Другое дело, что в отличие от Запада, особенно США, КНР действует не столь прямолинейно и агрессивно. В полном соответствии с вековыми традициями китайской дипломатии, ШОС обеспечивает превращение Китая в фактического лидера Евразии таким образом, чтобы не травмировать ни сами центральноазиатские страны, ни Россию.²⁴¹ Современный Китай вполне устраивает политкорректная «мягкая гегемония», в обмен на признание своих интересов он вполне готов на встречные символические шаги.

При этом Китай не удовлетворен тем, что многостороннее взаимодействие в рамках ШОС не приносит ожидаемых им результатов. Часть китайского экспертного сообщества приступила к проработке вопроса о возможности создания новой региональной организации с участием КНР и центральноазиатских стран, но без участия России.²⁴² В случае создания такой организации Китай установит в регионе паритет с Россией, которая взаимодействует с центральноазиатскими странами не только в ШОС, но и эксклюзивно в рамках ЕврАзЭС и ОДКБ. Причем КНР не только добьется симметрии с Россией, но и получит возможность ускорить создание в Центральной Азии зоны свободной торговли, что необходимо для окончательного открытия местных рынков китайскому экспорту, а также для более плотного контроля за совместными с центральноазиатскими государствами энергетическими проектами.

КНР не скрывает своих претензий на лидирующую роль в ШОС и в Евразии в целом и умело подталкивает в нужном для себя направлении структуру межгосударственного взаимодействия в этой части мира. Показательны в этом смысле практические рекомендации в сфере энергетики, которые предложил Казахстану один из ведущих аналитиков КНР по России, странам Восточной Европы и Центральной Азии Дун Сяоян: «В настоящее время для Казахстана важно европейское направление экспорта ресурсов. Но надо иметь в виду, что это направление монополично контролируется Россией. У Казахстана было бы больше свободы и самостоятельности на Азиатско-Тихоокеанском и китайском направлениях, потому что там ещё нет такой жесткой конкуренции между экспортерами. Россия всевозможными квотами и другими ограничениями на транзит углеводородов по своей территории и по своим трубопроводам защищает свои монопольные интересы на европейском направлении. А Китай хоть и добывает большое количество, но в большей

---

²⁴¹ Крайне интересный анализ практики осуществления «мягкой гегемонии» Китая в Центральной Азии в предшествующие исторические эпохи представлен в монографии: Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV–XIX вв.). Алматы: «Гылым», 1995. Исследователи, хорошо знакомые с современной Центральной Азии, не могут не увидеть множества коннотаций и аллюзий между современностью и традицией.

²⁴² Авторы благодарны В.В.Михееву за эту информацию.

степени является не экспортером, а потребителем нефти. Тут Казахстан сам по своему желанию может определять и устанавливать объемы экспорта, что очень выгодно вашей стране»²⁴³.

На фоне безуспешных попыток китайских энергетических компаний получить прямой контроль над нефтегазовыми активами в России – кстати, безрезультативность этих попыток китайская сторона, справедливо или нет – другой вопрос, связывает с действиями Москвы – задача проникновения в Казахстан и Туркменистан реализуется особенно энергично.

Помимо экономических задач КНР, безусловно, решает во взаимодействии с Евразией и другие важнейшие для себя проблемы, среди которых: демаркация и делимитация государственной границы: запрещение деятельности так называемых «экстремистских» и «сепаратистских» движений и организаций и т.д. Следует особо подчеркнуть, что большинство этих проблем фактически решается на условиях китайской стороны. Все постсоветские страны, включая Россию, вынуждены были пойти на определенные уступки в вопросах прохождения границы, регулирования деятельности уйгурских движений и организаций, поддержания отношений с Тайванем и т.п.

Однако основная задача КНР в рамках ШОС – экономизация деятельности этой организации. Среднесрочные интересы Китая заключаются в окончательном закреплении своей доминирующей экономической роли в Евразии в качестве промышленного и в возрастающей степени научно–технологического лидера регионального развития. В 2006 г. по стоимостному объему экспорта высокотехнологичной продукции КНР обошла США и Евросоюз.²⁴⁴ Появляется все больше примеров того, что предприятия Казахстана, Узбекистана и России все чаще используют производственные технологии, импортируемые из КНР.

В долгосрочной перспективе КНР, возможно, намерена сформировать азиатско–европейский трансконтинентальный транспортный коридор, связывающий порт Ляньюнгань (КНР) с портом Роттердам (Нидерланды). Вплоть до того момента, пока морские перевозки являются более дешевыми в сравнении с наземным транспортом, эта идея в экономическом смысле остается виртуальной. Тем не менее, если по соображениям безопасности Китай примет решение о создании коридора, последний будет построен в кратчайшие сроки. Стратегическая значимость этого коридора заключается в том, что по нему Китай обеспечит себе прямой выход к нефтегазовым ресурсам Ирана, а, возможно, и нефтеэкспортеров Персидского залива через территорию стран, находящихся в критической зависимости от экономических связей с КНР.

Казахстан

Вторым главным бенефициаром открытия Евразии глобальной конкуренции стал Казахстан. Эта страна на обозримую перспективу останется основным экономическим партнером Китая в Центральной Азии, что обусловлено нарастающей вовлеченностью китайских компаний в казахский нефтегазовый сектор и атомную промышленность (см. **Главу 5. Центральная Азия – энергетический донор китайской экономики?**). 23 декабря 2002 г. КНР подписал с Казахстаном Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Аналогичный договор КНР имеет только с Россией. 4 июля 2005 г. Казахстан и КНР подписали совместную Декларацию о стратегическом партнерстве. В декабре 2006 г. была подписана Стратегия сотрудничества между Казахстаном и Китаем в XXI веке и Концепция развития двустороннего экономического сотрудничества.

В ближайшие два–три года Астана и Пекин завершат реализацию двух крупных по региональным меркам проектов экспорта центральноазиатских углеводородов в Китай. Во-первых, к 2012 г. предполагается ввести в эксплуатацию вторую очередь нефтепровода

²⁴³ В наших интересах видеть Казахстан в качестве региональной державы – интервью с китайским ученым// <http://www.inform.kz/showarticle.php?id=148656> (20 марта 2006)

²⁴⁴ China Passes the EU in High-tech exports. Eurostat. Statistics in Focus, 25/2009.

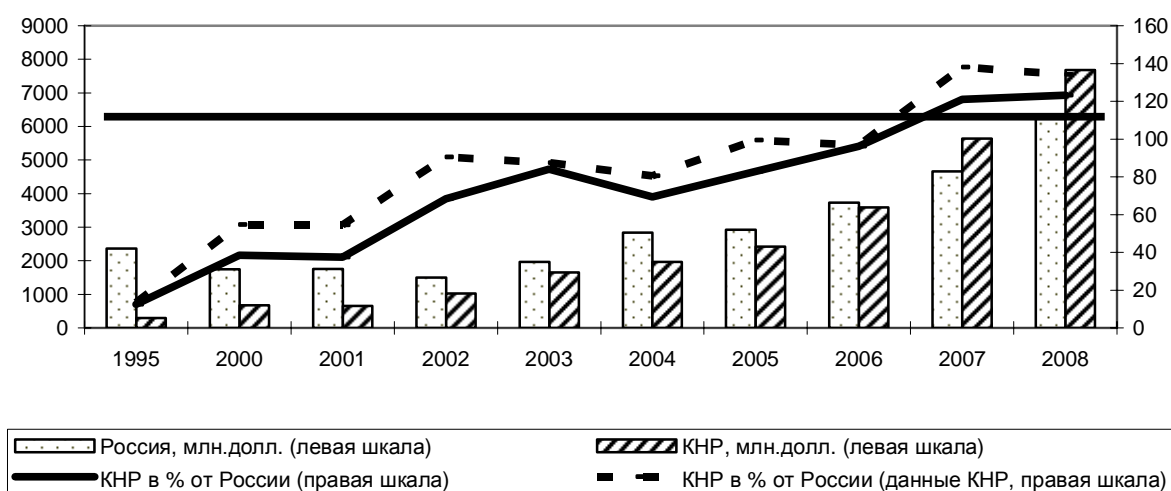
Казахстан – Западный Китай с доведением его совокупной пропускной способности до 20 млн. тонн нефти в год. Во-вторых, Казахстан подключился к проекту прокладки газопровода Центральная Азия – Западный Китай. По газопроводу в Китай будет экспортироваться туркменский, а, возможно, и казахский, и узбекский, газ.

В более отдаленной перспективе Казахстан и Китай намерены интенсифицировать сотрудничество в сфере сельского хозяйства. Экономический рост и повышение благосостояния в Китае сопровождается быстрым ростом потребления продуктов питания, в том числе зерновых. Казахстан с его достаточно крупными площадями сельскохозяйственных земель является для Китая естественным партнером в области сельского хозяйства.

Начиная с 2005 г. Китай для Казахстана представляет собой более крупный рынок экспорта, чем Россия, что особенно заметно в том случае, если пользоваться более полными данными китайской таможенной статистики (см. диаграмму 7.5).

С 2008 г. через Казахстан в КНР поступает и российская нефть. Предполагается, что в ближайшие годы по казахско–китайскому нефтепроводу Атасу – Алашанькоу российские компании смогут прокачивать ежегодно около 5 млн. тонн нефти. В настоящее время российская нефть экспортируется в Китай по комбинированному маршруту. Первоначально нефть по действующему нефтепроводу поступает в Ангарск (Иркутская область). Затем она переваливается в цистерны и по железной дороге направляется в Забайкальск и далее через Монголию в Китай. Объемы экспорта по этому маршруту увеличились с 0.25 млн. тонн в 2001 г. до 15 млн. в 2006 г. Комбинированный тариф на этом маршруте по России достигал 12.3 долларов за баррель. Коммерческие условия экспорта через Казахстан существенно более привлекательны, что может закрепить за этой страной функцию важнейшего энергетического входного узла в общей схеме китайского нефтяного импорта.

Диаграмма 7.5
Казахстан: динамика экспорта в Россию и КНР.
 Млн. долл. (левая шкала) и % (правая шкала)

Рассчитано и составлено по: таможенная статистика Казахстана и КНР.

Географически Казахстан является естественным партнером КНР в проекте создания азиатско–европейского транспортного коридора, а также возможного энергетического коридора Китай – Ближний Восток. Для Казахстана принципиально важно закрепить роль железнодорожного пункта Достык – Алашанькоу в качестве начальной точки входа китайских товаров в постсоветское пространство (см. Главу 4. Транспортные коридоры). В

перспективе же в случае действительного роста азиатско–европейской торговли через Казахстан, она будет распределяться по нескольким маршрутам:

- Центральный маршрут через Кавказ и Турцию;
- Северный маршрут через Россию;
- Южный маршрут через Иран и Турцию;
- маршрут Центральная Азия – Индийский океан через Афганистан и Пакистан.

Еще раз подчеркнем, что все эти соображения относительно распределения товаропотоков по сухопутным транспортным коридорам являются гипотетическими, так как на настоящий момент объем железнодорожных перевозок по маршруту КНР-Европа незначителен, а подавляющая часть торговли между Азией и Европой идет морем.

Беднейшие центральноазиатские экономики (Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан)

Три беднейшие страны ШОС – Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан являются ведомыми пассивными членами этой организации. И все же с учетом того обстоятельства, что Кыргызстан и Таджикистан представляют собой «несостоявшиеся» или «провалившиеся» государства, а Узбекистан является единственным на пространстве СНГ государством, пытающимся выстроить национальную экономику и национальное государство в традиционном доглобализационном их понимании, интересы тройки в отношении ШОС целесообразно рассматривать по отдельности.

Узбекистан

Позднее других вошедший в орбиту «шанхайского форума» Узбекистан оказался в неоднозначном, возможно, самом непростом положении среди всех участников ШОС. Дело в том, что Узбекистан – это единственная постсоветская республика (наряду с Беларусью), сделавшая ставку на развитие собственной обрабатывающей промышленности. Опуская вопрос о том, насколько реалистичной и осуществимой является такая ставка²⁴⁵, отметим здесь лишь то, что интенсификация экономического взаимодействия с Китаем объективно подрывает возможности промышленного развития Узбекистана (см. подробнее **Главу 6. Центральная Азия – КНР: сравнительная конкурентоспособность**). Узбекская промышленность не способна составить конкуренцию китайским товарам ни по качеству, ни по ассортименту, ни, что особенно важно, цене. Легальный и нелегальный импорт китайских товаров широкого потребления и продукции машиностроения выбивает узбекских производителей с внутреннего рынка и тем более лишает их надежды занять какие-то экспортные ниши на рынках соседних стран и России.

Объективно китайская товарная экспансия в узбекскую экономику представляет собой намного более серьезный вызов, чем политические трения с Западом по вопросам «демократии и прав человека». Компании развитых стран уже давно не работают в тех сравнительно примитивных нишах, которые освоены, либо осваиваются, узбекскими производителями. Китайские же компании занимают все рынки и ценовые ниши целиком и без изъятий. Структурно китайское «экономическое чудо» исключает саму возможность осуществления узбекской индустриализации в том ее виде, в котором она проводится в современном Узбекистане. Невозможность продолжения и углубления индустриализации в условиях эвентуально обостряющейся конкуренции с глобальной китайской фабрикой еще слабо осознана узбекскими властями.

По стоимости взаимного товарооборота, а также объемам кредитов, полученных от китайской стороны, Узбекистан до самого последнего времени был вторым крупнейшим

---

²⁴⁵ Возможности и ограничения узбекской модели экономического развития в условиях глобализации подробно разобраны в следующих работах: Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия в социально–экономических структурах современного мира. М.: Московский общественный научный фонд, 2001, С.141-154; Zhukov S. Kyrgyzstan and Uzbekistan: Landlocked Agrarian Economies with an Unlimited Supply of Labor/ Central Asia at the End of the Transition. Ed. by B.Rumer. Armonk, New York: M.E.Sharpe, 2005. PP.297-328.

экономическим партнером КНР в Центральной Азии после Казахстана. Два фактора объясняют то, что китайское экономическое присутствие в Узбекистане является достаточно заметным. Во-первых, политико-экономическая конструкция современного Узбекистана, где доминирует государство, экономическое развитие осуществляется в рамках детализированных правительственных программ, а частному сектору отводится в лучшем случае второстепенная роль, сильно напоминает институциональную структуру КНР. Схожесть политико-экономического устройства позволила правительствам обеих стран достаточно быстро найти общий язык.

Во-вторых, в силу специфики экономического и государственного устройства современного Узбекистана, эта страна не получила существенных кредитов и инвестиций со стороны развитых стран Запада и международных финансово-экономических организаций, включая Международный валютный фонд, Мировой Банк, Европейский банк реконструкции и развития и т.д. По этой причине Китаю принадлежит своеобразная лидирующая роль среди внешних экономических партнеров Узбекистана, исключая Россию. Было бы ошибочно полагать, что Узбекистан более интересен Китаю в сравнении с другими центральноазиатскими странами. Но, если в Казахстане, Кыргызстане и даже Таджикистане КНР выступает в качестве важного, но все-таки одного из нескольких внешнеэкономических партнеров, то в Узбекистане, в силу незначительного экономического присутствия развитых стран, довольно скромное китайское экономическое присутствие кажется гипертрофировано весомым.

Китайские компании создали около 100 совместных предприятий с узбекскими партнерами в таких областях как производство шелка, расфасовка чайного листа, производства бытовых счетчиков электроэнергии и приборов контроля расхода горячей и холодной воды. При этом прямые китайские инвестиции в узбекскую экономику невелики, на начало 2008 г. они, вряд ли, превышали 30 млн. долл. Подавляющее большинство проектов узбекско-китайского сотрудничества относятся к мелким и очень мелким проектам. К тому же практически все они реализуются не как проекты прямых инвестиций, а под кредиты КНР или смешанное финансирование Китая и правительства Узбекистана. С узбекской стороны в сотрудничестве со специализированными кредитными институтами КНР принимает участие большое число правительственных организаций.

Используя свое географическое положение, Узбекистан надеется стать важным транзитным узлом на пути, связывающем Китай с Европой по транспортному коридору ТРАСЕКА (см. **Главу 4. Транспортные коридоры**).

Экономические отношения КНР с двумя наименее развитыми государствами Центральной Азии – Кыргызстаном и Таджикистаном - развиваются во многом по сходной модели.

Кыргызстан и Таджикистан

Кыргызстан и Таджикистан по разным причинам не состоялись в качестве нормальных государств, контролирующих свою собственную территорию, и пополнили обширный список так называемых «провалившихся» государств. В отношениях с другими членами международного сообщества они выступают в качестве «просителей ресурсов», причем обе страны мало что могут предложить донорам взамен помощи.

Экономики обеих стран дезинтегрированы, большая часть экономической активности находится в «теневом секторе». Остатки унаследованного от СССР современного сектора представлены электроэнергетикой и считанным числом промышленных предприятий, главным образом металлургических. В Таджикистане экономическая система критически завязана на алюминиевый комплекс, в Кыргызстане – на золотоносное месторождение Кумтор.

Специфической специализацией Кыргызстана в ШОС и ЕврАзЭС является транзит контрабанды из Китая в Казахстан, частично Узбекистан и главным образом в Россию.

Таможенная статистика Кыргызстана «не замечает» товарные потоки на миллиарды долларов, которые тщательно фиксирует китайская статистика. Нерегистрируемый китайский импорт начал взрывообразно расти с 2002 г., после того как Кыргызстан выбрал все объемы официальной помощи, предоставленной международным сообществом и финансово-экономическими организациями под так называемые «рыночные реформы». В 2006 г. нерегистрируемый импорт Кыргызстана из КНР приблизился к 2 млрд. долл., а в 2008 г. скачкообразно возрос до 7.8 млрд. долл. (подробнее см. **Главу 3. Взаимная торговля и инвестиции**).

Поразительно, что в 2008 г. нерегистрируемый импорт из КНР по объему составил 195% от официально зарегистрированного кыргызского импорта из Китая и 149% от валового внутреннего продукта страны. Понятно, что столь внушительный товарный поток предназначен не для кыргызского рынка, а транзитом следует в другие постсоветские страны, главным образом Россию. Параллельное членство Кыргызстана в ШОС и ЕврАзЭС заметно облегчает продвижение нарастающей китайской товарной массы через дырявые постсоветские границы. В принципе в Россию транзитом следует и значительная часть нерегистрируемого импорта Казахстана из КНР. По сути дела «интеграционные» группировки постсоветского пространства на деле обслуживают интересы китайских экспортеров.

Таджикистан также с готовностью встроился бы в обслуживание нерегистрируемого импорта из КНР, однако, не располагает сопоставимыми с Кыргызстаном возможностями в силу своего невыгодного географического положения. Тем не менее, нерегистрируемый таджикской таможенной статистикой импорт вырос с нулевых отметок в 2005 г. и ранее до более 550 млн. долл. в 2008 г. Очевидно, что значительная часть данного потока в конечном счете поступает на российский рынок.

Россия

В российском дискурсе проблематика деятельности ШОС рассматривается преимущественно через призму устаревших геополитических мифологем «большой игры» за влияние в центральноазиатском регионе. Нередко считается, что структуры ШОСа являются попыткой России в партнерстве с КНР сформулировать эффективный ответ на усиление активности в Центральной Азии и на Кавказе Запада, главным образом США.²⁴⁶

Официально датой рождения Шанхайской организации сотрудничества является 15 июня 2001 г. В то же время исторически ШОС вырос из длительных переговоров между СССР–КНР по вопросам прохождения границы.²⁴⁷ Переговоры о границе начались в 1980-е годы, и с распадом Советского Союза их было решено продолжить в многостороннем формате с подключением всех граничащих с Китаем постсоветских республик. По этой причине в переговорах изначально не участвовал Узбекистан, не имеющий общей границы с КНР.

В середине 1990-х годов переговоры переросли рамки пограничных вопросов и расширились до обсуждения проблематики военной безопасности. 26 апреля 1996 г. в Шанхае КНР, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Россия подписали Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы. 24 апреля 1997 г. в Москве «шанхайская пятерка» подписала Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. На Бишкекском саммите (1999 г.) «шанхайская пятерка» приняла решение о создании рабочей группы правоохранительных органов и спецслужб для координации действий против международного терроризма, экстремизма, сепаратизма, нелегальной миграции и незаконного оборота наркотиков. С этого момента повышенное внимание пятерка начала уделять глобальным вопросам. Получившие широкую известность слова

²⁴⁶ См., например: Грозин А. Постсоветская Центральная Азия: новые геополитические тенденции и российские интересы// Центральная Азия и Кавказ, №5, 2007, Сс.53-66 (стр.61).

²⁴⁷ Здесь и далее подробнее см.: Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия в социально... с.380-381.

Б.Ельцина о том, что на форуме идет бой «с западниками»²⁴⁸, сигнализировали о том, что форум приобретает отчетливый антизападный акцент. Уже Бишкекская (1999 г.) и Душанбинская (2000 г.) декларации “шанхайской пятерки” плотно насыщены идеологией многополярного мира, идеями поддержания глобального равновесия, осуждениями планов США по созданию национальной системы противоракетной обороны. В совещаниях “шанхайской пятерки” в Душанбе (2000 г.) в качестве наблюдателя впервые принял участие Узбекистан.

Очевидно, однако, что, во-первых, ШОС в принципе слабо влияет на активность Запада в указанных регионах; во-вторых, инициатива в ШОС принадлежит Китаю; в-третьих, и это главное, позиции КНР и России в этой региональной организации заметно отличаются. В то время как Россия стремится сконцентрировать деятельность ШОС на геополитических и политических вопросах, КНР, не отбрасывая политическую повестку дня, со своей стороны дополнительно преследует цель максимально экономизировать деятельность этой региональной организации.

Как и Китай, все значимые проекты экономического сотрудничества с центральноазиатскими странами Россия реализует в формате двустороннего сотрудничества, лишь символически задействуя структуры ЕврАзЭС и тем более ШОС. У России отсутствует реальный геоэкономический проект для Центральной Азии и всего постсоветского пространства, который можно было бы даже потенциально рассматривать как альтернативу китайскому проекту. Причина этого кроется не в каких-то просчетах и/или конкретных ошибках властей, но в самой природе российской модели сырьевого роста и, как следствие, отсутствии каких-либо заметных рыночных интересов и возможностей в Евразии (как, впрочем, и повсюду в мире). В принципе такого продуманного и четко сформулированного проекта нет и у КНР, однако промышленная мастерская мира втягивает Евразию в свой геоэкономический контур эвентуально самим ходом своего развития.

Распространенная в России идеологема «Большой игры», сродни той, которую в начале XIX века вели Российская и Британская империи, маскирует отсутствие реальных интересов и возможностей. Данная идеологема является ложной. В современных условиях суть глобальной игры или конкуренции в Центральной Азии заключается не в борьбе за физический контроль над ее территорией, а в контроле над природными ресурсами региона и возможности использовать его в качестве транзитной зоны в коммуникациях по линии Китай–Иран (Ближний Восток). Примечательно, что на уровне элементарной логики идеологема «Большой игры», если принимать ее всерьез, обесмысливает идеологему ШОС как протоинтеграционной группировки. Едва ли не главным и самым активным участником «Большой игры» с собственными интересами является Китай.

В чем заключается в таком случае действительный смысл ШОС? Суммируем в схематичном виде те выгоды и приобретения, а также минусы, которые каждое государство – участник ШОС получает от членства в этой организации. Учтем при этом то обстоятельство, что заинтересованными участниками являются не только государства в целом, но также и отдельные регионы и отдельные правящие и господствующие группировки. Плюсы и минусы стран – участниц организации эксплицитно представлены в матрице «плюсов» и «минусов» от членства в ШОС (см. матрицу).

Материалы этой матрицы, вкупе с вышеизложенным, позволяют сделать следующие основные выводы:

- во-первых, наиболее существенные «плюсы» от интенсификации экономического взаимодействия Евразии и КНР приходятся на сам Китай, а также Казахстан. Причем для КНР активизация взаимодействия с Евразией не сопровождается какими-либо отрицательными последствиями;

---

²⁴⁸ Чудодеев А. Владимир Путин дал бой западникам / Сегодня, 6 июля 2000.

Матрица «плюсов» и «минусов» от членства в ШОС для стран–участниц

	на уровне государств		на уровне регионов/элитных группировок
	Плюсы	Минусы	плюсы
КНР	продвижение промышленного экспорта	нет	дополнительные возможности для экономики СУАР и западных регионов
	диверсификация транспортных маршрутов		
	неконфронтационное идеологическое оформление «мягкой гегемонии в Евразии»		
Россия	неконфронтационное идеологическое оформление «ухода из Центральной Азии»	появление транспортных маршрутов и нефте- и газопроводов, минующих территорию России	
Казахстан	прямой транспортный и трубопроводный выход на КНР	дополнительный подрыв возможностей индустриализации	создание контрбаланса в отношениях с США (проблема «казахгейта») и Россией (торговля на переговорах по транзиту и ценам на нефть и газ)
	возможное включение в энергетический и транспортный коридоры «Китай – Кавказ – Иран (Ближний Восток) – Европа»		
Узбекистан	возможность примкнуть к энергетическим и транспортным коридорам «(Европа/Иран) – Центральная Азия – КНР»		
	получение дополнительной помощи от КНР		
Кыргызстан	контрабанда в Казахстан, Россию и Узбекистан китайских товаров	нет	дополнительные возможности «кормления» вовлеченной в работу форума бюрократии
	получение дополнительной помощи от КНР		
Таджикистан	получение дополнительной помощи от КНР		

- во-вторых, почти все реальные и потенциальные выигрыши центральноазиатских государств и КНР оборачиваются, либо грозят обернуться, «минусами» для России. Точнее эти «минусы» следует определить как новые вызовы для России в ситуации кардинальной реконфигурации бывшего советского пространства и изменения положения страны в системе мировых экономических координат;

- в-третьих, особо следует подчеркнуть то важнейшее обстоятельство, что все главные процессы по линии КНР – Евразия развиваются вне зависимости от наличия или отсутствия ШОС. В том случае, если бы эта организация не была бы создана, ход и направление перемен в этой части мира принципиально не изменился бы.

Что же тогда принципиально нового привносит ШОС? Как уже отмечалось, эта организация создает идеологическую рамку для обеспечения «мягкой экономической гегемонии» КНР в Евразии. Симметрично для России ШОС создает идеологическую рамку «неконфронтационного ухода из Центральной Азии». В матрице эти две симметричные функции ШОС выделены серым цветом. Процессы и интересы, обозначенные во всех остальных ячейках матрицы, по большому счету разворачиваются и существуют независимо от ШОС.

В принципе, прекращение субсидирования центральноазиатских (и всех остальных) республик за счет российского природного и человеческого капитала является для России несомненным благом. Другое дело, что для реализации своей политики в отношении с центральноазиатскими республиками и КНР Россия объективно не нуждалась и не нуждается в ШОС. На наш взгляд, пойдя на создание ШОС, что в КНР не могло быть воспринято иначе как «зеленый свет» на пути наращивания китайского присутствия в Центральной Азии, Россия совершила ошибку. Конечно, она не в состоянии воспрепятствовать опережающему наращиванию экономического взаимодействия центральноазиатских и китайской экономик. Однако, согласившись на создание ШОС, Россия резко ускорила темпы продвижения КНР в Центральную Азию, а через пористые границы и внутрь российской экономики.

В современной России сохраняется, а периодически даже усиливается, снисходительно покровительственное отношение к бывшим республикам Средней Азии и, хотя и в меньшей степени, Казахстану. Зачастую имплицитно полагается, что в рамках ШОС Россия и другие бывшие советские республики могут выступать с единой позицией, в чем – то оппонируя позиции Китая. Нередко такие настроения поддерживаются руководством центральноазиатских республик.

В действительности, однако, все союзы России с центральноазиатскими республиками как в ШОС, так и в ЕврАзЭС являются ситуативными. Шаткость и временность этих союзов проистекает из того, что, во-первых, на мировом рынке Россия и Казахстан (как и Туркменистан, и Азербайджан) выступают конкурентами; во-вторых, беднейшие республики откровенно рассматривают Россию, как, впрочем, и КНР, и США, и Евросоюз, и любого потенциального донора в качестве «дойной коровы», из которой следует вытягивать ресурсы; в-третьих, будучи отрезанными от мирового рынка Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, как и любые другие страны, не имеющие выхода к морю, объективно заинтересованы в строительстве максимально возможного числа альтернативных транспортных коридоров. Притом, что на протяжении последних двух столетий коммуникации Центральной Азии с внешним миром осуществлялись исключительно через Россию, новые коридоры автоматически подрывают монополию последней на транзит.

Особое значение приобретает стратегия отношений России с Казахстаном. С учетом закрепляющейся сырьевой специализации российской экономики и в контексте отношений России с Китаем, Казахстан представляет собой центральный вызов для России на ее южных границах. Как с точки зрения географического положения, так и в значительной мере одинаковой структуры экономики Казахстан является прямым конкурентом России на

европейском и азиатском рынках нефти. В перспективе через Казахстан в Китай будет транспортироваться центральноазиатский газ и, возможно, пройдет энергетический коридор Китай – Иран (Ближний Восток).

Для Казахстана крайне выгодно поддержание напряжения в разнообразных геополитических проектах вокруг Центральной Азии и Евразии, где он занимает ключевое положение. Более того, чем выше градус виртуального геополитического соревнования Запада, России и КНР – тем больше шансов на выживание получает та весьма специфическая политико–экономическая конструкция «власть – собственность», которая укрепились в этой центральноазиатской республике.

В настоящее время российская позиция в отношении Казахстана является реактивной. Разработка содержательной позитивной политики в отношении Казахстана на длительную перспективу недопустимо затянулась.

В 2004–2008 гг. по мере накопления доходов от экспорта природных, главным образом нефтегазовых, ресурсов в России нарастало искушение активно включиться в развитие беднейших экономик центральноазиатского региона через так называемые «институты развития» и государственные компании. Такой вариант в случае реализации неизбежно станет «кладбищем» для российских ресурсов. Показательно, что ни Мировой банк, ни Азиатский банк развития после почти десятилетнего изучения электроэнергетических и гидроэнергетических проектов в Кыргызстане и Таджикистане так и не инициировали ни одного крупного проекта. Есть все основания полагать, что, в конечном счете, за эти проекты в случае их реализации расплачиваться придется российскому налогоплательщику. Идти на крупные проекты в данном регионе имеет смысл только в партнерстве с ведущими международными институтами развития.

Представляется, что экономический кризис, который на момент завершения настоящей работы только набирал обороты, должен способствовать переосмыслению политики России в отношении центральноазиатских партнеров.

Глава 8. Перспективы

В силу географической близости наращивание экономического взаимодействия между государствами Центральной Азии и КНР, особенно Синьцзян–Уйгурским автономным районом, представляет собой естественный процесс, который и далее будет развиваться опережающими темпами. До середины XX века экономика СУАР был в большей степени втянута в товарообмен с близлежащими центральноазиатскими республиками, чем ориентировалась на приморские провинции Китая. Почти всю вторую половину XX века в силу политических причин экономические связи Синьцзяна и Центральной Азии были и искусственно оборваны и блокировались с обеих сторон. Распад СССР, рыночная трансформация постсоветских и китайской экономик, сопровождающаяся радикальной и/или постепенной внешней либерализацией во многом устранили политические ограничения, которые препятствовали прямому экономическому взаимодействию по линии Центральная Азия – КНР.

Два фактора определяют характер и структуру экономического взаимодействия КНР и Центральной Азии в ближайшее десятилетие. С одной стороны китайская экономика в возрастающей степени зависит от импорта нефти, а в перспективе, возможно, и газа. С другой стороны, мотором экономической динамики КНР является промышленный экспорт, который расширяет совокупный спрос и тем самым позволяет преодолеть относительную ограниченность внутреннего рынка из-за низкой покупательной способности основной массы населения, а главное обеспечивать ускоренную модернизацию технологически и технически отсталой производственной базы. Сохранять высокие темпы роста и поддерживать интенсивные структурные и технологические сдвиги экономика Китая может только за счет экспортной экспансии, которая в значительной мере базируется на импорте сырья.

В 1980-2008 гг. в экономический контур, обеспечивающий «китайское экономическое чудо» оказалось вовлечено порядка 300 млн. человек. Абсолютная численность занятых в промышленности и строительстве выросла в 2.5 раза, а в сфере услуг – в 4.4 раза. Тем не менее, притом, что доля городского населения в КНР в совокупном населении составляет около 45%, а сельскохозяйственная занятость достигает примерно 45% совокупной рабочей силы, экономика страны еще не достигла стадии структурной зрелости, присущей развитым государствам. Ожидается, что к 2020 г. удельный вес горожан в совокупном населении КНР достигнет примерно половины, а доля вторичного и третичного секторов в совокупной занятости повысится до 70%. В контур динамичного экономического роста должно влиться порядка 250 млн. человек, то есть только немногим меньше, чем за предшествовавшие тридцать лет. Маховик экстенсивного экономического роста, опирающегося на индустриализацию, порождает практически неограниченный спрос на сырье, особенно энергоресурсы.

Экономическое сотрудничество КНР с государствами Центральной Азии полностью подчинено более общим задачам развития китайской экономики. Освоение Центральной Азии идет тем темпом, который соответствует китайским возможностям, при этом Китай стремится минимизировать издержки по поддержанию своего неспешного экономического продвижения в регион. Массированный товарный экспорт китайской продукции на центральноазиатские и российский рынки (в том числе через Синьцзян) призван хотя бы частично компенсировать те огромные затраты, которые КНР несет и планирует нести и впредь по ускоренному развитию своих западных регионов. Энергетическая политика КНР также направлена на то, чтобы подключить центральноазиатские углеводородные ресурсы к обслуживанию своих энергетических нужд в среднесрочной и долговременной перспективе.

Нарастающая экономическая активность КНР вблизи центральноазиатских границ порождает дополнительный спрос, который в возрастающих объемах закрывают сырьевые евразийские экспортеры. Экспорт сырья и металлов в КНР стал одним из главных факторов

бурного экономического роста в Казахстане в 2002–2008 гг. Специализация на удовлетворении потребностей КНР в сырье закрепляет превращение Центральной Азии и Евразии в сырьевой придаток уже не только европейской, но и китайской экономики. Парадоксально, однако, что параллельно успехи китайской промышленности объективно работают против всех центральноазиатских и евразийских (как и многих развивающихся) экономик в сфере обрабатывающей промышленности и до некоторой степени сельского хозяйства.

С одной стороны глобализация дает Китаю, располагающему гигантскими резервами дешевой и качественной рабочей силы и готовому к практически неограниченной экспортной экспансии на любые рынки, дополнительные преимущества. С другой стороны, Центральная Азия и Евразия сталкиваются с конкуренцией другого нерыночного порядка. Не связанный либеральной идеологией Китай широко использует в своей экономической политике подходы и рычаги из арсенала командно-административной экономики. Само стремительное развитие СУАР в значительной степени зиждется на нерыночном базисе. Центральноазиатские экономики конкурируют с двуликим Янусом, поворачивающимся то рыночной, то административной стороной и эффективно сужающим возможности сопредельных территорий к развитию вне сырьевого сектора.

Было бы, конечно, глупо обвинять Китай в навязывании своим экономическим контрагентам функции сырьевого придатка. Закрепление за центральноазиатским регионом этой функции имеет объективную природу и в конкретных исторических условиях не имеет альтернатив. Как справедливо подчеркивают китайские исследователи, сырьевая специализация евразийских экономик проявляется в их отношениях не только с КНР, но всеми другими странами современного мира. Однако это означает и то, что вне сырьевого добывающего сектора и некоторых отраслей сельского хозяйства в Центральной Азии и Евразии имеются крайне суженные возможности для производительного использования населения.

После почти двадцати лет независимости в Центральной Азии и Евразии в целом так и не сложились интегрированные национальные системы развития. Хозяйственная жизнь и экономический рост разбиты на несколько слабо связанных друг с другом контуров. Большая часть добывающей и металлургической промышленности Казахстана и Кыргызстана перешла под контроль иностранного и оффшорного капитала и поддерживает лишь минимальные воспроизводственные связи с другими отраслями промышленности и сферы услуг (исключая транспорт). Значительная и растущая часть платежеспособного спроса населения во всех странах региона, за частичным исключением Туркменистана и Узбекистана, удовлетворяется за счет импорта китайских промышленных изделий, причем в существенной мере в обход легальных торговых каналов. Из-за отсутствия возможностей производительной занятости огромные контингенты трудоспособного населения (до трети официальной рабочей силы в Кыргызстане и Таджикистане) вынуждены мигрировать в поисках работы в Россию. Переводы трудовых мигрантов позволяют поддерживать на плаву значительную часть населения.

Согласно демографическому прогнозу ООН в предстоящие двадцать пять лет население Центральной Азии будет продолжать увеличиваться довольно высокими темпами и к 2030 г. превысит 73 млн. человек. Если исключить Казахстан, численность населения которого в среднесрочной перспективе останется неизменной, совокупное население четырех стран региона приблизится к 60 млн. человек. Если для Кыргызстана еще теоретически можно представить вариант окончательного превращения в транзитное торговое государство–реэкспортер, да и то только в том случае, если соседи по региону и Россия будут и далее пассивно наблюдать за контрабандой товаров китайского происхождения через кыргызскую территорию, а Россия и до некоторой степени Казахстан будут продолжать аккумулировать массовую трудовую миграцию из этой страны, то в отношении шестимиллионного Таджикистана и особенно почти тридцатимиллионного

Узбекистана вариант трансформации в транзитные торговые государства представляется маловероятным. Переживавший до осени 2008 г. нефтяной бум Казахстан мог себе позволить некоторое время не обращать внимания на проблемы диверсификации экономической структуры вне сырьевого сектора. Однако, учитывая, что нефтедобывающая промышленность и металлургия обеспечивает занятость всего около 200 тысяч человек или менее 3% от совокупной рабочей силы, проблема обеспечения производительной занятости населения актуальна и для этой страны.

В 2006–2010 гг. только для обеспечения работой впервые выходящих на рынок труда работников Узбекистану ежегодно необходимо создавать около полумиллиона новых рабочих мест. Для Казахстана ежегодная потребность в новых рабочих местах оценивается в 116 тыс., Таджикистана – 109 тыс., Туркменистана – 83 и Кыргызстана – 74 тыс. (см. таблицу 8.1). Для Узбекистан и Таджикистана проблема обеспечения занятостью значительных контингентов новой рабочей силы останется жгуче актуальной как минимум до 2020 г. Следует при этом иметь ввиду то обстоятельство, что средний (медианный) возраст населения в центральноазиатских странах, за определенным исключением Казахстана, в ближайшие 15 лет не будет превышать 28 лет. Сами трудоизбыточные центральноазиатские страны не располагают возможностями для производительного трудоустройства быстро растущих контингентов рабочей силы.

В 1990–е годы и в текущем десятилетии они в массовом порядке сбрасывали трудовые ресурсы в Россию и до некоторой степени в Казахстан. В условиях глобального экономического кризиса, особенно серьезно поразившего сырьевые экономики, Россия, сталкивающаяся с ростом безработицы, вряд ли будет в состоянии абсорбировать в прежних объемах рабочих–мигрантов из трудоизбыточных постсоветских республик. Перебои в сфере формальной занятости с учетом доминирования в демографической структуре молодых страт неизбежно будут усиливать деформации центральноазиатских экономик. Параллельно повсеместно в регионе будет наблюдаться рост социально–политической напряженности.

Таблица 8.1.

Прогноз роста населения в трудоспособном возрасте и среднего (медианного) возраста

	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан	КНР
среднегодовое увеличение численности населения в трудоспособном возрасте, тыс. человек						
2006-2010	116	74	109	83	469	8948
2011-2015	27	51	117	56	354	4845
2016-2020	11	32	102	47	299	-1160
средний медианный возраст населения, лет						
2006-2010	29.2	24.6	20.1	24.2	23.5	33.7
2011-2015	30.1	26.2	21.8	26.0	25.3	35.7
2016-2020	31.5	28.0	23.4	28.1	27.4	37.2

Источник: средний вариант демографического прогноза ООН World Population Prospects: The 2006 Revision and World Urbanization Prospects: The 2005 Revision. Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat; расчеты авторов.

С аналогичными проблемами даже в более острой форме сталкивается и Россия. Послевоенная экономическая история (а до этого экономическая история развитых государств) показывает, что для более или менее крупных стран (а население России даже по самым драматическим демографическим прогнозам не опустится к 2050 г. ниже 100 млн. человек) успешное экономическое развитие и социально-политическая модернизация императивно связана с развитием обрабатывающей промышленности. Модель экономического развития, сформировавшаяся в современной России, не оставляет стране возможностей для развития обрабатывающего сектора. Очевидно также, что Россия недостаточно богата природными ресурсами для того, чтобы воспроизвести нефтесервисную модель Саудовской Аравии и некоторых других малых и сверхмалых по численности населения государств сырьевой специализации. Конечно, можно утешать себя мыслью о том, что в очередной раз Россия следует собственным невиданным путем. Тем не менее, такая модель развития для нее бесперспективна, а сохранение нынешнего порядка вещей обрекает страну на бесконечную череду сменяющих друг друга фрагментированных оффшорных «сырьевых авторитаризмов».

Невозможность реаллокации труда в более производительные секторы и отрасли экономики вкупе с другими факторами, угнетающими экономический рост центральноазиатского региона, будет способствовать тому, что и ближайшей перспективе Китай, экономические проблемы которого также не стоит недооценивать, будет все же по-прежнему развиваться опережающими Центральную Азию темпами. Хотя, возможно, разрыв в темпах роста окажется и не столь значительным как в период 1981–2008 гг. Различные варианты гипотез об экономическом росте центральноазиатской пятерки и КНР обобщены в таблице 8.2. Расчеты показывают, что к 2015 г. абсолютный ВВП КНР окажется в 27–34 раза больше совокупного валового внутреннего продукта центральноазиатской пятерки.

Таблица 8.2.

Прогноз динамики ВВП стран Центральной Азии относительно КНР, ВВП КНР за соответствующие годы принят за 100%

	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан	Центральная Азия
по текущему обменному курсу: высокая динамика мировой экономики						
2008	2.6	0.1	0.1	0.6	0.6	4.1
2015	2.0	0.1	0.1	0.5	0.5	3.1
по текущему обменному курсу: низкая динамика мировой экономики						
2008	2.6	0.1	0.1	0.6	0.6	4.1
2015	2.3	0.1	0.1	0.6	0.6	3.7
по ППС 2004 г.: высокая динамика мировой экономики						
2008	2.6	0.1	0.1	0.6	0.6	4.1
2015	1.7	0.1	0.1	0.3	0.7	2.9
по ППС 2004 г.: низкая динамика мировой экономики						
2008	2.6	0.1	0.1	0.6	0.6	4.1
2015	1.9	0.1	0.1	0.4	0.9	3.4

Рассчитано по: национальная и международная статистика; прогнозы авторов.

Еще более важно то, что все пять стран региона передвинутся вниз относительно Китая и на условной шкале уровня развития (см. таблицу 8.3). Только в Казахстане во всех вариантах расчетов среднедушевой ВВП в 2015 г. останется на более высоком по сравнению с КНР уровне. В варианте расчетов по официальным обменным курсам национальных валют в долларах и условиях 2006 г. по среднедушевому ВВП КНР будет обходить Таджикистан в 6–8 раз, Кыргызстан и Узбекистан – в 4–5 раз. Трудно поверить, что еще в 1990 г. аграрные центральноазиатские экономики опережали по данному показателю КНР в 1.6 – 2 раза.

Таблица 8.3.

Прогноз динамики среднедушевого ВВП стран Центральной Азии относительно КНР, ВВП КНР за соответствующие годы принят за 100%

	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан	Центральная Азия
в долл. 2006 г.: высокая динамика мировой экономики						
2008	224	28	19	170	30	90
2015	167	19	13	126	21	65
в долл. 2006 г.: низкая динамика мировой экономики						
2008	224	28	19	170	30	90
2015	192	24	16	156	27	77
по ППС 2004 г.: высокая динамика мировой экономики						
2008	189	36	32	96	44	83
2015	141	24	21	72	31	60
по ППС 2004 г.: низкая динамика мировой экономики						
2008	189	36	32	96	44	83
2015	162	30	27	88	39	71

Расчитано по: национальная и международная статистика; прогнозы авторов.

На обозримую перспективу принципиальным с точки зрения экономических перспектив Центральной Азии и Евразии моментом взаимодействия с Китаем является исключительно нарастающая китайская товарная экспансия на постсоветские рынки. В 2008 г. по предварительным данным экспорт КНР на рынки стран Содружества независимых государств достиг 72 млрд. долл. Между тем еще в 2000 г. данный показатель находился на уровне 3 млрд. долл. Если в 2000 г. все страны СНГ оттягивали на себя только 1% совокупного товарного экспорта Китая, то к 2008 г. эта доля составила уже 6% (см. таблицу 8.4). Быстрее китайский экспорт рос только в страны Евросоюза.

Таблица 8.4.

Доли стран и регионов в товарном экспорте КНР

	США	Евросоюз	Гонконг	Япония	АСЕАН	Южная Корея	ОПЕК	СНГ	Африка
Доля в совокупном экспорте КНР, %									
2000	21	15	18	17	7	5	2	1	2
2005	21	18	16	11	7	5	3	3	2
2006	21	20	16	9	7	5	3	3	2
2007	19	20	15	8	8	5	4	4	2
2008	21	25	16	10	10	6	6	6	3
Доля в приросте совокупного экспорта КНР, %									
2001	13	16	12	20	6	7	7	2	3
2002	26	12	20	6	9	5	4	3	1
2003	20	21	16	10	7	4	4	4	2
2004	21	18	16	9	8	5	2	3	2
2005	23	21	14	6	7	4	3	4	2
2006	20	27	15	4	8	5	4	3	3
2007	12	22	12	4	9	5	6	8	3
2008	11	25	6	7	10	6	10	11	5

Расчитано по: таможенная статистика КНР; база данных Всемирной торговой организации; оценки авторов

Китай все успешнее справляется с ролью промышленной мастерской постсоветского пространства, не оставляя последнему шансов на развитие сколько-нибудь значимого обрабатывающего сектора. В качестве парадокса отметим, что такая ущербная для евразийских экономик ситуация является результатом взаимодействия экономик, осуществивших и продолжающих достаточно глубокие рыночные преобразования, с экономикой, которую можно отнести к рыночной только с очень большими натяжками.

В настоящее время основными источниками промышленного экспорта в Центральную Азию выступают центральные и приморские провинции Китая. Однако в ближайшем будущем такая ситуация может измениться. В 2005 г. в столице Синьцзяна Урумчи прошла конференция с участием представителей десятков ведущих мировых транснациональных корпораций, в том числе в сфере обрабатывающей промышленности. Синьцзян предложил свои услуги в качестве трансрегионального центра для деятельности ТНК. На настоящий момент трудно сказать, насколько быстро Синьцзян укрепится в качестве обрабатывающего центра западных китайских провинций и близлежащих центральноазиатских и российских территорий. Иностранные инвестиции концентрируются в других точках китайского экономического пространства. Очевидно, однако, что в среднесрочной перспективе в пользу регионального возвышения СУАР действуют такие факторы как дешевизна и высокое качество местной рабочей силы, а также грамотная политика китайских властей, которые, безусловно, предоставят потенциальным инвесторам достаточные стимулы и льготы.

В случае продолжающегося опережающего роста западных провинций Китая, Синьцзян имеет все шансы превратиться в ведущий финансово-экономический центр Центральной Азии и прилегающих и близко географически расположенных российских регионов, иначе говоря, закрепить свое положение в качестве экономического центра формирующейся «большой Центральной Азии».

Если же говорить о более отдаленной перспективе, то не исключено, что Китай может рассматривать Центральную Азию как естественный сухопутный проход к нефтяным месторождениям Ближнего Востока. Через Каспийское море и территорию Казахстана и Туркменистана КНР напрямую выходит на Иран. В октябре 2004 г. Иран и КНР достигли принципиального согласия об участии китайских компаний в разработке крупного нефтяного месторождения Ядавран, извлекаемые запасы которого оцениваются более чем в 3 млрд. баррелей (410 млн. тонн). После ввода месторождения в эксплуатацию, что обойдется по оценкам в 70 млрд. долл., Иран взял на себя обязательство ежедневно поставлять в Китай 150 тыс. баррелей сырой нефти в день (около 7,5 млн. тонн в год).²⁴⁹ Доля Ирана в совокупном импорте нефти КНР в последние десятилетия растет: если в 1995 г. она составляла 5.4%, то с начала 2000-х годов она стабильно находится на уровне более 10%. Значимость Ирана в качестве перспективного поставщика нефти для Китая особенно возросла после военной оккупации Ирака, где китайские компании потеряли законтрактованные месторождения с потенциальной годовой производительностью в 23 млн. тонн.²⁵⁰

Конечно, в настоящий момент речь идет о гипотетических планах. Однако, в случае закрепления за Центральной Азией функции энергетического донора китайской экономики, а также быстрого социально-экономического прогресса западных провинций Китая, эти гипотетические планы перейдут в область практической реализации. Не следует забывать о том, что совокупное население двенадцати западных провинций, автономных районов и муниципалитетов КНР в настоящее время составляет около 375 млн. человек. К 2030 г. оно

---

²⁴⁹ Iran and China Sign Oil and Gas Agreements Worth \$70 billion// OPEC Bulletin, Vol.XXXV, N8, October 2004.

²⁵⁰ Xu X. China's Oil Strategy toward the Middle East/ Jaffe A.M. (Ed). Post September 11 Update Report: Political, Economic, Social, Cultural and Religious Trends in the Middle East and the Gulf and their Impact on Energy Supply, Security and Pricing. Ed. A.M. Jaffe. James A. Baker III Institute for Public Policy, 2002.

увеличится до примерно 385-395 млн.²⁵¹, а при продолжении политики массового переселения населения в западные регионы превысит 400 млн. человек. При сохранении высоких темпов экономического роста спрос на первичные энергоносители здесь существенно вырастет, более того сам этот рост невозможен без увеличения импорта углеводородов. Импортировать же нефть и природный газ из Ирана, а, возможно, и других стран Персидского залива, по системе трубопроводов через Туркменистан и Казахстан в Синьцзян и другие западные провинции может оказаться выгоднее в сравнении с доставкой ее через Малаккский пролив и южные прибрежные провинции.

При этом следует учитывать не только экономические факторы, но и соображения энергетической безопасности. При определенном развитии событий импорт нефти через Малаккский пролив может оказаться под угрозой, поэтому формирование второго канала поступления энергоресурсов в китайскую экономику позволяет снизить эти геополитические риски. Геополитические соображения особенно важны для китайской стороны потому, что подавляющее большинство местного экспертного сообщества оценивает события в Афганистане и Ираке (и даже Косово) как связанные части сценария США по установлению глобального военного контроля над регионами добычи нефти и ее транспортировки. Притом, что американские военные контролирует Малаккский пролив, создание сухопутной системы импорта углеводородов превращается в проблему энергетической безопасности.²⁵²

При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что, несмотря на масштабность потенциальных проектов энергетического сотрудничества с КНР, центральноазиатские и евразийские энергоэкспортеры, конечно, никак не могут заменить собой Ближний Восток. Для КНР (как, впрочем, и для всех импортеров углеводородов) центральноазиатская нефть, а в перспективе, возможно, и газ, важны, скорее, в качестве вспомогательного источника первичных энергоресурсов. Дополнительную ценность тесному энергетическому взаимодействию КНР с Центральной Азией придает и возможность использовать его в качестве рычага нажима на Россию.

---

²⁵¹ Подсчитано по: Toth F.L., Cao G-Y., Hizsnyik E. Regional Population Projections for China. International Institute for Applied Systems Analysis, Austria, Interim Report IR-03-042, December 2003.

²⁵² Constantin C. China's Conception of Energy Security: Sources and International Impacts. Centre of International Relations, The University of British Columbia. Working Paper N43, March 2005, PP.10,34.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный в работе комплексный анализ экономической связки Китай – Центральная Азия позволяет сформулировать в сжатой форме ряд принципиальных выводов, которые, будучи взяты вместе, дают полную рентгенограмму взаимодействия центральноазиатской пятерки и КНР.

Во-первых, экономическое взаимодействие КНР и Центральной Азии в ближайшем десятилетии будет развиваться быстрыми темпами. Такой ход событий отражает глобальную тенденцию – Китай продолжает превращаться в мощный экономический центр современного мира. Экспортные, инвестиционные, а в последние годы и технологические, возможности КНР постоянно растут. Возрастающая экономическая мощь Китая проявляется по всему полю мировой экономики и Центральная Азия, как и Евразия, не являются в этом смысле исключением.

Во-вторых, притом, что потоки товаров, услуг, инвестиций и технологий по линии Китай – Центральная Азия будут нарастать, в силу несопоставимости масштабов экономик значимость экономических связей для участников этого процесса является резко асимметричной. Для стремительно превращающегося в глобальный центр экономического притяжения Китая экономические связи с Центральной Азией не имеют сколько-нибудь серьезного макроэкономического значения. В лучшем случае Центральная Азия будет играть определенную роль в удовлетворении энергетических потребностей в основном западных провинций КНР. Для Центральной Азии же, учитывая более чем скромные размеры местных экономик (за некоторым исключением Казахстана) и отсутствие альтернатив, экономическое взаимодействие с КНР имеет важнейшее значение для поддержания положительной экономической динамики.

В-третьих, главные экономические интересы КНР в Центральной Азии по объективным причинам завязаны на экономического лидера региона – Казахстан. Казахстан останется основным экономическим партнером Китая и на обозримую перспективу. При определенном развитии событий вторым важнейшим центральноазиатским партнером КНР может стать Туркменистан.

В-четвертых, как другие центры глобальной экономической мощи, Китай заинтересован практически исключительно в природных ресурсах Центральной Азии, в первую очередь нефти Казахстана и природном газе Туркменистана. Нефтепровод Казахстан – Синьцзян–Уйгурский автономный район, пущенный в эксплуатацию в 2006 г., стал первым нефтепроводом, связавшим КНР с зарубежными месторождениями углеводородов. В 2009/2010 г. ожидается пуск в эксплуатацию газопровода Туркменистан – КНР.

В-пятых, для политического сопровождения своих экономических интересов в Центральной Азии (хотя и не только по этой причине) Китай пошел на создание Шанхайской организации сотрудничества. Механизмы многосторонней дипломатии и риторики позволяют КНР обеспечить «мягкое обволакивание» Центральной Азии в неконфронтационном режиме. При этом, следуя многовековым традициям и практике, главные свои экономические и политические задачи Китай реализует в регионе через двусторонние отношения. Опираясь на двусторонние отношения и механизм ШОС, Китай стремится активизировать региональное сотрудничество в Центральной Азии. В краткосрочном плане более тесное экономическое сотрудничество между центральноазиатскими странами облегчает проникновение китайского экспорта на местные рынки и в Россию. В долгосрочном плане региональное сотрудничество должно способствовать строительству газопровода Туркменистан – Узбекистан – Казахстан - Китай, если последний обнаружит значительные запасы природного газа в Туркменистане и примет решение о существенном наращивании импорта газа.

В-шестых, растущий внутренний спрос в КНР на практически всю группу сырьевых товаров закрепляет превращение Центральной Азии в сырьевой придаток не только

европейской, но и китайской экономики. Глобальная неконкурентоспособность центральноазиатских экономик в сравнении с географически близкой китайской предельно затрудняет для них, если не полностью закрывает, возможности диверсификации экономической структуры вне сырьевого сектора. Особенно болезненным образом конкуренция со стороны китайского импорта сказывается на экономике крупнейшего по численности населения центральноазиатского государства Узбекистана, который до самого последнего времени придерживался курса на создание собственной обрабатывающей промышленности. Какими либо практическими возможностями противостоять экспортному наступлению китайской продукции центральноазиатские экономики не располагают.

Все перечисленное вкупе с другими факторами подтверждает то обстоятельство, что адаптация к экономическому возвышению Китая представляет собой центральный вызов для центральноазиатского региона.

Нарастающее экономическое взаимодействие в связке КНР – Центральная Азия напрямую затрагивает интересы России. Представляется, что проведенный в работе анализ и полученные выводы могут быть полезны для России двояким образом. С одной стороны, в своей практической политике ей необходимо учитывать тот факт, что КНР де-факто является главным игроком на центральноазиатской экономической сцене (за исключением на момент завершения настоящей работы нефтегазового сектора), а в ближайшей перспективе имеет все шансы превратиться в доминирующего игрока. С другой стороны, будучи открытой сырьевой экономикой, Россия во взаимодействии с КНР сталкивается с проблемами, которые в значительной мере аналогичны проблемам, возникающим в связке Китай – Центральная Азия. В малых и сверхмалых центральноазиатских экономиках влияние китайского фактора на структуру экономического роста проявляется особенно быстро и выпукло. Опыт экономического взаимодействия Центральной Азии с КНР должен быть учтен при формулировании долгосрочных целей национального развития России.

ЛИТЕРАТУРА

Монографии, статьи, рабочие записки

Артыков Д. ТАСИС – ТРАСЕКА: перспективы развития// Экономика и статистика (Ташкент), №2, 1996.

Баженова Е.С., Островский А.В. Население Китая. М.: Мысль, 1991.

Бармин Глава I. Советская политика в Синьцзяне в 1918-1931 гг./Советский Союз и Синьцзян 1918-1941гг. Барнаул, 1998 (электронная версия: <http://bspn.ab.ru/Faculty/History/orient/proj/Xinjiang.doc>).

Бони Л.Д. Китайская деревня на пути к рынку (1978-2004 гг.). М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005.

Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии. Историческая динамика политического взаимодействия. М.: «Муравей», 2004.

Галямова В.Ф. Стратегия освоения Запада КНР/ Политика КНР на современном этапе: реалии и перспективы. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2005.

Глаголев А.И., Орлов Ю.Н. Газотранспортные проекты ОАО «Газпром» в Средней Азии. Приложение к журналу «Наука и техника в газовой промышленности». М.: «ИРТС Газпром», 2004.

Дубровская Д.В. Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в XIX веке. М.: Институт Востоковедения РАН, 1998.

Еженова К. «Терпение – вот чего нам всегда не хватает» (интервью с Майклом Портером)// Эксклюзив (Алматы), №3, март 2005, сс.22-24.

Еженова К. Как нарисовать казахстанский куб, не нарушая законов геометрии// Эксклюзив (Алматы) №6, июнь 2005, сс.3-12.

Жуков С.В. Китай в мире нефти: экономика и политика/ Энергетическая безопасность глобализирующегося мира и Россия. М.: ИМЭМО РАН, 2008.

Жуков С.В. Китай – новый глобальный энергетический игрок/ Жуков С.В. Мировой рынок нефти и газа: игроки и стратегии. М.: ИМЭМО РАН, 2008.

Жуков С.В. Китай: экономический рост и динамика спроса на нефть/ Мировая энергетика в условиях глобализации: вызовы для России. Под ред. Н.А.Симония. М.: ИМЭМО РАН, 2007.

Жуков С.В. Энергетические интересы Китая в Центральной Азии/ Восток-Oriens, №6, 2007.

Жуков С.В. Экономические интересы Китая и ШОС/ ШОС: становление и перспективы развития. Под ред. М.Ашимбаева и Г.Чуфрина. Алматы: ИМЭП, 2005.

- Жуков С.В. Центральная Азия: восстановительный рост 1996-2004 гг./ Евразия: современные проблемы развития, М.: ИМЭМО РАН, 2005.
- Жуков С.В. Киргизия и Узбекистан: шок против градуализма/ МЭиМО, №6, 2004.
- Жуков С.В. Казахстан: малый сырьевой экспортер с интернационализированными активами в условиях ограничений глобализации// Эксклюзив/Exclusive (Алматы), №10, 2004.
- Жуков С.В. Кыргызстан и Узбекистан: итоги первой декады независимого развития/ Центральная Азия и Южный Кавказ. Насущные проблемы-2003. Под ред. Б.Румера, Алматы: East Point, 2003.
- Жуков С.В. Россия – Центральная Азия: новая модель экономического взаимодействия/ Россия и Юг: возможности и пределы взаимодействия. М.: Финстатинформ, 1996.
- Жуков С.В. Сырьевые ресурсы Центральной Азии и перспективы интеграции в мировую экономику/ Государства Центральной Азии: поиск места в мировой политике. М.: ИМЭМО, 1995.
- Жуков С.В., Резникова О.Б. Экономические взаимосвязи на постсоветском пространстве// Вопросы экономики, №8, 2007.
- Жуков С.В., Резникова О.Б. Иллюзии и реалии интеграции на постсоветском пространстве// Эксклюзив/Exclusive (Алматы), №№8-9, 2007.
- Жуков С.В., Резникова О.Б. Китай и Центральная Азия: тенденции и перспективы экономического сотрудничества/ Центральная Азия и Южный Кавказ. Насущные проблемы-2005. Под ред. Б.Румера. Алматы, East Point, 2006.
- Жуков С.В., Резникова О.Б. Китай и Центральная Азия// Эксклюзив/Exclusive (Алматы), №2, 2006.
- Жуков С.В., Резникова О.Б. Экономическое взаимодействие на постсоветском пространстве// Кавказ & Глобализация (Швеция), Том 1, №1, 2006.
- Жуков С.В., Резникова О.Б. Экономические связи России и Казахстана: динамика, тенденции, перспективы/ Центральная Азия и Южный Кавказ. Насущные проблемы-2004. Под ред. Б.Румера. Алматы: East Point, 2004.
- Жуков С.В., Резникова О.Б. Экономическое взаимодействие России и Казахстана в глобальном контексте/ Восток-Oriens, №.4, 2004.
- Жуков С.В., Резникова О.Б. Постсоветский Юг в формирующейся геополитической системе мира/ Меняющийся мир и Россия. М.: ИМЭМО РАН, 2004.
- Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия и Южный Кавказ в мировой экономике/ Меняющийся мир и Россия. М.: ИМЭМО РАН, 2004.
- Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия в социально-экономических структурах современного мира. М.: Московский общественный научный фонд, 2001.

- Исингарин Н. Инвестициям нужна ясность// Эксперт Казахстана (Алматы), №47, 3 декабря 2007.
- Исламов Э., Шарипов С. В условиях экономического гнета в Узбекистане появляются признаки нестабильности// <http://www.eurasia.net>.
- История и развитие Синьцзяна. Белая книга. Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 27 мая 2003 // <http://www.chinaembassy.uz/rus/dtxw/t130104.htm> (английский текст доступен по адресу: <http://www.china.org/cn/e-white/20030526/9.htm>).
- История Китая. Под ред. А.В. Меликсетова. М.: Изд-во Московского университета, 2004.
- Камалов А.К. Торговые отношения Британской Индии с Восточным Туркестаном в 1920-1930-х гг.// http://ymyt.com/cgi-bin/ru/view.cgi?id=294&cat_id=3&print=1.
- Караханов М.К. Некапиталистический путь развития и проблемы народонаселения. Ташкент: «Фан», 1983.
- Касенова Н. Новый международный донор: помощь Китая Таджикистану и Киргизстану. Центр Россия/ННГ, Russie. Nei.Visions, IFRI, n36. January 2009.
- Кошербаева А.Б. Структура и эффективность экономического сотрудничества Казахстана и КНР. КазМунайГаз Консалтинг, Астана, 2006 (mimeo).
- Кузнецов В.С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне в первой половине XIX века. Москва: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1972.
- Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том II: Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Алматы: КИСИ, 2006.
- Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том I: Центральная Азия и Казахстан в современной политологии. Алматы: КИСИ, 2005.
- Михеев В.В. Китай – Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М.: 2009.
- Моисеев В.А. Из истории Илийского кризиса (заятие русскими войсками Кульджинского края в 1871 г.)/ Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений. Барнаул, 1996.
- Наумов И.Н. Стратегия экономического развития КНР в 1996–2020 гг. и проблемы ее реализации. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2001.
- О Транспортной стратегии Республики Казахстан до 2015 года. Указ Президента Республики Казахстан от 11 апреля 2006 года №86 // Казахстанская правда (Алматы), 13 апреля 2006.
- Омельченко О.А. Экономическое развитие Синьцзяна в 1949-1978 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Томский государственный университет, Томск, 2000.

Островский А.В. Освоение западных районов КНР как фактор развития торгово-экономических отношений между странами ШОС/ Проблемы становления Шанхайской Организации Сотрудничества и взаимодействие России и Китая в Центральной Азии. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2005.

Петров В.И. Мятежное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: Издательство «Крафт+», 2003.

Портер М. Международная конкуренция. М.: «Международные отношения», 1993.

Резникова О.Б. Постсоветская трудовая миграция// МЭиМО, №3, 2009, сс.75-82.

Резникова О.Б. Перспективы миграций на постсоветском пространстве// Кавказ & Глобализация, Том 2, Выпуск 4, 2008 (CA&CC Press, Швеция).

Резникова О.Б. Мировой опыт регулирования трудовой миграции: уроки для России/ Миграционные процессы в развивающихся странах Азии и Африки: основные проблемы. Отв. ред. А.А. Рогожин. М.: ИМЭМО РАН, 2008.

Резникова О.Б. Взаимодействие России и развивающихся стран по линии человеческого капитала: возможности для сотрудничества и нарастающая конкуренция/ Современное состояние бизнес-среды развивающихся стран в свете национальных экономических интересов России (итоговый документ). М.: ИМЭМО РАН, 2008.

Резникова О.Б. Межстрановые миграции в постсоветском пространстве/ Миграционные процессы в развивающихся странах Азии и Африки. Отв. ред. А.А. Рогожин. М.: ИМЭМО РАН, 2007.

Резникова О.Б. Китай и Центральная Азия: асимметрии экономического взаимодействия/ Евразия: современные проблемы развития. Отв. ред. А.А.Рогожин. М.: ИМЭМО РАН, 2005.

Резникова О.Б. Экономическое развитие государств Центральной Азии и Кавказа: роль внешних ресурсов// МЭиМО, № 4, 2003.

Резникова О.Б. Перспективы притока прямых иностранных инвестиций в экономику Центральной Азии и Кавказа/ Центральная Азия и Южный Кавказ. Насущные проблемы-2003. Под ред. Б. Румера, Алматы: East Point, 2003.

Резникова О.Б. Могут ли внешние ресурсы выступить мотором экономического развития государств Центральной Азии и Кавказа/ Центральная Азия и Южный Кавказ. Насущные проблемы–2002. Под ред. Б. Румера, Алматы: East Point, 2002.

Резникова О.Б. Россия и развивающиеся страны: «эволюция интересов»/ Россия и Юг: возможности и пределы взаимодействия. М.: Финстатинформ, 1996.

Резникова О.Б. Центральная Азия и Россия в глобально–политическом контексте/ Государства Центральной Азии: поиск места в мировой политике. М.: ИМЭМО, 1995.

Сагинбаева А. Китай и Кыргызстан: ожиданий больше, чем реального сотрудничества. Доклад на международной конференции Sasakawa Peace Foundation «Китай и Центральная Азия: экономические отношения, текущая ситуация и перспективы», Бангкок, июль 2006 (mimeo).

Садовская Е.Ю. Трудовые миграции в Республике Казахстан как основа трансграничных миграций/ Фронтьерские миграции. Сборник научных трудов. Под общей редакцией Ж. Зайончковской, М. Садыкова. Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ/ Независимый Исследовательский Совет по миграции стран СНГ и Балтии/Западно-Казахстанский фонд науки и образования "АКЖОЛ"/ Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Уральск, 2002.

Сладковский М.И. История торгово–экономических отношений СССР с Китаем. 1917–1974. М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1977.

Стратегия индустриально–инновационного развития Республики Казахстан на 2003–2015 годы. Астана: Министерство индустрии и торговли Республики Казахстана, 2003.

Сыроежкин К.Л. Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. Алматы: КИСИ, 2006.

Сыроежкин К.Л. Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. Алматы: «Дайк-Пресс», 2003.

Татимов М.Б. Социальная обусловленность демографических процессов. М.: Наука, 1989.

Фанлин Ц. Проблемы торгово-экономического сотрудничества между Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая (СУАР) и новыми независимыми государствами Центральной Азии// Вестник Московского Университета, Серия 13, Востоковедение, №3, 2003, сс.40-55.

Цзин С. Экономическое развитие автономного района СиньЦзян КНР и стран Центральной Азии. Магистерская диссертация, ИСАА при МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва 1999.

Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV–XIX вв.). Алматы: «Гылым», 1995.

Чжао Х. Китай, Центральная Азия и Шанхайская Организация Сотрудничества. Рабочие материалы, №5. М.: Московский Центр Карнеги, 2005.

Чжао Х. Взгляд Китая на роль США по обеспечению безопасности в Центральной Азии/ Сотрудничество стран Центральной Азии и США по обеспечению безопасности в регионе. Материалы международной конференции. Под ред. М.Ашимбаева и Дж.Минутти. Алматы: Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента РК, 2005, сс.41-48.

Шеметова Т.А. Некоторые сведения о торговле России и Синьцзяна во втором десятилетии XX в./ Востоковедные исследования на Алтае, том 2, сс.125-130 (электронная версия: <http://new.hist.asu.ru/biblio/v2>).

ШОС: становление и перспективы развития. Под ред. М.Ашимбаева и Г.Чуфрина. Алматы: ИМЭП, 2005.

Экспортно–импортные потоки РФ. Сопоставление данных таможенной статистики РФ и статистики международной торговли ОЭСР. Отв. ред. И.С. Королев. М.: ИМЭМО, 2003.

Apyshev M. Economic Problems at Crucial Moment of History// The Central Asian Post (Bishkek), №5, 8 February 1999.

- Banister J. Manufacturing Employment in China// Monthly Labor Review, July 2005.
- Banister J. Manufacturing Employment and Compensation in China. Paper written for the U.S. Department of Labor, Bureau of Labor Statistics, December 2004 (mimeo).
- Becquelin N. Staged Development in Xinjiang// The China Quarterly, vol.178, June 2004, PP.358-378.
- Brilliant Achievements in National Economy and Social Development// <http://www.sinkiang.gov.cn> (загружено 7 марта 2006).
- Central Asia at the End of the Transition. Ed. B. Rumer. Armonk, New York: M.E.Sharpe, 2005.
- Central Asia . A Gathering Storm? Ed. B. Rumer. Armonk, New York: M.E.Sharpe, 2002.
- Central Asia and the New Global Economy. Ed. B. Rumer. Armonk, New York: M.E.Sharpe, 2000.
- Central Asia. The Challenges of Independence. Eds.B. Rumer & S. Zhukov. Armonk, New York: M.E. Sharpe, 1998.
- Central Asia in Transition. Dilemmas of Political and Economic Development. Ed. B. Rumer. Armonk, New York: M.E. Sharpe, 1996.
- Cerra V., Rivera S.A., Saxena S.C. Crouching Tiger, Hidden Dragon: What are the Consequences of China's WTO Entry for India's Trade. IMF Working Paper N05/101. Wash. D.C.: IMF, May 2005.
- Chapagain A.K., Hoekstra A.Y., Savenije H.H.G., Gautam R. The Water Footprint of Cotton Consumption. UNESCO Institute for Water Education, Value of Water Research Report Series N18, September 2005.
- Chevalier B. Euro-Asian Transport Development: An European View/ Перспективы Центральной Азии как транзитного моста между Европой и Китаем. Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан/ Фонд имени Фридриха Эберта в Казахстане. Материалы международной конференции, Алматы, 25 апреля 2005
- China's crude oil supply, demand and import in 2020// Alexander's Gas & Oil Connections. News and Trends: East and South East Asia, vol.10, issue №6, 23 March 2005 (<http://www.oilandgas.com>).
- China's Worldwide Quest for Energy Security. International Energy Agency, 2000.
- Constantin C. China's Conception of Energy Security: Sources and International Impacts. Centre of International Relations, The University of British Columbia. Working Paper N43, March 2005.
- Cotton Price Distortions. Building a Case for Reform. Centre for International Economics and Cotton Research and Development Corporation. 25 June 2002.
- Dayal-Gulati A., Husain A.M. Centripetal Forces in China's Economic Takeoff// IMF Staff Papers, Vol.49, N3, 2002, PP.364-379.

Developed Country Cotton Subsidies and Developing Countries: Unraveling the Impacts on Africa. Overseas Development Institute Briefing Paper, July 2004.

Duncan R. Tian X. China's Inter-provincial Disparities: An Explanation. China Center for Economic Research, Working Paper Series N1999012, 1999.

The Economic Development of Xinjiang after the Founding of New China// <http://www.xinjiang.gov.cn> (загружено 7 марта 2006)

Fan E.X., Felipe J. The Diverging Patterns of Profitability, Investment and Growth of China and India, 1980–2003. Centre for Applied Macroeconomic Analysis, The Australian National University. CAMA Working Paper No.22, November 2005.

Griffin K. Rural Development in an Arid Region: Xinjiang// Third World Quarterly, Vol.8, N3, 1986, PP.978-1001.

International Energy Outlook 2005. Energy Information Administration, U.S. Department of Energy. Wash. D.C. July 2005.

Iran and China Sign Oil and Gas Agreements Worth \$70 billion// OPEC Bulletin, Vol.XXXV, N8, October 2004.

Ito K., Zhidong L., Komiyama R. Asian Energy Outlook to 2020: Trends, Patterns and Imperatives of Regional Cooperation. Research and Information System for Developing Countries, Discussion Paper N93, April 2005.

Lall S., Albaladejo M. China's Competitive Performance: A Threat to East Asian Manufactured Exports?// World Development, Vol.32, N 9, PP.1441-1466.

Lett E., Banister J. Labor Costs of Manufacturing Employees in China: An Update to 2003–04 // Monthly Labor Review, November 2006.

Lifan L, Shiwu D. Geopolitical Interests of Russia, the U.S. and China in Central Asia// Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden), N3, 2004., PP.139-146.

Lin J.Y., Liu P. Development Strategies and Regional Income Disparities in China. China Center for Economic Research, Working Paper NE2005005, November 2005.

Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. OECD, Development Centre Studies. Paris, 2001.

Maddison A. Chinese Economic Performance in the Long Run. OECD, Development Centre Studies. Paris, 1998.

Maddison A. Monitoring the World Economy 1820-1992. OECD, Development Centre Studies. Paris, 1995.

Medlock K.B. Energy and Natural Gas in Northeast Asia. Options for the Future/ Energy Security: Implications for U.S.–China–Middle East Relations. The James A.Baker III Institute for Public Policy of Rice University, July 18, 2005.

Miller L. New Rules to the Old Great Game: Assessment of the Shanghai Cooperation Organization's Proposed Free Trade Zone// The CEF Quarterly, October 2004.

Regional Cooperation Strategy and Program for Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) member Countries (Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyz Republic Mongolia, People's Republic of China, Tajikistan, Uzbekistan) 2005–2007 . Asian Development Bank, July 2004.

Reznikova O.B. The Prospects for the Injection of Foreign Direct Investment into the Economies States in Central Asia and the Caucasus/ Central Asia and South Caucasus Affairs: 2003. Ed. B.Rumer, Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation, December 2003.

Reznikova O.B. Can Foreign Resources Be the Motor of Economic Development in the States of Central Asia and the Caucasus?/ Central Asia and South Caucasus Affairs: 2002. Ed. B.Rumer, Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation, 2002.

Rumer E., Trenin D., Huasheng Zh. Central Asia. Views from Washington, Moscow and Beijing. Armonk, New York: M.E. Sharpe, 2007.

Shihab-Eldin A., Hamel M., Brennan G. Oil Outlook to 2025. OPEC Review Paper, September 2004.

Snow T., Faye M., McArthur J., Sachs J. Country Case Studies on the Challenges Facing Landlocked Developing Countries. UNDP, January 2003.

State Support for the Development of Xinjiang// <http://www.xinjiang.gov.cn> (загружено 7 марта 2006).

Taylor.L. Economic Openness – Problems to the Century's End. World Institute for Development Economics Research, Working Paper N 41. Helsinki, April 1988.

Toops S.W. The Demography of Xinjiang/ Xinjiang. China's Muslim Borderland. Ed. S. Frederick Starr, Armonk, New York: M.E. Sharpe, 2004.

Toth F.L., Cao G-Y., Hizaonyik E. Regional Population Projections for China. International Institute for Applied Systems Analysis, Austria, Interim Report IR-03-042, December 2003.

Transit Transport Issues in Landlocked and Transit Developing Countries. Economic Commission for Asia and the Pacific, United Nations, New York, 2003.

Wang X., Meng L. A Revaluation of China's Economic Growth// China Economic Review, N12, 2001, PP.338-346.

Wang Z. The Impact of China's WTO Accession on Patterns of World Trade// Journal of Policy Modelling, Vol.25, N 1, January 2003, PP.1– 41.

Wiemer C. The Economy of Xinjiang/ Xinjiang. China's Muslim Borderland. Ed. S.Frederick Starr, Armonk, New York: M.E. Sharpe, 2004, PP.163–189.

Wu Y. Understanding Economic Growth in Western China: Preliminary Findings. Proceedings of the 16th Annual Conference of the association for Chinese Economic Studies, Australia (ACESA), Brisbane, QLD, 19-20 July 2004.

Xinjiang. China's Muslim Borderland/ Ed. S.Frederick Starr - New York: M.E. Sharpe, 2004.

Xu X. China's Oil Strategy toward the Middle East/ Ed. Jaffe A.M. Post September 11 Update Report: Political, Economic. Social, Cultural and Religious Trends in the Middle East and the Gulf and their Impact on Energy Supply, Security and Pricing. James A.Baker III Institute for Public Policy, September 2002.

Xu X. The Gas Dragon's Rise: Chinese Natural Gas Strategy and Import Patterns/ China and Long-range Asia Energy Security: An Analysis of the Political, Economic and Technological Factors Shaping Asian Energy Markets. Center for International Political Economy, James A.Baker III Institute for Public Policy, April 1999.

Xu X. The Oil and Gas Links between Central Asia and China: A Geopolitical Perspective// OPEC Review, Vol.XXIII, N1, March 1999.

Xing G. The Shanghai Cooperation Organization in the Fight against Terrorism, Extremism and Separatism// Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden), N4 2002, PP.12-20.

Yan G. Fisheries Development in Xinjiang, China. FAO 2004.

Yu X., Yu M., Ewell F. Xinjiang Cotton Production and Its Impact to China's Cotton Market. Tarim University & Tarleton University, 2005 (mimeo).

Zhao H. China, Russia, and the U.S.: Their Interests, Postures, and Interrelations in Central Asia// Central Asia and the Caucasus (Lulea, Sweden), N5 2004, PP.116-125; N6 2004, PP.86-94.

Zhukov S.V. Kyrgyzstan and Uzbekistan: Results of the First Decade of Independent Development/ Central Asia and South Caucasus Affairs: 2003. Ed. B.Rumer. Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation, December 2003

Zhukov S.V., Reznikova O.B. China and Central Asia: Tendencies and Prospects for Economic Cooperation/ Central Asia and South Caucasus Affairs: 2005.Ed. B.Rumer. Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation, March 2006.

Zhukov S.V., Reznikova O.B. Economic Ties Between Russia and Kazakhstan: Dynamics, Tendencies, and Prospects/ Central Asia at the End of the Transition. Ed. B.Rumer. Armonk, New York: M.E.Sharpe, 2005.

Статистические сборники и базы данных

База данных ФАО – http://ftp.fao.org/agl/aglw/aquastat/aquastat_2003.xl

Бюллетень Национального банка Кыргызской Республики. Бишкек, 2000-2009.

Внешнеэкономическая деятельность государств Содружества. Статистический сборник. М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 1994-2008.

Внешнеэкономическая деятельность Туркменистана в 1996-1998гг. Ашгабат: Национальный институт статистики и прогнозирования Туркменистана, 1999.

Официальный сайт Национального бюро по статистике КНР -

Официальный сайт Национального – <http://www.stat.kz> .

Платежный баланс Кыргызской Республики. Бишкек: Национальный банк Кыргызской Республики, 2000-2008.

Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат РФ, 1994-2008.

Сайт Агентства Республики Казахстан по статистике. – <http://www.stat.kz>.

Сайт Национального банка Республики Казахстан – <http://www.nationalbank.kz>.

Сайт Национального банка Республики Кыргызстан – <http://www.nbkr.kg>.

Сайт Национального статистического комитета Кыргызской Республики – <http://www.stat.kg> .

Сайт ЮНИДО – <http://www.unido.org>

Содружество независимых государств. Статистический ежегодник. М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 1995–2008 .

Социально-экономическое положение Республики Казахстан. Алматы: Агентство по статистике, за разные годы и месяцы.

Социально-экономическое положение Кыргызской Республики. Бишкек: Национальный статистический комитет, за разные годы и месяцы.

Социально-экономическое положение Туркменистана за январь-декабрь 1999. Ашгабат: Национальный институт статистики и прогнозирования, 1999.

Статистический бюллетень. Алматы: Национальный банк Республики Казахстан, 2003– 2009 .

Статистический бюллетень СНГ. М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 1994–2009 .

Статистический ежегодник Казахстана. Алматы: Агентство Республики Казахстан по статистике, 1992–2008.

Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе: Государственный комитет статистики, за разные годы.

Страны-члены Содружества Независимых Государств в 1991г. Статистический комитет СНГ. М.: Финансовый инжиниринг, 1992.

Туркменистан в цифрах в 1995 году. Краткий справочник. Ашгабат, 1996.

Узбекистан. Десять лет на пути формирования рыночной экономики. Ташкент, 2001.

Узбекистан в цифрах, 2002. Статистический сборник. Ташкент: Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике, 2003.

Узбекистан в цифрах в 1990г. Краткий статистический сборник. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике, 1991.

Узбекистан. Отчет о человеческом развитии/UNDP/Центр экономических исследований. Ташкент, за разные годы.

BP Statistical Review of World Energy, 2003–2008. – <http://www.bp.com>.

Consistency between GDP based on PPPS and National Accounts Time Series. Working Paper No 14, Statistical Commission and Economic Commission for Europe, Conference of European Statisticians. Joint Consultation on the European Comparison Programme, Geneva, 12-14 November 2001.

Directions of Trade Statistics Quarterly. IMF, 2002–2008.

Former Soviet Republics. Output, Capital, Labor: 1973–1997. Electronic Data Base constructed by W.Easterly & S.Fisher and updated by M. De Broek & V.Koen.

Statistical Yearbook of China 1983–2008. National Bureau of Statistics of China.

World Development Indicators. World Bank CD-ROM 2008.

World Economic Outlook. IMF, September 2008

United Nations Population Division. World Population and Prospects: The 2006 Revision Data Base// <http://esa.un.org/unpp/>.

2005 International Comparison Program Preliminary Results. World Bank Wash. D.C. December 2007.

Периодика и информационные ресурсы

Азиатский банк развития – <http://www.adb.org>

Азия. Экономика и жизнь (Москва), 1996–1998 .

Ведомости (Москва), 2001–2009.

Время Новостей (Москва), 2000–2009.

Деловая неделя (Алматы), 1998–2009 .

Деловой Мир (Москва), 1998–2000

Казахстанская Правда (Алматы), 1996–2009.

Коммерсантъ (Москва), 1995–2009.

Панорама (Алматы), 1996–2009

Правда Востока (Ташкент), 1996–2009 –

Центральная Азия (Швеция), 1996-1998.

Центральная Азия и Кавказ (Швеция), 1999-2009.

<http://business.uzreport.com>

<http://www.chinadaily.com>.

<http://www.chinamining.org>

<http://www.cnpc.com.cn/eng/>

<http://www.cps.uz>

<http://english.peopledaily.com.cn>

<http://www.eurasia.net>.

<http://www.inform.kz>

<http://www.gazeta.kz>

<http://www.mineral.ru>

<http://neftegaz.ru>

<http://www.oilandgas.com>

<http://news.xinhuanet.com>

<http://www.traceca-org.org>

<http://www.sinkiang.gov.cn>

<http://www.tribun.tj>

<http://www.turkmenistan.ru>

<http://www.turkmenistan.gov.tm>

<http://www.wise-uranium.org>

<http://www.world-nuclear.org>.

<http://www.xinjiang.gov.cn>

Ключ к пониманию будущего постсоветских государств лежит в сфере экономики. В академической манере авторы показывают, что экономическое сближение с Китаем не только отрывает центральноазиатским странам дополнительные возможности сырьевого роста, но и таит в себе серьезные вызовы.

Леонид Фридман, Институт стран Азии и Африки, МГУ, Москва

Фундаментальное, выполненное на высоком профессиональном уровне исследование создает объемную картину экономического продвижения Китая в Центральную Азию. Масштабы и скорость этого процесса не могут не впечатлять. На наших глазах происходит становление «большой Центральной Азии» с экономическим центром в Урумчи.

Борис Румер, Davis Center, Harvard University, Boston

С опорой на богатый статистический материал авторы показывают, как Китай закрепился в Центральной Азии в качестве ключевого экономического и энергетического игрока. Очевидно, что региону следует готовиться к быстрому усилению политической роли КНР.

Константин Сыроежкин, Институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, Алматы